PV
166
отд

Ю. Айхенвальдъ.

Отдѣльныя страницы

Сборникъ
педагогическихъ,
философскихъ
и литературныхъ
статей.

К-во Заря

Ю. Айхенвальдъ.

ОТДѢЛЬНЫЯ СТРАНИЦЫ

I.

СБОРНИКЪ

педагогическихъ, философскихъ и литературныхъ статей.

Книгоиздательство „ЗАРЯ“.
МОСКВА. — 1910.

ПРОВ. 1958

PV
166

42814

Типографія «Общественная Польза». Бол. Тверская-Ямская, д. 26.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отъ автора. Стр.

Шопенгауэръ о дѣтяхъ 1
Очеркъ педагогическихъ воззрѣній Фихте 19
О воспитаніи Д. С. Милля 51
Викторъ Гюго, какъ поэтъ семьи и дѣтей. 65
Памяти Ушинскаго 101
Предисловіе къ русскому переводу книги Элленъ Кей „Вѣкъ ребенка“ 117
Чувство пола у дѣтей 133
О застѣнчивости 145
Изъ мыслей Гете и о Гете. 153
Владиміръ Соловьевъ. 173
Очеркъ этическихъ воззрѣній Н. Я. Грота. 183

Отъ автора.

Предлагаемые очерки, какъ и тѣ, которые будутъ напечатаны въ видѣ продолженія этой книги, извлечены со страницъ *Вѣстника Воспитанія, Вопросовъ Философіи и Психологіи, Русской Мысли, Научнаго Слова; Слова* и другихъ изданій; но предварительно авторъ всѣ статьи нѣсколько переработалъ.

ШОПЕНГАУЭРЪ О ДѢТЯХЪ.

Дѣйствительность во всемъ разнообразіи своихъ проявленій давала Шопенгауэру неизсякаемо-богатый матеріалъ, на которомъ онъ не уставалъ провѣрять свою отвлеченную систему міра. Съ удивительной глубиною и остроуміемъ объяснялъ онъ при помощи своей философской теоріи повседневные факты жизни и человѣческихъ отношеній; ни одинъ мыслитель, древній или новый, не высказалъ столько геніальныхъ замѣчаній о самыхъ различныхъ сторонахъ бытія; никто въ такой смѣлой и высокой степени не прилагалъ своего метафизическаго ученія къ простому и обыденному. И это простое и обыденное, мимо котораго другіе философы проходятъ равнодушно, подъ художественнымъ перомъ Шопенгауэра стройно укладывалось въ рамки его общаго міросозерцанія и озарялось новымъ и оригинальнымъ свѣтомъ. На страницахъ его произведеній въ изобиліи разсыпаны сверкающіе афоризмы и трактаты—откровенія о великомъ и маломъ на землѣ.

Эти глубокомысленные отзвуки на естественный голосъ жизни, это вѣрное эхо конкретно-существующаго вполнѣ понятны именно у Шопенгауэра. Если міръ, какъ онъ училъ,—осуществленіе воли къ жизни, то все, что происходитъ въ мірѣ, дѣла людей, и важныя, и ничтожныя, событія исторіи и злобы дня, законы природы и уставы общежитія, личное и общественное,—

все должно быть окрашено этимъ безсознательнымъ и могучимъ стремленіемъ къ жизни, и все, такимъ образомъ, должно имѣть смыслъ и объясненіе въ глазахъ того, кто провозглашаетъ, что міръ — воплощенная воля. Философія раціонализма, которая считаетъ бытіе проявленіемъ вѣчнаго ума, развитіемъ идеи, конечно, непримѣнима такъ наглядно ко всѣмъ гранямъ дѣйствительности, какъ философія воли, которая на каждомъ единичномъ случаѣ жизни можетъ видѣть свое оправданіе. Съ высоты абсолютной идеи трудно спуститься въ глубь относительнаго и преходящаго, и тончайшую нить діалектическаго мышленія надо соткать для того, чтобы связать въ одно органическое цѣлое эту идею и житейскій ирраціональный фактъ. Какъ въ неразумномъ, на которое столь щедра жизнь, увидѣть порожденіе разума, какъ безсмыслицу понять изъ мысли? Вотъ почему Шопенгауэръ, который въ основаніе бытія кладетъ не духъ, не разумъ, а слѣпую волю къ жизни, чудовищный и голодный инстинктъ, съ точки зрѣнія своей системы легко проникаетъ въ смыслъ и безсмыслицу всякаго отдѣльнаго явленія жизни. Ему не приходится думать о теодицеѣ.

Задумываясь надъ міромъ во всѣхъ его деталяхъ, Шопенгауэръ не обошелъ и вопроса о дѣтяхъ и воспитаніи. Одинокій и угрюмый холостякъ, всегда чѣмъ-нибудь недовольный, всегда готовый на вспышку гнѣва, онъ не былъ окруженъ дѣтьми и непосредственно не изучалъ ихъ. Онъ не могъ любить ихъ уже потому, что его раздражалъ всякій шумъ, и у него есть цѣлое разсужденіе о шумѣ и гамѣ, проникнутое злобнымъ негодованіемъ противъ тѣхъ, кто шумитъ и этимъ прогоняетъ мысли изъ головы философа. Крикъ дѣтей онъ считалъ чѣмъ-то ужаснымъ, на-ряду съ ударами молотка и лаемъ собаки. Онъ признавалъ жестокимъ, хотя и справедливымъ, что мы всю

свою жизнь обречены каждый день слышать крики столькихъ дѣтей,—возмездіе за то, что мы сами когда-то въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ кричали. Дѣтскій улей поэтому былъ бы для него мукой ада. Но далекій отъ дѣтей на практикѣ, нашъ одинокій мыслитель не оставлялъ ихъ безъ своего теоретическаго вниманія, и въ разныхъ мѣстахъ своихъ сочиненій онъ характеризуетъ внутренній міръ ребенка и выражаетъ свои педагогическія воззрѣнія. Его мысли о „малыхъ сихъ“, тѣсно связанныя съ его философскимъ исповѣданіемъ, иной разъ глубокія, иной разъ явно односторонніе, интересными чертами дополняютъ умственный и нравственный обликъ геніальнаго брюзги.

Міръ—воплощеніе воли къ жизни. Поднимаясь все выше и выше по ступенямъ бытія, эта воля, первоначально темная, достигаетъ въ человѣкѣ самосознанія, зажигаетъ факелъ самой себѣ. Но отъ того, что изъ прежняго мрака она вышла на свѣтъ интеллекта, ея велѣнія не слабѣютъ; они властно руководятъ существованіемъ людей и дѣйствуютъ даже тамъ, гдѣ, повидимому, наши поступки свободны, гдѣ на первый взглядъ мотивы нашего поведенія не зависятъ отъ ея стихійной мощи. Ея господство достигаетъ крайней силы въ сферѣ любви. Тамъ она побуждаетъ индвидуумъ не только стремиться къ собственной жизни, но и, безсознательно для себя, подъ видомъ личнаго наслажденія, заботиться о созданіи наиболѣе совершеннаго типа будущихъ поколѣній. Она облекаетъ человѣческую любовь приманкой неотразимыхъ чаръ, но дѣлаетъ это не въ интересахъ любящей четы, а ради ея потомства; она обманываетъ особь и печется о родѣ. Объятія любви, это — желаніе всѣхъ желаній, самое яркое проявленіе воли, ея торжествующая побѣда.

Они завязываютъ узелъ міра. Но само по себѣ влеченіе воли—источникъ всѣхъ міровыхъ невзгодъ и великій первородный грѣхъ. Когда отдѣльное существо стремится къ тому, чтобы утвердить свое бытіе, когда оно *хочетъ*, то самое хотѣніе заключаетъ въ себѣ вину, которую надо искупить. И такъ какъ любовь—концентрація воли, фокусъ ея, то любовь грѣховна; она платитъ новую дань волѣ къ жизни. Эта вина находитъ себѣ искупленіе въ томъ, что на свѣтъ рождается дитя и вмѣстѣ съ нимъ опять воскресаетъ для воли возможность познать себя и даже отринуть себя во имя блаженной нирваны и аскетизма — высшій идеалъ человѣческой нравственности. И вотъ почему въ то время какъ ласки любви составляютъ предметъ стыда и крадутся во тьмѣ и молчаніи, женщина, не стѣсняясь, гордо и смѣло носитъ свое грядущее материнство. Ея ребенокъ—ея искупитель. Дѣти—наше оправданіе.

Такъ учитъ Шопенгауэръ. Извѣстный врагъ и ненавистникъ женщины, онъ съ уваженіемъ склоняется передъ матерью. Онъ не разъ настаиваетъ на томъ, что мужчина долженъ неуклонно заботиться о матери своихъ дѣтей, щадить ея слабость и работать для семьи. Правда, онъ не считаетъ любви женщины къ своему ребенку чѣмъ-то постояннымъ и прочнымъ; это инстинктивное чувство, по его мнѣнію, легко парализуется, въ особенности если женщина не любитъ своего мужа или когда онъ умираетъ; въ послѣднемъ случаѣ она обыкновенно изъ матери становится мачехой и растрачиваетъ нажитое трудами состояніе со своимъ возлюбленнымъ, — обвиненіе, вытекающее у Шопенгауэра изъ источника автобіографическаго.

Наоборотъ, привязанность отца къ дѣтямъ имѣетъ для нашего философа гораздо болѣе глубокій, метафизическій смыслъ, и онъ указываетъ примѣры не материнскаго, а отцовскаго самопожертвованія. Любовь отца основывается на томъ, что онъ узнаетъ въ

своемъ ребенкѣ самого себя, продолженіе своего существа, собственное *я*. То, что не мать, если вѣрить знаменитому пессимисту, а отецъ видитъ въ своемъ дитяти свою внутреннюю, интимную личность, находится въ связи съ теоріей Шопенгауэра, въ силу которой ребенокъ наслѣдуетъ отъ матери интеллектъ, а отъ отца—характеръ, волю. Въ философской системѣ. которая утверждаетъ, что міръ, это—воля и представленіе, воля занимаетъ первенствующее мѣсто; она—первооснова міра, а интеллектъ—только ея служебная функція. И въ человѣкѣ господствуетъ преимущественно наслѣдіе отца, а не матери, воля, а не интеллектъ. Между матерью и ребенкомъ существуетъ тожество ума, между отцомъ и ребенкомъ — тожество характера. Въ трагедіяхъ жизни и литературы сыновья часто выступаютъ противъ своихъ матерей, какъ мстители за отца. Клитемнестра и Орестъ, Гертруда и Гамлетъ—вотъ типичное столкновеніе противоположныхъ характеровъ и нравственныхъ организацій. Мать передаетъ ребенку свое умственное достояніе, и этимъ объясняется, почему великіе люди, за немногими исключеніями, имѣли выдающихся матерей. Великій человѣкъ—сынъ своей матери. Если и можно привести отдѣльные случаи, когда у высокодаровитаго индивида мать не была ничѣмъ замѣчательна, то это несомнѣнно коренится въ томъ, что ея отецъ былъ флегматикъ и вслѣдствіе этого развитіе ея мозга не находило себѣ соотвѣтственныхъ условій: нужна извѣстная комбинація отцовскихъ и материнскихъ элементовъ, для того чтобы законъ наслѣдственности выступилъ въ своей полной силѣ.

Правильно или нѣтъ совершаетъ Шопенгауэръ раздѣлъ родительскаго наслѣдства, во всякомъ случаѣ онъ одинъ изъ первыхъ обратилъ самое серьезное вниманіе на роль наслѣдственности; послѣ утопій XVIII вѣка, послѣ Гельвеція и другихъ просвѣтителей, которые были

увѣрены, что въ душѣ каждаго ребенка могутъ приняться любыя сѣмена, что всякому человѣку можно привить и доброту, и талантъ, философъ-пессимистъ слишкомъ ясно показалъ, что насъ уже предопредѣлила жизнь нашихъ предковъ, въ которыхъ мы жили до своего рожденія, что мы, преемники,—уже не новые, не первые; онъ показалъ, что дѣтская душа вовсе не бѣлый листъ, на которомъ можно написать все, что угодно. Появленіе ребенка, это—появленіе опредѣленной индивидуальности, вполнѣ очерченнаго характера. Съ каждымъ ребенкомъ рождается особый міръ.

Воля — первооснова бытія. Въ существѣ, которое только-что появилось на свѣтъ, она даетъ уже знать о себѣ самымъ рѣшительнымъ образомъ. Грудныя дѣти, у которыхъ разумъ еще едва мерцаетъ, полны уже своеволія; неудержимымъ и упорнымъ крикомъ выражаютъ они сильное хотѣніе, не сознавая сами, чего хотятъ. Внѣшняя среда, которая содержитъ въ себѣ цѣли стремленій, объекты желаній, еще скрывается во мракѣ, но самое стремленіе, самое желаніе уже совершенно зрѣло, и оно рвется и неистовствуетъ, какъ плѣнникъ въ темницѣ, ищетъ себѣ удовлетворенія, не понимая, въ чемъ послѣднее лежитъ. Воля опережаетъ умъ, и въ то время какъ мозгъ развивается медленно, она сразу выступаетъ какъ нѣчто готовое и законченное. Раннее дѣтство неизбѣжно отдано во власть безсмыслія и глупости, потому что мозгу не достаетъ еще физическаго совершенства и нормальнаго объема, который онъ пріобрѣтаетъ лишь на седьмомъ году жизни ребенка. Умъ требуетъ упражненія, опыта, обученія; воля въ этомъ не нуждается, и она не знаетъ эволюціи. Воля не учится.

Но если воля приводитъ ребенка въ этотъ міръ, если она сопровождаетъ уже первый крикъ его, то все-таки, сравнительно съ дальнѣйшей жизнью, дѣтство—счастливая, золотая пора, когда мы гораздо

больше познаемъ, чѣмъ хотимъ. Дѣтство — потерянный и не возвращенный рай, и если мы тоскуемъ по немъ всю свою жизнь, то это именно потому, что оно такъ скромно въ своихъ потребностяхъ, такъ мало желаетъ и такъ много безкорыстно познаетъ. Всѣ впечатлѣнія бытія еще новы и свѣжи, и міръ въ эти годы разстилается передъ нами въ такихъ волшебныхъ краскахъ, въ очаровательной дымкѣ утренней зари. Мы раскрываемъ свои объятія для всего и для всѣхъ, и даль жизни кажется нашему восхищенному взору исполненной безконечныхъ образовъ и неисчерпаемаго интереса. Воля ограничивается пока узкимъ кругомъ ничтожныхъ желаній и преходящихъ заботъ; она таитъ еще въ себѣ всю полноту своей энергіи и даетъ просторъ и досугъ интеллекту. А интеллектъ ненасытно жаждетъ познанія и въ теченіе долгаго дѣтскаго дня,—ибо часъ ребенка продолжительнѣе дня старика,—переходитъ отъ одного явленія къ другому, все изучаетъ, на все направляетъ свое вниманіе, у мальчика—любознательное, у дѣвочки—любопытное. Отсюда блаженство и поэзія дѣтскихъ лѣтъ, отсюда невинный и серьезный, вдумчивый и созерцательный взглядъ иныхъ дѣтей, который Рафаэль запечатлѣлъ въ ангелахъ своей Сикстинской Мадонны. Ребенокъ похожъ на генія, и геній, это—большое дитя; оба они склонны къ теоретическому, у обоихъ преобладаетъ мозговая и нервная система, у обоихъ воля блѣднѣетъ передъ силой познанія. И геній, и дитя, зрители міра, смотрятъ на жизнь объективно, какъ на сценическое представленіе; поэтому они, чуждые утилитарныхъ соображеній, отличаются наивностью и возвышенной простотой; обыкновенные люди сухи и практичны, а дѣти и геніи привлекаютъ своимъ идеализмомъ. Дитя не ждетъ отъ вещей пользы для себя, и поэтому онѣ доставляютъ ему одно чистое наслажденіе; дитя любуется ими. Но въ то же время оно думаетъ, что вещи

живутъ съ нимъ заодно и понимаютъ его; Шопенгауэръ въ дѣтствѣ бросилъ однажды свой башмакъ въ большой сосудъ молока и со слезами просилъ башмакъ выскочить оттуда. Въ годы дѣтства дремлетъ чреватый зломъ половой инстинктъ, и вмѣстѣ съ нимъ покоится цѣлый рой тревогъ и желаній, которыя омрачатъ послѣдующіе годы. Свободный отъ чувственныхъ влеченій, ребенокъ учится и воспринимаетъ множество свѣдѣній; онъ находитъ отраду въ интеллектуальномъ. Природа въ данномъ отношеніи, какъ и всегда, дѣйствуетъ съ замѣчательной цѣлесообразностью: человѣкъ въ дѣтствѣ накопляетъ знанія про черный день; подобно пчелѣ, которая собираетъ гораздо больше меда, чѣмъ ей нужно для текущей минуты, ребенокъ обогащаетъ себя запасомъ идей и фактовъ, которые впослѣдствіи сослужатъ ему великую службу. Духовная мощь развивается раньше, чѣмъ жизнь потребуетъ ея примѣненія. И счастье дѣтства становится еще полнѣе отъ того, что какъ въ началѣ весны вся листва имѣетъ почти одинаковый видъ и цвѣтъ, такъ и дѣти похожи другъ на друга и между ними легко воцарить гармонію. При всемъ разнообразіи характеровъ, которое проявляется уже очень рано, хотя сначала и не въ яркихъ контурахъ, дѣти все-таки скорѣе уживаются между собою, чѣмъ взрослые. Имъ легко столковаться.

Но свойственная дѣтямъ чуткая, ясная, любознательная душа искажается. Дѣти не сдерживаютъ своихъ прекрасныхъ обѣщаній. Мы всѣ въ долгу у своей молодости, у своего дѣтства. Мы переходимъ нѣкій Рубиконъ, мрачную рѣку паденія и смерти: бьетъ зловѣщій часъ, и пробуждается половой инстинктъ, и воля заявляетъ всѣ свои жестокія права. Молодой интеллектъ строитъ себѣ иллюзію, будто міръ плѣнителенъ не только какъ зрѣлище (zu sehn), но и какъ дѣйствительность (zu sein); и вотъ прежнее дитя

разгорается желаніемъ подойти ближе къ этому міру, къ этимъ вещамъ, которыя недавно занимали его только эстетически, подойти и самому ринуться въ потокъ дѣятельной жизни, которая, невѣдомо для него,—великое страданіе и тоска. За теоретическимъ и спокойно-созерцательнымъ дѣтствомъ слѣдуетъ бурная и безпокойная юность, и человѣкъ дѣлается жертвой міровой сутолоки. Въ дѣтствѣ жизнь подобна декораціи, видной издалека; чѣмъ дольше мы живемъ, тѣмъ ближе мы подходимъ къ этой декораціи, и тѣмъ глубже становится наше разочарованіе. И въ позднюю сѣдую старость, въ непривѣтливую зиму жизни (которая для самого Шопенгауэра была однако скрашена „бѣлыми розами“ его опоздавшей славы),—въ эту глухую ночь мы уже все знаемъ и ничѣмъ не интересуемся, и ничего не ждемъ. Когда въ молодости раздается звонокъ у нашихъ дверей, это заставляетъ сильнѣе биться наше ожидающее сердце, и мы въ восторгѣ думаемъ: „Вотъ оно, пришло! Вотъ оно, идетъ!“ Когда же звонокъ раздается въ старости, мы уныло и брезгливо говоримъ себѣ: „Кого это еще несетъ нелегкая!“ О, какъ мы далеки тогда отъ жизненнаго утра!..

Такъ идеализируетъ и идиллизируетъ Шопенгауэръ годы дѣтства. Творцу философскаго пессимизма необходимо изобразить прелюдію къ жизненному спектаклю особенно радостной и свѣтлой, для того чтобы сильнѣе оттѣнить ужасъ и горе самой трагедіи бытія. Но, конечно, объективной счастливости дѣтства ему доказать не удалось. Гдѣ есть дѣятельность, хотя бы и ограниченная стѣнами дѣтской комнаты и школы, тамъ, разумѣется, есть и воля, а съ нею и всѣ ея муки. Вопреки Шопенгауэру, въ дѣтствѣ воля сама по себѣ не блѣдна, но она направлена на мелкіе и легко достижимые объекты и безъ труда удовлетворяетъ своимъ потребностямъ; она не знаетъ тѣхъ изнурительныхъ волненій, той борьбы за существованіе и

за самого себя, которыя наступаютъ потомъ. Въ разгарѣ этой борьбы оглядываясь назадъ, на беззаботные дѣтскіе годы, мы дѣйствительно представляемъ ихъ себѣ въ лучезарномъ освѣщеніи; но когда мы ихъ переживали, мы не чувствовали своего блаженства, потому что мы не были чистымъ познаніемъ, какимъ рисуетъ насъ въ эту пору Шопенгауэръ, а были и волей. Пропорціонально и относительно въ дѣтствѣ столько же воли, сколько и въ дальнѣйшихъ фазисахъ жизни, и нашъ философъ, который раньше показывалъ, что уже въ безразсудномъ младенцѣ воля бушуетъ и рвется наружу, только путемъ одного изъ свойственныхъ ему противорѣчій съ самимъ собою могъ перейти къ утвержденію, что въ дѣтствѣ ничтожны не объекты воли,—съ чѣмъ надо согласиться,—а она сама.

Но вѣрно то, что и познаніе вспыхиваетъ у ребенка на зарѣ его жизни,—онъ начинаетъ знакомиться съ міромъ и познавать его. Шопенгауэръ изображаетъ характеръ этого процесса.

Въ первые годы жизни дитя ощущаетъ всѣми своими чувствами, но оно далеко еще отъ яснаго и сознательнаго воспріятія; оно видитъ міръ, но не отдаетъ себѣ еще въ немъ строгаго отчета. Постепенно ребенокъ научается координировать свои впечатлѣнія съ прирожденными уму человѣка вѣчными формами мышленія,—и тогда онъ смотритъ на дѣйствительность умными, интеллигентными глазами; ощущенія переходятъ въ созерцанія. На дальнѣйшей ступени эти созерцанія возвышаются до разумныхъ понятій и общихъ идей.

Однако, къ великому несчастью для человѣчества, воспитаніе обыкновенно искажаетъ этотъ правильный ростъ интеллекта.

Природа нашего ума требуетъ, чтобы понятія возникали посредствомъ отвлеченія отъ созерцаній, и, слѣдовательно, хронологическій порядокъ долженъ

быть таковъ, чтобы послѣднія предшествовали первымъ. Естественное воспитаніе слѣдуетъ по этому вѣрному пути, и тогда ребенокъ вполнѣ хорошо знаетъ объемъ и содержаніе своихъ понятій. Наоборотъ, искусственное, ложное и вредное воспитаніе начиняетъ головы дѣтей цѣлымъ хаосомъ понятій въ то время, когда дѣти еще не усвоили себѣ міра въ созерцаніяхъ. Чтеніе книгъ и сухое, лишенное наглядности преподаваніе заранѣе даютъ ребенку массу понятій, которыми онъ оперируетъ, не будучи знакомъ еще съ тѣми созерцаніями, отъ которыхъ они отвлечены. Вотъ причина той обычной трагикомедіи, которая разыгрывается тогда, когда мы вступаемъ въ жизнь, полные готовыхъ понятій и чужихъ, внушенныхъ и непродуманныхъ мыслей, и жизнь встрѣчаетъ насъ вовсе не такая, какой изобразили ее школа и книга, и мы не умѣемъ къ ней примѣниться. Мы обречены сызнова начинать работу, разрушать созданное и переставлять понятія на мѣсто созерцаній и созерцанія на мѣсто понятій. Не всякій найдетъ въ себѣ достаточно силъ для такой ломки, и многіе до конца дней своихъ остаются во мракѣ и путаницѣ ложныхъ понятій, лишенныхъ яснаго содержанія. Задача воспитателя состоитъ въ томъ, чтобы соблюсти строгую постепенность въ расширеніи умственнаго горизонта питомца: раньше—созерцаніе, потомъ—тѣсное понятіе, наконецъ—понятіе широкое. Пусть этотъ горизонтъ и не отличается особенной далью, но пусть внутри его будутъ однѣ лишь точныя идеи, и пусть кругозоръ ребенка будетъ свободенъ отъ паутинныхъ сплетеній, призрачныхъ образовъ и половиннаго знанія. Качество важнѣе количества. Надо оберегать дѣтей отъ употребленія словъ, съ которыми они не связываютъ опредѣленныхъ понятій, какъ это бываетъ всегда, когда созерцаніе плетется за понятіемъ, — вопіющая аномалія, подобная стихамъ съ риѳмами въ началѣ!..

Если идти прямой дорогой воспитанія, если не внѣдрять въ воспріимчивый умъ ребенка ни одной идеи безъ соотвѣтствующаго наглядnаго представленія, то міръ избавится отъ удручающихъ его предразсудковъ и химеръ, и люди перестанутъ повторять съ чужого голоса безсмысленныя мнѣнія; каждый будетъ самостоятеленъ въ своихъ сужденіяхъ, каждый будетъ имѣть собственное мѣрило, и тогда исчезнетъ царство безнадежной плоскости и шаблона. Для того чтобы вторая половина жизни не уходила на непроизводительный сизифовъ трудъ искорененія фантасмагорій, искусственно созданныхъ въ первую половину, надо показывать дѣйствительность сразу въ оригиналѣ, а не въ копіи. Вмѣсто того чтобы давать дѣтямъ только книги, надо постепенно знакомить ихъ съ вещами и людскими отношеніями. Большинство романовъ и беллетристическихъ небылицъ, рисуя жизнь въ вымышленныхъ краскахъ, приносятъ вредъ, и дѣти сдѣлаютъ гораздо лучше, если будутъ читать біографіи выдающихся реальныхъ дѣятелей,—напримѣръ, Франклина. Въ данномъ случаѣ Шопенгауэръ отрицаетъ за фантазіей ея неотъемлемыя права.

Дѣтская память такъ эластична и свѣжа, что преподаваніе должно пользоваться ею для своихъ разумныхъ цѣлей. То, что заучено въ дѣтствѣ, остается прочной и глубокой основой для всѣхъ позднѣйшихъ знаній. Впечатлительность дѣтей, еще не успѣвшая притупиться отъ повторяемости явленій, замѣчаетъ всѣ образы, событія и картины, видитъ въ нихъ не единичное, а общее, какъ бы платоновскую вѣчную идею; и всѣ эти образы и картины въ своихъ главныхъ очертаніяхъ никогда не улетучиваются изъ головы и сохраняются какъ стойкіе типы, какъ неизмѣнныя категоріи, подъ которыя мы и подводимъ все узнанное впослѣдствіи. Интуитивное, наглядное знакомство съ реальностью, это — неприкосновенный фондъ нашего

умственнаго хозяйства, неизбѣжная подкладка всѣхъ убѣжденій и вѣрованій нашей зрѣлости. И такъ какъ интуитивное знаніе міра не привносится только извнѣ, а выходитъ изъ нѣдръ нашего собственнаго духа, то интеллектуальная сила не можетъ быть намъ привита, и никакія ухищренія песталоццієвской педагогики не въ состояніи сдѣлать прирожденнаго тупицу мыслящимъ человѣкомъ; глупецъ въ колыбели сходитъ глупцомъ и въ могилу.

Именно потому, что дѣтскій возрастъ такъ довѣрчивъ, такъ легко воспринимаетъ и такъ глубоко запечатлѣваетъ все воспринятое,—именно поэтому нужна крайняя осторожность и разборчивость въ матеріалѣ и методѣ обученія. Вмѣстимость памяти ограничена, и, слѣдовательно, вводить въ нее надо только существенно-важное. Выборъ этого важнаго долженъ быть сдѣланъ даровитѣйшими умами, и результаты его должны быть представлены въ видѣ концентрическихъ круговъ все бо́льшаго діаметра, начиная съ ограниченныхъ рамокъ элементарнаго и для всѣхъ необходимаго образованія и кончая совокупностью наукъ, изучаемыхъ на философскомъ факультетѣ. Такъ былъ бы учрежденъ цѣлый канонъ умственнаго воспитанія, который, конечно, подлежалъ бы приблизительно черезъ каждыя десять лѣтъ тщательному пересмотру. И когда воспитанникъ достигалъ бы зрѣлости и полнаго обладанія разумомъ, между его созерцаніями и его понятіями уже не существовало бы пропасти,—между его словами и понятіями была бы связь, и собранныя свѣдѣнія не насильственнымъ, а естественнымъ путемъ укладывались бы въ законченную систему.

Но какъ непохожа на этотъ идеалъ наша печальная дѣйствительность! Воспріимчивымъ интеллектомъ ребенка пользуются для того, чтобы внушать ему готовыя мысли, и онѣ переходятъ въ догматы и до такой степени срастаются съ дѣтскимъ умомъ, что прини-

мають видъ врожденныхъ идей, за которыя ихъ и считаютъ нѣкоторые философы. О, если бы міръ былъ настолько честенъ, чтобы до пятнадцатилѣтняго возраста не преподавать дѣтямъ философіи и Закона Божьяго; если бы онъ держалъ юные умы вдалекѣ отъ религіи! Когда критическая способность ребенка еще не развилась, его гипнотизируютъ ложными ученіями, которымъ онъ покамѣстъ не можетъ противопоставить собственнаго опыта и размышленія. На этой почвѣ выростаетъ и разумное, и нелѣпое, воздвигаются тѣ или другіе кумиры, утверждаются симпатіи и антипатіи, вѣра во что угодно—и въ достойное, и въ недостойное. Это не образованіе, а пародія на него. Истинное образованіе неразлучно съ критическимъ анализомъ; оно не только воспринимаетъ чужое, но и подвергаетъ его самостоятельной переработкѣ со стороны учащагося. А та наносная культура, которая заставляетъ думать чужимъ умомъ и машинально повторять чужія идеи, не многаго стоитъ. Вообще, образованіе такъ относится къ естественнымъ, природнымъ сокровищамъ духа, какъ планеты къ солнцу; образованіе свѣтитъ отраженнымъ свѣтомъ; оно—дрессировка, которая заслоняетъ оригинальную личность, облекая ее въ одѣяніе не ею пріобрѣтенныхъ воззрѣній и не ею продуманныхъ мыслей. Само по себѣ знаніе классическихъ языковъ—великая и желанная необходимость; но печальны результаты того ранняго умственнаго напряженія, которымъ покупается изученіе этихъ языковъ; быть можетъ, именно такая расточительная трата интеллектуальныхъ силъ и служитъ причиной ничтожества многихъ ученыхъ головъ. Надо бережно обращаться съ мозговымъ капиталомъ юности. Дѣти, поражающія своимъ умомъ, эти бѣдныя Wunderkinder, вырождаются въ самыя обыкновенныя посредственности; настоящій геній въ дѣтствѣ рѣдко

выдѣляется,—напротивъ, онъ постигаетъ съ трудомъ, потому что постигаетъ глубоко.

Но что обрекаетъ воспитаніе на фіаско и отнимаетъ у него всякій смыслъ, такъ это — извѣстное ученіе Шопенгауэра о характерѣ.

Вѣдь для нашего философа человѣческій характеръ, или воля, отъ начала до конца равны себѣ и не измѣняются. Какія бы внѣшнія событія ни происходили вокругъ насъ, какъ бы ни клонились мы подъ жизненной бурей,—характеръ, точно раковина въ своей скорлупѣ, таится непоколебленный и неизмѣненный. Уже въ дѣтствѣ явно проступаютъ его черты, и онѣ остаются тѣми же всю жизнь. Только ребенокъ можетъ думать, что слезы и просьбы въ состояніи совратить чей-нибудь характеръ съ его фатальной колеи. На самомъ дѣлѣ законы послѣдняго такъ же неумолимы и вѣчны, какъ и законы природы, и дитя — точный прообразъ взрослаго человѣка. Господствующія наклонности, привычки и страсти — однѣ и тѣ же отъ утренней и до вечерней зари человѣческаго бытія. Въ первый и въ тысячный разъ мы поступаемъ одинаково. Умъ измѣнчивъ, воля постоянна. Мы не стѣсняемся говорить о глупыхъ выходкахъ своего дѣтства, потому что онѣ прошли и больше ихъ не будетъ; но то дурное и злое, что мы сдѣлали дѣтьми, характеризуетъ насъ не только въ нашемъ прошломъ, но и въ настоящемъ. Мелкія происшествія школьныхъ лѣтъ—предтечи жизненныхъ событій; школа — жизнь въ миніатюрѣ и такъ относится къ дѣйствительной жизни, какъ пантомимическая драма, разыгрываемая въ „Гамлетѣ“, относится къ реальному содержанію этой трагедіи. Міровая воля, проявляясь въ человѣческихъ характерахъ, не знаетъ пощады, и ничто, никакое воспитаніе, никакое внушеніе не сдѣлаетъ ея тѣмъ, чѣмъ она не хочетъ быть. Если бы это было иначе, если бы воспитаніе

имѣло какое-нибудь значеніе, то какимъ же образомъ питомцемъ Сенеки могъ бы быть Неронъ?

Но если человѣкъ не измѣняется и его моральный характеръ остается незыблемымъ, если мы должны точно и послушно исполнить роль, которая намъ предназначена міровою волей, и не дѣйствуютъ на насъ ни опытъ, ни философія, ни религія, если это такъ, то зачѣмъ нужна жизнь, зачѣмъ этотъ фарсъ, который разыгрывается какъ по нотамъ? Онъ нуженъ для того, чтобы человѣкъ позналъ себя, свою волю; жизнь для насъ—то же, что химическая реакція для элементовъ; жизнь, это—корректурный листъ, на которомъ обнаруживаются ошибки набора.

И міровая воля,—могъ бы сказать Шопенгауэръ,—со своего недосягаемаго пьедестала должна презрительно улыбаться, глядя на всѣ педагогическія затѣи человѣка, на эти игрушечныя усилія школьной ферулой обуздать и укротить ее, строптивую, начало всякихъ беззаконій, очагъ своеволія. Пусть не забываютъ педагоги, что они сами—дѣти той, которую хотятъ воспитать. А мать не воспитываютъ...

ОЧЕРКЪ
педагогическихъ воззрѣній Фихте.

Скептицизмъ Шопенгауэра по отношенію ко всякой педагогикѣ рѣзко оттѣняется противоположными воззрѣніями его современника Фихте старшаго, педагогическія идеи котораго представляютъ собою одно изъ необходимыхъ звеньевъ той всеобъемлющей системы человѣческаго духа, какую даетъ его знаменитое „Наукословіе“. И оттого педагогика Фихте отличается философской глубиной и обдуманностью, которыхъ недостаетъ многимъ изъ новѣйшихъ теорій воспитанія.

Глубокій и страстный мыслитель, онъ непоколебимо вѣрилъ въ цѣлесообразность воспитанія и думалъ, что оно можетъ совершенно исцѣлить „больное человѣчество“ отъ его моральныхъ недуговъ. Въ систематическомъ и строго обдуманномъ трудѣ педагога видѣлъ онъ панацею отъ міровыхъ золъ, источникъ которыхъ таится въ глубинѣ человѣческой души; воспитаніе представлялось ему единственнымъ средствомъ также и противъ конкретныхъ несчастій и потрясеній государственно-исторической жизни. Самое могучее слово его о воспитаніи, пламенныя „Рѣчи къ нѣмецкому народу“, были произнесены въ Берлинѣ зимою 1807—1808 года, когда Германія, униженная побѣдоноснымъ шествіемъ Наполеона, послѣ тяжкихъ ударовъ Іены и Фридланда, была на краю гибели и неоткуда было ждать спасенія. Но Фихте ждалъ его. И было для многихъ странно и смѣшно, во многихъ возбуждало иронію и недовѣріе, что въ пороховомъ

дыму, среди разгара политической бури, философъ-идеалистъ указывалъ это спасеніе въ чемъ-то мирномъ, идиллическомъ, семейномъ, въ далекой отъ переживаемаго момента крови и ужасовъ атмосферѣ школы. Стоя лицомъ къ лицу съ Наполеономъ, онъ Наполеону противопоставлялъ Песталоцци и вѣрилъ, что Песталоцци сильнѣе всѣхъ завоевателей въ мірѣ. Тотъ школьный учитель, который побѣдилъ при Седанѣ, черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ не подтвердилъ ли этого парадокса?

Въ лицѣ Наполеона и Фихте столкнулись противоположности, но было между ними и нѣчто общее: это были двѣ огромныя воли. Фихте понималъ и цѣнилъ Наполеона, и волѣ философа импонировала воля полководца. Но въ то время какъ цѣли Наполеона лежали въ области личныхъ замысловъ, Фихте былъ безкорыстенъ и міровому *я* подчинялъ *я* личное. „Вооруженный этими элементами человѣческаго величія, — говоритъ Фихте, — спокойной ясностью ума и незыблемой волей, Наполеонъ сдѣлался бы освободителемъ и благодѣтелемъ человѣчества, если бы въ его душу проникло хоть слабое предчувствіе о нравственномъ назначеніи человѣческаго рода. Но такое предчувствіе ни разу въ него не заронилось, и потому онъ навѣки-вѣковъ сталъ примѣромъ того, что могутъ дать оба эти элемента сами по себѣ, въ своей отдѣльности, безъ духовнаго содержанія. Что надо всѣмъ жертвовать, это Наполеонъ видѣлъ, и на это онъ рѣшался въ отвагѣ своей. Но онъ не понялъ, что жертвовать своей грандіозной личностью и всѣми нами онъ долженъ былъ для свободы человѣчества; и кто понимаетъ міръ, какъ я, тотъ радостно ринулся бы вслѣдъ за нимъ въ жертвенное пламя. Слабостей Наполеонъ не имѣетъ, и онъ не дорожитъ своею жизнью и удобствами: онъ невозмутимо идетъ подъ градомъ пуль, онъ презираетъ стужу, зной и голодъ;

онъ не хочетъ покоя, онъ не желаетъ быть спокойнымъ государемъ Франціи,—онъ хочетъ быть властелиномъ міра. Онъ воодушевленъ, у него абсолютная воля, и только воодушевленіемъ абсолютной воли къ свободѣ можетъ быть побѣжденъ этотъ противникъ".

Только сила глубокаго и огненнаго убѣжденія могла дать Фихте рѣшимость выступить со своими протестующими рѣчами въ то время, когда Наполеонъ разстрѣлялъ книгопродавца Пальма за распространеніе ничтожной брошюры, когда въ Берлинѣ еще были французскіе войска и военачальники и философъ ставилъ на карту свою личную свободу и самую жизнь. Но именно презрѣніе къ опасности и физическому насилію, смѣлый вызовъ тому, что ослабляетъ духовную независимость человѣка и ограничиваетъ самодовлѣніе внутренняго міра,—именно это звучало и горѣло въ рѣчахъ Фихте; и то, противъ чего онѣ были направлены, съ чѣмъ боролись проповѣдью коренной реформы воспитанія,—это и было робкое самосохраненіе, узость личныхъ интересовъ, духовная косность, которую Фихте въ своей этикѣ поставилъ на первое мѣсто пороковъ. Оттого онѣ и зажигали, оттого онѣ и оставили вѣчный слѣдъ въ душѣ нѣмецкаго народа, и одинъ изъ самыхъ отвлеченныхъ и недоступныхъ мыслителей, Фихте живетъ въ памяти своихъ соплеменниковъ. Убѣжденный убѣдитель.

Онъ представлялъ собою рѣдкое сочетаніе двухъ рѣдкихъ качествъ: онъ былъ философъ и былъ проповѣдникъ. Тонкая, геніально-логическая и дедуктивная мысль претворялась у него въ пылкое убѣжденіе; то, во что онъ вѣрилъ, онъ передавалъ другимъ и въ видѣ философской теоріи, и вдохновенной рѣчью оратора. Выводы философскихъ размышленій облекались у него въ плоть и кровь; то, что вчера зародилось въ головѣ философа, сегодня уже беретъ подъ свою живую защиту непосредственный пылъ и паѳосъ пропо-

вѣдника. Всегда погруженный въ міръ своихъ идей, онъ въ то же время былъ проникнутъ жаждой нравственной дѣятельности; для него очень характерно, что могучій переворотъ въ его умственномъ развитіи произвела главнымъ образомъ этическая, нравственно-религіозная сторона философіи Канта. „Критика практическаго разума“ открыла ему новый міръ и, по его словамъ, спасла его отъ отчаянія во дни умственныхъ тревогъ и тягостной нужды. Онъ былъ практикъ, и практикой его было слово. Имъ онъ удовлетворялъ свою потребность дѣйствовать внѣ себя, имъ онъ дѣйствовалъ на людей,—иногда съ потрясающей силой. Слушатели видѣли предъ собой какъ бы олицетворенную безпокойную совѣсть, требовательную, укоризненную, не знающую снисхожденія и пощады. На всѣхъ производило неотразимое впечатлѣніе, что этотъ проповѣдникъ, исполненный нравственнаго духа, обладалъ непоколебимой убѣжденностью, фанатизмомъ сердца, что онъ не умѣлъ сомнѣваться въ себѣ, что у него не было робкихъ взглядовъ и блѣдныхъ мнѣній, а были только страстныя вѣрованія. Шаткость принциповъ, хотя бы самыхъ теоретическихъ, онъ признавалъ тяжкимъ преступленіемъ, и во все, что думалъ и говорилъ, онъ вкладывалъ свою душу,— за все, что онъ думалъ и говорилъ, готовъ былъ ринуться въ ожесточенный бой. Этотъ союзъ умозрѣнія и страсти, мощной абстракціи и жажды творчества дѣлаетъ Фихте однимъ изъ исключительныхъ явленій въ исторіи человѣческой мысли и человѣческой дѣятельности.

Глубина убѣжденія, это—высшая цѣль и выраженіе той духовной самостоятельности человѣка, идея которой служитъ главнымъ устоемъ всей философіи Фихте. Хранить въ себѣ неизмѣнныя, до конца продуманныя и прочувствованныя воззрѣнія — это значитъ достигнуть полной зрѣлости духа, смотрѣть на

міръ *своими* глазами, быть собственнымъ господиномъ и судьей. Такая независимость мыслей и чувствъ можетъ и должна быть *сотворена*; ее создаетъ и поддерживаетъ мужественное самоуглубленіе, настойчивое развитіе внутреннихъ силъ, собственныхъ и чужихъ. Иначе говоря, умственная и нравственная самостоятельность выявляется путемъ воспитанія и сама дѣйствуетъ на другихъ воспитательнымъ образомъ. Вотъ почему для философіи духовной свободы „великой практической задачей становится воспитаніе человѣчества, и жажда дѣятельности принимаетъ у Фихте *педагогическое* направленіе. Этотъ инстинктъ поученія и воспитанія образуетъ въ жизни нѣмецкаго философа яркое средоточіе цѣлаго ряда концентрическихъ круговъ—все бо́льшаго и бо́льшаго діаметра. Мы видимъ сперва педагогическую работу въ скромныхъ предѣлахъ домашняго учительства, потомъ—на каѳедрѣ профессора, гдѣ Фихте съ самаго начала ставитъ себѣ цѣлью нравственное просвѣтленіе нѣмецкихъ студентовъ; онъ вырабатываетъ, далѣе, въ „Рѣчахъ къ нѣмецкому народу“, грандіозный планъ національнаго воспитанія и, наконецъ, предлагаетъ основать новый университетъ, который былъ бы одушевленъ не только научными, но и этико-педагогическими замыслами, и представлялъ бы собою самодовлѣющее цѣлое, монастырь науки. И не въ однихъ этихъ внѣшнихъ проявленіяхъ сказывается основная черта натуры Фихте: чѣмъ болѣе уясняетъ онъ самому себѣ свое господствующее стремленіе дѣйствовать внѣ себя, тѣмъ явственнѣе принимаетъ его философія педагогическую окраску. Высшая цѣль воспитанія и конечная грань умозрѣнія совпадаютъ между собою: и та, и другая—свобода и самостоятельность человѣка, какъ органа нравственнаго міропорядка. Пути философіи и педагогіи сливаются, граница между теоріей и практикой исчезаетъ, недосягаемый мастеръ отвле-

ченной мысли и реформаторъ школьнаго и общественнаго строя соединяются въ одной личности,—и въ годину національнаго горя и чужевластія протягиваетъ спасающую руку именно эта личность.

Такое неодолимое стремленіе воспитывать,—воспитывать всѣхъ и все — дѣтей и взрослыхъ, народы и человѣчество, міръ и природу,—было даже источникомъ отрицательныхъ сторонъ въ характерѣ Фихте: у него развилась воспитательская страсть, не всегда умѣстная; онъ хотѣлъ надъ всѣми интеллектуально господствовать и всѣхъ поучать, хотя бы насильно, и въ большинствѣ людей видѣлъ несовершеннолѣтнихъ и неразумныхъ школьниковъ. Много жизненныхъ столкновеній вызвала у него эта черта: никому не могла нравиться постоянная учительская манера и эта страсть къ убѣжденію, выродившаяся въ страсть къ принужденію. Отожествляя себя со своими мыслями, Фихте считалъ своимъ личнымъ врагомъ всякаго, кто не раздѣлялъ ихъ и ускользалъ отъ его нравственной ферулы. Безспорно, это—несимпатичная особенность; но слишкомъ очевидна ея внутренняя связь съ возвышенными чертами его духа. Для того чтобы дать философіи свободы такую глубокую педагогическую обработку, для того чтобы такъ энергично ее провозгласить и укрѣпить, нужна была личность, которая могла бы посвятить ей всю мощь своего характера и которая съ чувствомъ собственной силы соединяла бы значительное пренебреженіе къ самолюбію своихъ идейныхъ противниковъ [1]).

Посмотримъ же теперь на то серьезное и цѣнное, что эту деспотическую склонность имѣло своей оборотной стороной и психологически-понятнымъ дополненіемъ, — разсмотримъ ближе педагогическія идеи Фихте.

---

[1]) Ср. Kuno Fischer, Geschichte der neuern Philosophie, V Band, S. 245—246.

Вѣрить въ безграничную силу воспитанія—это значитъ вѣрить въ безграничную силу человѣческаго духа, въ первенство субъекта передъ объектами; это значитъ все внѣшнее, ограничительное, задерживающее считать добровольнымъ продуктомъ внутренняго сознанія. Какъ извѣстно, такое идеалистическое міровоззрѣніе и связывается съ именемъ Фихте. Все разнообразіе вещей, весь міръ опыта онъ выводилъ изъ безусловнаго творческаго *я*. Представленіе всего того, что не есть *я*, что есть *не-я*, служитъ чѣмъ-то вторичнымъ и производнымъ. Первоначально существуетъ одно только безконечное, абсолютное, свободное *я*. Оно изначала полагаетъ само себя. Если же потомъ оно само себя ограничиваетъ, если оно распадается на множество конечныхъ духовъ, эмпирическихъ *я*, или индивидуумовъ, если кромѣ субъекта оказывается цѣлый міръ объективнаго, то это происходитъ отъ того, что природа *я* требуетъ прежде всего и важнѣе всего дѣятельности: мы существуемъ для того, чтобы дѣйствовать, чтобы исполнять свой нравственный долгъ; но практически рѣшать моральную задачу, дѣйствовать можно только въ качествѣ отдѣльныхъ лицъ, въ индивидуальной формѣ, и, кромѣ того, дѣйствовать—это значитъ побѣждать какое-нибудь препятствіе или ограниченіе, перерабатывать какой-нибудь данный матеріалъ, имѣть что-либо внѣ себя: потому *я* и полагаетъ само *не-я*. Міръ, это — лишь матеріалъ для нашего долга, для нашей дѣятельности, облеченный въ чувственную форму. Вещи не есть роковая сила и власть надъ нами: не мы зависимъ отъ нихъ, а онѣ зависятъ отъ насъ, и въ концѣ-концовъ онѣ представляютъ собою только то, что̀ мы должны изъ нихъ сдѣлать. Наше *я* царитъ въ мірозданіи, которое оно само построило для себя, какъ арену своей активности, какъ поприще для этическихъ проявленій воли. Такимъ образомъ, и самая множественность индивидуумовъ,

и вся міровая обстановка и природа, и весь потокъ явленій и событій—все это порождено нашей же собственной свободой, ради присущаго намъ стремленія къ практикѣ: и если въ своей дѣятельности мы встрѣчаемъ препятствія, то надо помнить, что это мы сами ихъ создали, сами вызвали къ жизни тѣ ограниченія и задержки, въ одолѣніи которыхъ и состоитъ наша нравственная задача; и, рѣшая ее, наше эмпирическое *я* безконечно приближается и возвращается къ *я* чистому.

То, что *я* изначала полагаетъ, утверждаетъ себя,—это не фактъ, это—дѣятельность. Этого мы не можемъ сообщить, разсказать: это мы должны *совершить*. Знаніе, философія начинается съ постулата—утверди свое *я*, познай себя! Можно не исполнять этого призыва, но нельзя требовать, чтобы его доказали. Самосознаніе должно осуществиться,—мы его не находимъ готовымъ. То, что мы называемъ собою, своей эмпирической индивидуальностью, еще не есть наше чистое и свободное, наше безусловное и внутреннее *я*. Какъ индивидуумъ, *я* опредѣленъ своимъ рожденіемъ, воздѣйствіемъ окружающаго міра, множествомъ разнообразныхъ вліяній и отношеній; но все это создано не моимъ истиннымъ, сокровеннымъ *я*, все это не въ моемъ *я* имѣетъ свою причину, и для того чтобы найти послѣднее, сдѣлаться самимъ собою, я долженъ совлечь съ себя ветхаго человѣка внѣшности, зависимости, ограниченности, я долженъ нравственно переродиться. Самосознанія надо сподобиться. Если Декартъ отъ приступающаго къ философіи требовалъ умственнаго обновленія, сомнѣнія въ своихъ знаніяхъ, то Фихте идетъ дальше и глубже: познаніе, это—нравственный подвигъ, какъ бы проявленіе платоновскаго Эроса, и его начало — въ дѣйственности. Im Anfang war die That.

При такомъ взглядѣ на человѣка, какъ на потен-

ціально-свободнаго дѣятеля, для котораго вся природа имѣетъ смыслъ и значеніе только въ качествѣ предварительнаго условія нравственной жизни, при такой вѣрѣ въ первенствующую силу и автономность практическаго разума, или воли, становится понятнымъ ученіе о высокой и спасительной функціи воспитанія. Если все внѣшнее склоняется передъ мощью духа, если истинной реальностью обладаетъ именно активный духъ, а не то, что насъ окружаетъ; если между *я* и *не-я*—такое же отношеніе, какъ между свѣтомъ и тьмою (тьма не противоположность свѣта, его количественный моментъ,—*не-я* не противоположность *я*, а только его ослабленная дѣятельность), то воспитанію открывается ничѣмъ не стѣсненное поприще. Оно должно и можетъ научить каждую человѣческую личность глубокому самопознанію, показать ей въ ясныхъ понятіяхъ разума, что она въ своемъ существѣ свободна и призвана этимъ существомъ къ нравственной работѣ, къ опредѣленной творческой задачѣ. Если человѣкъ зависитъ отъ одного себя и связанъ только своею совѣстью и сознаніемъ, то это значитъ, что другой человѣкъ, воспитатель, можетъ ему помочь и его ободрить въ уразумѣніи этой истины и ея практическомъ осуществленіи. Педагогія ничего не создаетъ, не рождаетъ ничего новаго: она только проявляетъ все таящееся въ духѣ, она облегчаетъ великій процессъ самоуглубленія.

Но отчего же до сихъ поръ воспитаніе оказывалось безуспѣшнымъ и внѣшній міръ покорялъ своего творца-человѣка и обрушивался на него властью своихъ ударовъ и потрясеній? На это Фихте отвѣчаетъ, что воспитаніе доселѣ, до начала XIX вѣка, было неискуснымъ. Хотя оно и ставило передъ своими питомцами извѣстный образецъ, нравственный, религіозный, гражданскій, и поощряло слѣдовать ему, но не имѣло силы возжечь страстную любовь и пламенное стремленіе къ

этому образцу, не могло довести картины нравственнаго міропорядка до такой жизненности и очарованія, чтобы увядшей листвою отпадало у питомцевъ всякое себялюбіе. И фантазія дѣтей и юношей оставалась холодной и безучастной, не возникало желанія претворить ея блѣдные образы въ дѣйствительную жизнь, и мертвой зыбью лежали въ умѣ тусклыя и случайныя свѣдѣнія. Воспитаніе поощряло, — но поверхностно; и брали верхъ надъ нимъ врожденныя склонности питомцевъ, которыя шли своимъ чередомъ, развивались дико, безъ культуры, и давали хорошій плодъ у немногихъ, дурной—у большинства. Воспитатели даже и не заявляли притязаній на полный успѣхъ и часто сознавались въ своемъ безсиліи образовать человѣка: они откровенно ставили условіемъ своей задачи счастливые природные дары и принимали на себя лишь ограниченную и второстепенную роль. Ни за что не ручаясь и не связывая себя никакой отвѣтственностью, они предлагали своимъ питомцамъ руководство и совѣты; конечный же исходъ, по ихъ мнѣнію, долженъ былъ зависѣть отъ свободной воли каждаго отдѣльнаго лица. Но въ этой ссылкѣ на свободную волю и заключается первое коренное заблужденіе обычной педагогической системы, свидѣтельство о бѣдности, которое она сама себѣ выдаетъ. Если въ результатѣ самой энергичной воспитательской дѣятельности воля все еще остается слабой и свободной, т. е. нерѣшительно колеблется между добромъ и зломъ, то это значитъ, что воспитаніе и не полагало себѣ своей истинной задачи: вѣдь именно въ томъ и должна заключаться она, чтобы на почвѣ, которую отмежевываетъ себѣ педагогія, свобода воли была совершенно уничтожена и вмѣсто нея воцарилась строгая и устойчивая необходимость рѣшеній. Всякое созиданіе стремится выработать такое существо, которое уже больше не *становится*, а *есть* и не можетъ быть дру-

гимъ, чѣмъ оно есть. Если не этого, не этой нравственной законченности и самостоятельности хочетъ воспитаніе, то оно—безплодная игра. Кто вѣчно нуждается въ чужомъ поощреніи, у того нѣтъ еще опредѣленной и всегда готовой воли къ добру: онъ находится во власти случая и настроеній, и его поступки могутъ по своей этической цѣнности совершено не походить другъ на друга. Этого безразличнаго маятника воли не должно быть у воспитаннаго человѣка: то, чего послѣдній хочетъ, онъ хочетъ во вѣки-вѣковъ; для него свобода желаній исчезла и растворилась въ нравственной необходимости. Никакая педагогическая проповѣдь и не можетъ быть успѣшной, если въ ея слушателяхъ шаткій произволъ хотѣнія не подавленъ вѣчными требованіями добра. Безполезно говорить „летай!“ тому, кто не обладаетъ крыльями и оттого, несмотря на всѣ внушенія, не поднимется надъ землей; но если воспитаніе сумѣетъ развить въ человѣкѣ его духовныя крылья и заставить его упражнять ихъ и укрѣпить, то онъ самъ, безъ всякихъ побужденій, ничего другого и не сумѣетъ, ничего другого и не пожелаетъ, какъ—летать.

Эту твердую, незыблемую волю можно развить только путемъ обдуманнаго, закономѣрнаго и систематическаго искусства. Такимъ искусствомъ и должно сдѣлаться воспитаніе, между тѣмъ какъ до сихъ поръ оно дѣйствовало ощупью, наугадъ и въ самомъ себѣ носило возможность риска и неудачи. Ничего не предоставляя случаю и природѣ въ ея стихійной непосредственности, истинная педагогика достигаетъ своей цѣли по опредѣленнымъ правиламъ и потому неизбѣжно осуществляетъ свои замыслы; а если это ей не удается, то она, по крайней мѣрѣ, твердо знаетъ и видитъ, что это ей еще не удалось и воспитаніе еще не закончено. Если новая воспитательская практика будетъ протекать въ этомъ направле-

нін строгаго метода, если она будетъ имѣть своей основой не эмпирическое умѣнье, а научно-выработанные непогрѣшимые пріемы, и если къ тому же въ сферу ея воздѣйствія войдутъ не отдѣльные, такъ-называемые образованные классы, а вся нація безъ исключенія и безъ различія общественныхъ состояній и природныхъ задатковъ, то искреннее благоволеніе къ правдѣ объединитъ весь народъ, и откроется возможность лучшаго жизненнаго строя.

Въ этомъ планомѣрномъ и методическомъ развитіи неизмѣнно-доброй воли и нравственной самостоятельности заключается главная цѣль воспитанія. Какъ этого достигнуть, какъ подвигнуть волю на вѣчное и неуклонное добро?

Человѣкъ можетъ хотѣть лишь того, что онъ любитъ; его любовь—единственный рычагъ его воли и всей его жизни. И вотъ, современное воспитаніе съ самаго начала исходитъ изъ той ложной и глубокобезнравственной мысли, будто каждый любитъ только свое чувственное благополучіе, только его одного и хочетъ. Отсюда, изъ такого неправильнаго воззрѣнія, вытекаютъ обычная система воспитанія, всѣ приманки страха и надежды, земной и небесной кары и наградъ, все поощреніе своекорыстія—эти уловки, при помощи которыхъ къ мнимо-естественному эгоизму искусственно присоединяютъ добрую волю и общественный интересъ. Конечно, эта утилитарная добродѣтель призрачна, такъ какъ человѣкъ, поднятый такимъ способомъ на степень безвреднаго или полезнаго гражданина, въ глубинѣ своей души и помысловъ остается дурнымъ: вѣдь въ томъ и состоитъ дурное, когда любятъ только собственное благо и только ради него удерживаются отъ зла. Нѣтъ, новое воспитаніе должно вызывать въ своихъ питомцахъ любовь не къ чувственно-пріятному и счастливому, а къ добру,—искреннее благоволеніе къ правдѣ и духу. И какъ во-

обще воспитаніе пріобщаетъ людямъ только то, что уже само таится въ нихъ хотя бы въ зародышѣ, такъ и эта черта—стремленіе къ духовности—присуща человѣку. Есть въ немъ идеальная, теоретическая сторона, и свойственна ему жизнь въ области духа. Мы чувственны и эгоистичны лишь до тѣхъ поръ, пока надъ нами непосредственно тяготѣетъ власть какой-нибудь физической потребности; духовное безмолвствуетъ въ насъ, пока мы голодны, — но затѣмъ, когда минетъ острый моментъ нужды, человѣкъ вовсе не склоненъ удерживать въ фантазіи тягостный слѣдъ и мучительный образъ недавней потребности: для него становится доступенъ весь міръ идеальнаго и поэтическаго. Мы вовсе не привязаны роковою и вѣчною цѣпью къ чувственному, и тамъ, гдѣ не является для насъ постоянной мачехой природа и сила внѣшнихъ обстоятельствъ, мы сознаемъ, что послѣдняя и абсолютная цѣль, это—жизнь въ духѣ, и къ ней мы стремимся. Только извращенное воспитаніе дѣтей, насильственное подавленіе ихъ врожденной безпечности дѣлаетъ то, что даже душу насыщеннаго наполняетъ исключительно мысль о будущемъ голодѣ и длинномъ рядѣ возможныхъ потребностей. Это взрослые, которые хотятъ прослыть благоразумными, искажаютъ дѣтское сердце и потомъ клевещутъ на него, будто стихія его—одно матеріальное и эгоистическое. Себялюбіе не есть фатальный и исконный признакъ человѣчества.

Такимъ образомъ, дѣти *могутъ* любить нравственное, *могутъ* безкорыстно любить добро,—любить, а потому и желать его, направлять на него свою волю. Нравственная самостоятельность осуществима, потому что есть и возможно задушевное и глубокое благоволеніе къ добру—необходимый спутникъ такой самостоятельности.

Воспитатель долженъ довести это благоволеніе къ добру ради добра до такой живости и энергіи, чтобы

оно побуждало воспитанника претворять добро въ дѣйствительность, осуществлять его въ своей личной практикѣ. Однако нравственное воспитаніе не должно вырождаться въ положительное обученіе добродѣтели, не должно указывать на послѣднюю какъ на опредѣленную цѣль: преподаваніе морали, какъ такой, какъ особой дисциплины, скорѣе подавитъ внутренній моралізмъ питомцевъ и обратитъ ихъ въ лицемѣровъ; нѣтъ, въ стыдливой тиши собственнаго сердца должно у каждаго само собою всходить и зрѣть нравственное зерно, безъ вторженія чужихъ словъ и назиданій,—вырастая по мѣрѣ того, какъ расширяется внѣшній опытъ питомцевъ, и по мѣрѣ того, какъ онъ становится имъ понятнѣе.

Благоволеніе, побуждающее воззвать къ реальной жизни извѣстный порядокъ вещей, котораго еще нѣтъ въ ней, предполагаетъ образъ, картину, предначертаніе этого порядка. Такой идеальный прообразъ предносится духу, какъ предчувствіе будущей реальности, и, слѣдовательно, глубокое благоволеніе къ добру предполагаетъ въ своемъ носителѣ, субъектѣ, способность самостоятельно творить и проецировать образы добра, которые не зависятъ отъ дѣйствительности, не походятъ на нее и служатъ не копіями съ нея (Abbild), а прототипами новой жизни (Vorbild). Собственной творческой силой человѣка должны вырабатываться эти образы, и не результатами пассивнаго усвоенія и повторенія должны они быть. Ибо только тѣ духовныя возможности, которыя выходятъ изъ нѣдръ самобытнаго творчества, вызываютъ къ себѣ въ своемъ создателѣ не безразличную терпимость и равнодушіе, а живой и дѣятельный интересъ; только въ такомъ случаѣ эти умственные образы привлекательны для него—и сами по себѣ, своимъ содержаніемъ, и какъ поводы для обнаруженія его активныхъ силъ; а подобное обнаруженіе нравится всегда и непосред-

ственно. И вотъ, слѣдовательно, для осуществленія основной этической цѣли воспитанія, для нравственной самостоятельности, необходима творческая работа ума, необходима интеллектуальная самодѣятельность, необходимо *знаніе*.

Такимъ образомъ, отъ нравственнаго момента воспитанія мы логически и неизбѣжно пришли къ умственной культурѣ, и она поэтому является для насъ не чѣмъ-то внѣшнимъ и показнымъ, а получаетъ глубокій этическій смыслъ. Культура ума занимаетъ свое настоящее мѣсто—не первое, не главное: она служитъ могучимъ орудіемъ нравственнаго созиданія. Для того чтобы воплощать въ жизни добро, надо создавать его образы, надо выработать въ себѣ творческую силу ума. Самодѣятельность — непремѣнное условіе нравственно-свободнаго человѣка, и оттого въ обученіи педагогъ направляетъ самое серьезное вниманіе на развитіе этой активной стороны въ интеллектѣ своего питомца. Ученіе, построенное исключительно на основѣ самодѣятельности, не имѣющее своей цѣли въ чемъ-нибудь внѣшнемъ и матеріальномъ, всегда интересуетъ питомца, и онъ отдается ему съ любовью и охотой: непривлекательнымъ можетъ быть только пассивное усвоеніе,—тамъ же, гдѣ мы сами творимъ, совершенно немыслима апатія и вялость.

Интеллектуальный моментъ воспитанія, который самъ собою является на подмогу этическому замыслу и только въ послѣднемъ находитъ свое высшее значеніе и назначеніе, представляетъ собою не пестрый наборъ всяческихъ свѣдѣній, а познаніе общихъ и апріорныхъ законовъ умственной дѣятельности, уразумѣніе вѣчныхъ свойствъ вещей,—не ихъ преходящихъ, случайныхъ, „историческихъ“ признаковъ. Когда питомецъ въ свободной игрѣ своей фантазіи пробуетъ, напримѣръ, ограничить пространство прямыми линіями, то въ этомъ—начало его самодѣятельности; когда

же эти попытки убѣдятъ его, что нельзя замкнуть пространства менѣе чѣмъ тремя линіями, то новый результатъ дастъ ему свѣдѣніе о необходимомъ законѣ мысли, ограничивающемъ свободную фантазію. Вотъ нормальная связь между запросами духа и отвѣтами на нихъ. Все фактическое, узко-опытное должно раскрывать воспитаннику свою общую идею, являться ему въ своей сущности и смыслѣ. Обычное воспитаніе, чуждое философской глубины, усиленно наполняетъ память; но память, взятая отдѣльно, помимо служенія другимъ, болѣе высокимъ цѣлямъ, является не дѣятельностью духа, а его страданіемъ и болѣзнью. И неудивительно, что питомецъ чувствуетъ отвращеніе къ неинтереснымъ признакамъ неинтересныхъ предметовъ, которые назойливо заполняютъ его воспоминаніе; и неудивительно, что онъ нуждается во внѣшнихъ толчкахъ и родители утѣшаютъ его будущей практической пользой науки, которая такимъ образомъ признается служанкой матеріальнаго благополучія. При такихъ условіяхъ образованіе оказывается не только безсильнымъ для развитія нравственной личности, но даже способствуетъ моральной гибели и торжеству корысти. Нормальное воспитаніе со своимъ принципомъ живой самостоятельности исключаетъ все утилитарное и себялюбивое и никогда не внушаетъ воззрѣнія, будто учиться надо ради жизненныхъ удобствъ: чистая мысль во имя чистой морали—вотъ его девизъ.

Но каждое человѣческое дитя—не только будущій членъ земного общества; воспитывать его надо не только для краткой жизни здѣсь, на землѣ: нѣтъ, истинное воспитаніе мыслитъ своего питомца звеномъ вѣчнаго бытія, и онъ долженъ собственными силами выработать себѣ образъ этого сверхчувственнаго міропорядка, который существуетъ въ вѣчности. Отраженіе этого бытія въ нашемъ мірѣ — духовная жизнь:

она не отдѣлена отъ божественной жизни, и мы тѣмъ религіознѣе, тѣмъ ближе къ Богу, чѣмъ глубже мы въ своемъ духѣ, чѣмъ дальше отъ насъ меркантильное и матеріальное. Богъ не есть моментъ эвдемонистическій. Вѣра въ Бога не должна быть для насъ тою нитью, при помощи которой мы мечтаемъ послѣ смерти смертнаго тѣла ввести свой эгоизмъ и въ другіе міры; она не должна быть связана со страхомъ чувственной кары и надеждой на чувственную отраду и награду. Быть похороненнымъ еще не значитъ пріобщиться къ вѣчности. Не только по ту сторону гроба лежитъ вѣчность: она живетъ въ настоящемъ, и внѣвременный духъ переносится въ текущія мгновенія. Уловить это вѣчное въ преходящемъ волненіи жизни, погрузиться въ духовное—вотъ истинная религіозность. Дитя не имѣетъ въ ней, послѣднемъ расцвѣтѣ духа, непосредственной психологической нужды, и лишь тогда, когда оно перестанетъ быть объектомъ воспитанія, когда человѣкъ отъ гражданскихъ интересовъ и обязанностей перейдетъ къ еще болѣе высокимъ запросамъ сверхчувственнаго строя, когда моральное *я* завершится и углубится въ религіозной вѣрѣ,—тогда развитые воспитаніемъ задатки претворятся въ зрѣлый плодъ чистой религіозности. Въ дѣтствѣ же религія важна скорѣе своей теоретической стороной; она—познаніе, отвѣтъ на серьезные вопросы. Но какъ же воспитаніе, которое въ этомъ отношеніи но могло испытать своего питомца, пока онъ былъ въ его рукахъ, — какъ можетъ оно быть увѣрено, что впослѣдствіи религіозная потребность, вызванная ростомъ души, найдетъ себѣ у человѣка достойное удовлетвореніе? На это слѣдуетъ отвѣтить: истинное воспитаніе совершаетъ свое дѣло такъ, что ни одно познаніе, которымъ обогащается питомецъ, не остается въ немъ мертво и холодно; на первый зовъ жизни оно само получаетъ жизнь и находитъ себѣ воплощеніе

въ дѣйствительности. Человѣкъ, нормально воспитанный, любитъ все то, что онъ узналъ и узнаетъ.

Для того чтобы воспитаніе могло образовать свободнаго нравственнаго дѣятеля, оно должно гармонически развить въ человѣкѣ всѣ его духовные элементы и довести его внутренній міръ до высшей напряженности, полноты и яркости проявленій. Не тѣнь и призракъ человѣка, не поверхностный обликъ и схема его, а глубокое существо, исполненное жизни и силы, должно выйти изъ рукъ воспитателя. Основные элементы души — разумъ и воля: воспитаніе создаетъ ясность перваго и чистоту послѣдней; разумъ долженъ знать, что такое воля, чего она хочетъ и какъ ее удовлетворить. Эта цѣль не будетъ осуществлена, мы не узнаемъ себя, не увидимъ своей задачи, если, откинувъ всякую рефлексію, будемъ слѣдовать своему темному чувству, непосредственному голосу физической жизни. Кто слушается этого голоса, въ комъ царитъ не ясная и свѣтлая мысль, а инстинктивное и глухое чувство, тотъ ищетъ наслажденія, избѣгаетъ боли и весь отдается самому наивному и неограниченному себялюбію. Темное чувство, это — та ступень, когда *я* не узнаетъ еще въ объектахъ своего же продукта и считаетъ ихъ чужими, данными извнѣ, когда оно, чувственное и ограниченное, видитъ въ себѣ лишь порожденіе природы. Эгоизмъ имѣетъ своей стихіей это смутное общее чувство жизни, и, разумѣется, при его сумеречномъ свѣтѣ каждый человѣкъ мнитъ себя въ рабствѣ у инстинкта самосохраненія и поступаетъ согласно ему. Но воспитаніе должно поднимать свои живые объекты надъ этой темной бездной чувства къ свѣтлымъ высотамъ самопознанія. На такихъ высотахъ мы заглядываемъ къ свою внутреннюю сущность и познаемъ ее совсѣмъ иною,—исполненной любви и благоволенія. Передъ свѣтомъ ясной мысли испаряется эгоизмъ, и чѣмъ глубже входитъ человѣкъ въ самого

себя, тѣмъ явственнѣе замѣчаетъ онъ въ себѣ не послушное орудіе удовольствія и страданія, а звено моральнаго строя. И онъ проникается любовью къ этому строю, и его не удовлетворяетъ уже эмпирически данный, существующій міръ, который можно лишь пассивно принимать и который надо преодолѣть во имя новаго поприща для безусловной творческой любви и подвиговъ: онъ стремится своими помыслами къ міру идеальному, апріорному, вѣчно будущему. Если воспитаніе обдуманно и послѣдовательно отрѣшитъ своихъ питомцевъ отъ инстинкта и темнаго чувства и дастъ имъ свѣтлое познаніе, то это съ корнемъ вырветъ себялюбіе, и въ исторію вселенной будетъ вписана новая и благодатная страница. Человѣчество въ дѣятельномъ самосозиданіи, личными усиліями измѣнитъ свои судьбы и приведетъ себя къ духовной свободѣ. Вся исторія шла къ тому, чтобы изгнано было темное чувство, источникъ эгоизма, и на его мѣстѣ воцарилось ясное познаніе, источникъ нравственнаго творчества. Если до сихъ поръ большинство людей считало реальнымъ и довлѣющимъ себѣ только міръ чувственный, который воспитаніе прежде всего показывало своимъ питомцамъ; если до сихъ поръ въ большинствѣ людей жила и была сильна только плоть, матерія, природа, то новое воспитаніе откроетъ, что надъ природой возвышается свобода, что истинный міръ — тотъ, который воспринимается мыслью, и на него обратитъ оно всю любовь и все благоволеніе питомца. Тогда и привязанность къ земному получитъ духовный характеръ: свою земную жизнь каждый будетъ признавать фрагментомъ космоса, отрывкомъ вѣчной жизни, и родная страна, не измѣняющаяся въ смѣнѣ своихъ поколѣній, предстанетъ для каждаго символомъ и носителемъ этой вѣчности.

Такова будетъ новая глава человѣческой исторіи, таковъ будетъ новый міръ. Но можетъ ли воспитаніе,

которое должно создать эту лучшую эпоху,—можетъ ли оно теперь примкнуть къ какому-нибудь уже существующему методу, продолжать дѣло, уже кѣмъ-нибудь начатое?

Такое дѣло есть, и принадлежитъ оно Песталоцци. Въ этомъ педагогѣ воплотился истинный духъ нѣмецкаго народа, духъ идеализма и любви. Въ то время какъ философія Локка (которую Фихте не устаетъ порицать какъ худшую изъ системъ),—въ то время какъ она со своимъ неправильнымъ воззрѣніемъ на душу ребенка какъ на пустой сосудъ, отданный произволу внѣшнихъ впечатлѣній, исказила педагогическую работу, Песталоцци ступилъ на путь нѣмецкой, истинной философіи, на вѣрный путь самосозерцанія и самоуглубленія. Онъ отвергнулъ въ педагогіи слѣпое искаціе, произволъ и случайность и сдѣлалъ ее закономѣрнымъ искусствомъ, безошибочнымъ механизмомъ обученія. Онъ училъ, какъ пробуждать въ дѣтяхъ свободную дѣятельность духа, мышленіе и непосредственное воззрѣніе—то же проецированіе образовъ, о которомъ говорилось выше. Идеи Песталоцци искажены его комментаторами, но въ своемъ подлинномъ видѣ онѣ представляютъ высокую цѣнность; не надо только смѣшивать ограниченныхъ и утилитарныхъ цѣлей, которыя онъ себѣ ставилъ, съ общей и вѣчной задачей воспитанія. Мысль Песталоцци выше и больше, чѣмъ онъ самъ; не онъ мыслилъ ее, а вѣчный духъ мыслилъ ее въ немъ, и Песталоцци отсталъ отъ самого себя, отъ этого духа. Желая, напримѣръ, поскорѣе выпускать бѣднѣйшихъ дѣтей народа изъ школы для занятій хлѣбнымъ ремесломъ, онъ не уберегся отъ торопливости преподаванія, и этимъ объясняется сдѣланная имъ переоцѣнка чтенія и письма, какъ моментовъ, закрѣпляющихъ полученныя свѣдѣнія. Между тѣмъ новое воспитаніе и не разсчитываетъ больше имѣть народъ въ песталоццієвскомъ смыслѣ, т. е.

простую чернь: оно — воспитаніе обще-національное, и поэтому въ немъ недопустимо полуобразованіе, какъ орудіе узко-практическихъ цѣлей. Поскольку чтеніе и письмо замѣняютъ непосредственное созерцаніе одними знаками, они способствуютъ такому полуобразованію и приносятъ вредъ: задерживая на бумагѣ условными символами-буквами то, что предлагается непосредственной интуиціи, они ослабляютъ вниманіе питомца; если невосприятое теперь, въ настоящій моментъ, не исчезнетъ навсегда, а закрѣпится внѣшнимъ образомъ, то можно равнодушнѣе относиться къ преподаваемому и не напрягать вниманія, — такъ думаетъ воспитанникъ, и это ведетъ къ разсѣянности; а разсѣянность—гораздо большее зло, чѣмъ обыкновенно полагаютъ [1]), и можно сказать, что человѣческій родъ сразу былъ бы исцѣленъ отъ всѣхъ остальныхъ своихъ недостатковъ, если бы всякій изъ насъ исцѣлился отъ разсѣянности и пріучилъ себя концентрировать все свое вниманіе на каждомъ данномъ занятіи. Лишь какъ полное завершеніе воспитанія, его послѣдній даръ на жизненную дорогу, могутъ быть сообщены питомцу искусства чтенія и письма, грамматическое расчлененіе языка.

Впрочемъ, такой порядокъ долженъ царить въ общемъ національномъ воспитаніи, а не въ образованіи будущихъ ученыхъ: конечно, ученый долженъ раньше получить въ письмѣ орудіе для своихъ будущихъ одинокихъ думъ, чтобы оно помогало ему выводить на свѣтъ языка сокрытыя и безсознательныя для него самого глубины его духа. Отъ этой помощи знаковъ и символовъ не можетъ, конечно, отказаться и Фихте при всемъ своемъ исключительномъ пристрастіи къ духовному и абстрактному, при всей своей теоретической цѣломудренности.

[1]) Aphorismen über Erziebung (J. G. Fichte's sämmtliche Werke, Berlin, 1846; VIII Band. S. 356).

Другое заблужденіе Песталоцци состоитъ въ его надеждѣ, что нормальное воспитаніе можетъ всегда проходить въ кругу и обстановкѣ семьи. На самомъ же дѣлѣ то великое воспитаніе, которое одно въ силахъ реформировать человѣчество, должно быть изъято изъ рукъ по крайней мѣрѣ большинства родителей. Гнетъ матеріальной нужды, заботы о завтрашнемъ днѣ, мелочная разсчетливость и жажда наживы непремѣнно заразятъ дѣтей въ родномъ домѣ и помѣшаютъ ихъ свободному стремленію въ міръ духа и мысли. Для того чтобы наступила иная, лучшая эпоха исторіи, человѣчество не должно повторяться, и каждое новое поколѣніе не должно быть копіей своего предшественника,—иначе вся культурная работа окажется работой Сизифа. Надо уничтожить роковой стереотипъ современнаго человѣка, надо установить пограничную межу, которая отдѣляла бы дурно воспитанную современность отъ ея преемниковъ, и лишь тогда, когда цѣлое поколѣніе пройдетъ черезъ весь циклъ новаго воспитанія,—лишь тогда будетъ ясно, какую часть національной педагогіи можно довѣрить семьѣ.

Песталоцци исходитъ, наконецъ, изъ совершенно правильной мысли, что первымъ объектомъ познанія ребенка долженъ быть самъ ребенокъ: но развѣ самъ ребенокъ, это — его тѣло? Нѣтъ, первымъ объектомъ познанія служитъ внутренній міръ человѣка.

Фихте продолжаетъ великую традицію Сократа: мы должны вникать въ себя; тонкимъ слухомъ и зоркими глазами должны мы приникнуть къ собственной душѣ, и руководство воспитанія сводится къ тому, что оно помогаетъ намъ оріентироваться въ ней. И на первыхъ ступеняхъ жизни это самопознаніе должно начинаться съ „азбуки ощущеній“: ребенокъ открываетъ, узнаетъ себя; отъ него надо требовать, чтобы онъ отдавалъ себѣ вполнѣ ясный отчетъ въ

хаосѣ своихъ разнородныхъ ощущеній, чтобы онъ зналъ и сознавалъ, хочется ли ему ѣсть или спать, чтобы онъ различалъ степени и оттѣнки ощущеній, видѣлъ, гдѣ кончаются его реальныя впечатлѣнія звука или цвѣта и гдѣ начинаются его собственныя мысленныя дополненія къ нимъ,—и все это въ правильной, равномѣрной послѣдовательности, которая развиваетъ самую способность ощущенія. Только этимъ путемъ маленькій психологъ научится отличать свое *я* отъ *не-я* и получитъ о первомъ опредѣленное понятіе и сознаніе: онъ узнаетъ себя и такимъ образомъ пойдетъ въ дальнѣйшую жизнь, обладая ясными духовными глазами, которые никогда уже ему не измѣнятъ. Кто на зарѣ своей сознательности пріученъ разбираться въ себѣ и своихъ настроеніяхъ и смотрѣть въ свою душу, тотъ и впослѣдствіи будетъ изучать глубокій міръ своего *я*. И, начиная самоанализомъ ощущеній, питомецъ дойдетъ когда-нибудь и до вершинъ философской рефлексіи.

Кромѣ созерцанія внутренняго міра, ребенку предстоитъ, во второй очереди, изученіе внѣшнихъ объектовъ, пространственныхъ отношеній, формъ и фигуръ. И вотъ онъ долженъ воспроизводить эти предметы, проецировать ихъ образы, свободной дѣятельностью возсоздавать ихъ въ своей фантазіи. И только тогда, когда предметъ будетъ ему вполнѣ знакомъ и ясенъ во всѣхъ своихъ частяхъ, — лишь тогда ему слѣдуетъ сообщать его названіе: словесный знакъ только въ этой стадіи, а не раньше, становится педагогически полезенъ. Такъ изучаетъ питомецъ „азбуку созерцанія“.

Наконецъ, есть и третья „азбука“ — физическое искусство, или умѣлое господство надъ собственнымъ тѣломъ, правильное развитіе организма. Въ томъ цѣльномъ и гармоничномъ человѣкѣ, котораго стремится выработать воспитаніе, физическая мощь является не-

обходимой основой духовной культуры, и на-ряду съ самоуясненіемъ внутреннихъ ощущеній и наглядныхъ впечатлѣній она составляетъ важную ступень новаго воспитанія. При этомъ ребенокъ долженъ владѣть своимъ тѣломъ, а не оно должно владѣть имъ. Организмъ не страдаетъ отъ серьезныхъ умственныхъ занятій; напротивъ, они дѣйствуютъ на него благотворно, если только являются не сухой работой памяти, а живымъ творчествомъ фантазіи.

Отъ всякой азбуки, отъ ощущеній, созерцаній и физики надо идти, конечно, дальше. Созерцаніе, это—*я*, какъ бы забывшее о собственной дѣятельности, погруженное въ объектъ, *я* затонувшее. Полное самоуясненіе достигается рефлексіей. Это самоуясненіе—преддверіе гражданскаго и нравственно-религіознаго образованія. Въ постоянномъ возбужденіи самодѣятельности, при которой всякое познаніе принимается съ любовью, какъ созданное собственнымъ творчествомъ, въ послѣдовательномъ самоуглубленіи и созерцаніи проходитъ жизнь питомца, пока въ этомъ ознакомленіи съ собою и міромъ, въ созиданіи образовъ, онъ не будетъ приведенъ къ самостоятельной и центральной мысли о правильномъ соціальномъ строѣ людей и не полюбитъ этой мысли, и не пожелаетъ ея осуществленія. Національное воспитаніе вырабатываетъ не одну любовь къ наукѣ, но и любовь къ человѣку и желаніе разумнаго общежитія. Вѣрное своему основному принципу — извлекать изъ внутренняго міра питомца всѣ благія возможности, заложенныя въ немъ, воспитаніе находитъ въ человѣческой душѣ то основное нравственное стремленіе, которое можетъ и должно быть краеугольнымъ камнемъ общественнаго строя. Ибо такой нравственный импульсъ живетъ въ сердцѣ человѣка, и дитя желаетъ не благополучія своего, а правды; оно не ищетъ, какъ молодое животное, однихъ только чувственныхъ благъ, оно не исполнено своекорыстія: въ

немъ есть черта, которой воспитаніе плодотворно пользуется для своихъ высокихъ цѣлей. Эта коренная черта ребенка — потребность въ уваженіи, въ томъ, чтобы быть субъектомъ и объектомъ послѣдняго и онъ постепенно узнаетъ, что этой потребности удовлетворяетъ только справедливое, нравственное, доброе. Ребенокъ любитъ мать и уважаетъ своего отца, имѣетъ нужду и въ томъ, чтобы отецъ уважалъ его, и въ отцѣ, въ его одобреніи или неодобреніи, видитъ зеркало своей собственной цѣнности. Желаніе взаимнаго уваженія — то звено, которое объединяетъ людей и, въ частности, связываетъ воспитателя съ питомцемъ. Ребенокъ инстинктивно стремится уважать взрослый міръ, который его окружаетъ, и пользоваться въ свою очередь его признаніемъ; дитя уважаетъ себя въ той мѣрѣ, въ какой оно видитъ уваженіе къ себѣ со стороны взрослыхъ. Воспитаніе должно привести къ тому, чтобы мѣриломъ самоуваженія сдѣлался не внѣшній судъ, не оцѣнка другихъ, а собственное чувство. Когда это достигнуто, воспитаніе само себя упраздняетъ, потому что выросъ уже нравственно-самостоятельный человѣкъ, вполнѣ зрѣлый и совершеннолѣтній. Отсюда слѣдуетъ, что родители только въ томъ случаѣ исполняютъ свое назначеніе, если инстинктивный порывъ къ уваженію, обращаемый на нихъ дѣтьми, не обманываетъ послѣднихъ, если родители дѣйствительно являются внѣшнею, живою совѣстью ребенка, съ которой онъ, пока незрѣлый и нуждающійся въ другихъ, можетъ держать совѣтъ. И великая опасность и великое зло заключается въ томъ, что мы, взрослые, далеко не всѣ имѣемъ право быть объектами дѣтскаго уваженія. Утомленные жизнью, примиренные съ нею позорнымъ миромъ всяческихъ сдѣлокъ, испорченные и косные въ своихъ взглядахъ, мы не можемъ совлечь съ себя второй природы своихъ привычекъ — и вотъ приходимъ въ столкновеніе съ дѣтьми и даже не замѣчаемъ всей

чистоты ихъ нравственныхъ побужденій: мы считаемъ грѣшной человѣческую природу, между тѣмъ какъ она, свѣтлая въ своемъ зародышѣ, въ своихъ дѣтскихъ проявленіяхъ, становится грѣшной только отъ соприкосновенія съ нами, и каждый лишній годъ, который отдаляетъ насъ отъ поры невиннаго дѣтства, увеличиваетъ бремя нашей преступности, и мы создаемъ вокругъ своихъ дѣтей зараженную атмосферу неправды. Трагическая антиномія, жестокое противорѣчіе воспитанія! Худшіе воспитываютъ лучшихъ, и опытъ жизни заглушаетъ своими заботами идеальные ростки дѣтской природы. Старое препятствуетъ молодому и въ кичливой похвальбѣ своей практичностью леденитъ все теоретическое, безкорыстное, свѣтлое. Жизнь тушитъ огонь увлеченія, порождаетъ робость, недовѣріе ко всему новому, къ молодости и молодежи, холодную иронію. Когда люди переходятъ за тридцатилѣтній возрастъ, то ради ихъ собственной чести и ради блага міра имъ лучше было бы умереть, такъ какъ въ своей дальнѣйшей жизни они все равно только ухудшатъ себя и другихъ. Вотъ почему необходимо вырвать дѣтей изъ этого круга искалѣченныхъ жизнью воспитателей и образовать особое „педагогическое государство“, гдѣ жили бы, вмѣстѣ учились и созрѣвали мальчики и дѣвочки (друзья прежде, чѣмъ возлюбленные и супруги), подъ руководствомъ исключительныхъ натуръ,—такихъ людей, которые бы по крайней мѣрѣ помнили, что на нихъ смотрятъ дѣти, и по крайней мѣрѣ на это время брали себя въ руки и сосредоточивались на своей священной задачѣ. Цѣль воспитанія—по преимуществу нравственная, а нравственное находитъ себѣ полное осуществленіе въ союзѣ человѣческаго общежитія. Оттого и необходима для созиданія моральныхъ людей педагогическая община, которая жила бы яркой и разносторонней жизнью и въ каждомъ членѣ воспитывала бы духовную свободу и самостоятельность. Эта община

маленькихъ людей должна быть прототипомъ и подготовительной школой для будущаго гражданскаго общежитія. Въ ней царитъ полное безкорыстіе, въ ней личность готова сознательно приносить себя въ жертву для блага цѣлаго, въ ней нѣтъ наградъ и поощреній,— кромѣ тѣхъ развѣ, что удовлетворенная и чистая совѣсть питомца, эта внутренняя награда, облекается для него и въ какую-нибудь внѣшнюю форму и находитъ себѣ подтвержденіе со стороны учителя. Члены этой общины не только учатся, но и занимаются физическимъ трудомъ, и такъ какъ ея принципомъ служитъ самодѣятельность, то послѣдняя распространяется на всѣ сферы: какъ объекты знанія, такъ и предметы практическаго обихода вырабатываются, насколько это возможно, собственными силами учащихся; первое осуществляется интеллектуальной работой, послѣднее — механической. Община живетъ на собственный счетъ — и въ матеріальномъ, и въ нравственномъ отношеніи. Въ ней получаютъ свое первоначальное образованіе и воспитаніе всѣ члены націи, и только потомъ расходятся они по разнымъ направленіямъ: тѣ, кого дарованіе влечетъ къ наукѣ, получаютъ спеціальную подготовку, остальные идутъ по дорогѣ физическаго труда. Но очень важно, чтобы и будущій ученый, теоретикъ, извѣстное время провелъ въ здоровой атмосферѣ реальной жизни, ибо даже пребываніе на высотахъ отвлеченной мысли не разрѣшаетъ общественнаго безразличія и никто не имѣетъ права отворачиваться отъ дѣйствительности, не понимать ея современныхъ задачъ. Такъ бодрыми и увѣренными шагами выйдутъ члены дѣтскаго государства въ настоящій гражданскій строй и внесутъ въ него духъ труда и правды. Воспитатель, благословляя этихъ сильныхъ и самостоятельныхъ людей на дѣятельность въ новомъ великомъ общежитіи, можетъ отпу-

стить ихъ спокойно и безъ тревогъ. „Нынѣ отпущаеши“.

Если такова сила воспитанія, если только оно можетъ пересоздать моральный строй человѣчества, то естественно, что оно должно быть не частнымъ, а государственнымъ дѣломъ, и государство должно взять его на свой страхъ. Слишкомъ окупятся расходы на это, ибо нѣтъ ничего прибыльнѣе, какъ воспитывать хорошихъ гражданъ — этихъ постоянныхъ воиновъ и работниковъ. И если государство пользуется своимъ правомъ принужденія для воинской повинности, то еще больше права имѣетъ оно сдѣлать обязательнымъ всеобщее образованіе.

Реформа воспитанія осуществима прежде всего и лучше всего усиліями нѣмецкаго народа, потому что нѣмецкій народъ, это—*я* среди народовъ, воплощенное самосознаніе. Но вѣчныя идеи возвышаются надъ частными условіями времени и исторической обстановки и утѣшительно дѣйствуютъ на каждое человѣческое *я*, призывая его къ творческой дѣятельности, къ священной задачѣ добра.

И пока тѣ нравственные идеалы, которые проповѣдуетъ новое воспитаніе, еще не осуществились въ конкретномъ строѣ,— будемъ жить ими въ нашей мысли и нашемъ сердцѣ. Будемъ хранить внутреннюю свободу, которой не можетъ отнять у насъ никакая внѣшняя сила, и чѣмъ больше гнетутъ насъ оковы принужденія, тѣмъ смѣлѣе будемъ возноситься надъ ними въ духѣ своемъ. Пусть на-время исчезла свобода, изгнанная изъ реальной жизни, — дадимъ ей убѣжище въ сокровенной глубинѣ нашихъ мыслей и чувствъ, до тѣхъ поръ, пока вокругъ насъ не раскинется новая дѣйствительность, обѣтованная земля духа, на почвѣ которой свобода найдетъ себѣ и внѣшнее воплощеніе. Пусть нашъ идеальный міръ явится порукой и предвидѣніемъ грядущаго реальнаго міра, — будемъ жить

впереди своего печальнаго времени. Настанетъ пора, когда чувственныя и духовныя побужденія не будутъ уже, какъ теперь, въ странномъ и грустномъ сочетаніи, оспаривать другъ у друга господство надъ вселенной, когда воцарится одинъ только чистый и неограниченный духъ. Въ нравственномъ предвосхищеніи этого царства свободы никто не можетъ намъ отказать, и, съ другой стороны, ни отъ кого, кромѣ насъ самихъ, не зависитъ осуществленіе нашихъ идеаловъ. Властелинъ міра—наше *я*. „Пусть дождь и ведро, неурожайные и урожайные годы создаетъ какая-то неизвѣстная и не въ нашей власти находящаяся сила,—но человѣческія событія и человѣческія отношенія творитъ самъ человѣкъ и ничто внѣ его“ [1]).

Такъ, пламенный рыцарь духа, Фихте въ одушевленныхъ строкахъ своихъ проповѣдей ободряетъ насъ къ нравственной работѣ, которая, по его глубокой вѣрѣ, не можетъ быть нарушена ничѣмъ — даже смертью. „То, что называютъ смертью,—говоритъ онъ,—не можетъ прервать моего дѣла; мое дѣло должно быть завершено, но оно не можетъ быть завершено въ теченіе конечнаго времени, — слѣдовательно, и моему существованію нѣтъ предѣла во времени, и я вѣченъ. Принявъ на себя великую задачу, я вмѣстѣ съ нею завоевалъ себѣ вѣчность. Отважно поднимаю я свою голову передъ грозящей скалой и передъ бушующимъ водопадомъ, и передъ грохочущими тучами, погруженными въ море огня, и говорю: я вѣченъ и презираю ваше могущество! Низвергнитесь всѣ на меня, и ты, небо, и ты, земля, смѣшайтесь въ дикомъ рокотѣ и вы, всѣ стихіи, неистово бушуйте и разрушайте въ дикой борьбѣ послѣднюю пылинку тѣла, которое я называю своимъ: моя воля одна со своимъ непоколеби-

[1]) Reden an die deutsche Nation (изд. Reclam'a, стр. 217).

мымъ замысломъ будетъ смѣло и спокойно витать надъ обломками вселенной; я постигъ свое назначеніе, и оно долговѣчнѣе, чѣмъ вы; оно вѣчно, и я вѣченъ какъ оно"!.. [1]).

---

[1]) Ueber die Bestimmung des Gelehrten (изд. Reclam'a, стр. 37).

О ВОСПИТАНІИ Д. С. МИЛЛЯ.

По поводу книги: Samuel Saenger, John Stuart Mill. Sein Leben und Lebenswerk. 1901.

Исторія семейнаго воспитанія въ началѣ XIX столѣтія знаетъ одинъ эпизодъ, который, при всей своей исключительности, наводитъ на мысли общаго характера. Онъ представляетъ собою рѣзкое отступленіе отъ нормальной педагогической колеи и можетъ, на первый взглядъ, служить доказательствомъ того, что при обычномъ воспитаніи безплодно пропадаютъ для умственной культуры нѣсколько лѣтъ ранняго дѣтства и что большинство родителей слишкомъ поздно начинаютъ учить своихъ дѣтей. Невольно возникаетъ сомнѣніе, не слѣдуетъ ли возвести на степень общаго правила то поразительное исключеніе, какимъ является упомянутый одинокій эпизодъ.

Отецъ знаменитаго мыслителя Джона Стюарта Милля въ теченіе всей жизни неуклонно придерживался того правила, что никогда не должно терять времени. Во имя этого простого и слишкомъ безспорнаго принципа онъ сталъ обучать своего сына—и обучать предметамъ далеко не элементарнымъ—въ такомъ возрастѣ, когда дѣти еще лепечутъ, а не говорятъ, и когда они безконечно-далеки отъ серьезныхъ умственныхъ интересовъ и любознательности. „У меня не сохранилось,—говоритъ Джонъ Милль въ своей автобіографіи,—у меня не сохранилось точныхъ воспоминаній, когда именно я сталъ учиться греческому языку; но я потомъ слышалъ отъ другихъ, что было мнѣ тогда три года“ [1]. Вы сразу чувствуете, въ какую едва ли

[1]) Autobiography by John Stuart Mill. London, 1886, стр. 5.

не сказочную область, въ какое царство педагогической фантастики переносятъ васъ эти слова. Трехлѣтній мальчикъ заучиваетъ столбцы греческихъ вокабулъ съ переводомъ на англійскій языкъ; и затѣмъ первыя книги въ мірѣ, которыя онъ читаетъ, это не сказки, не милыя и наивныя произведенія своей, народной рѣчи, это—басни Эзопа и Анабазисъ Ксенофонта,—конечно, въ подлинникѣ... А вѣдь онъ былъ ребенокъ, и, какъ всякаго ребенка, его, по собственному признанію, восхищали непосредственные вымыслы о войнахъ и битвахъ.

Латинскому языку онъ сталъ учиться на 8-мъ году жизни, и къ этому времени его голова представляла живую библіотеку древнихъ авторовъ. Ученое дитя знаетъ уже Геродота, Діогена Лаэрція, Лукіана, Изократа, шесть діалоговъ Платона, включая и труднѣйшій изъ нихъ—„Θεэтетъ“; относительно послѣдняго Милль впослѣдствіи говорилъ, что лучше было бы пропустить его, такъ какъ онъ былъ для мальчика непонятенъ... Трудность однако не служила препятствіемъ въ глазахъ оригинальнаго воспитателя: „Отецъ во всемъ своемъ преподаваніи требовалъ отъ мѣня не только того, что было въ границахъ моихъ силъ, но и того, что ихъ превосходило“ [1]). Мы не станемъ перечислять всего длиннаго списка греческихъ и римскихъ классиковъ, серьезныхъ историческихъ изслѣдованій на англійскомъ языкѣ, книгъ по математикѣ,—этого единственнаго въ своемъ родѣ каталога, по которому шло умственное воспитаніе Милля и въ которомъ *Робинзонъ Крузо, Тысяча и одна ночь, Донъ-Кихотъ* заняли свое скромное мѣсто лишь тайкомъ и стыдливо, въ смущеніи передъ ученой и важной средой, въ какую они попали. Милль разсказываетъ, что дѣтскихъ книгъ и игрушекъ онъ почти не получалъ, и

[1]) Ibid., стр. 6.

то, что все-таки доставалось на его долю изъ этого общедѣтскаго сокровища, дарили ему друзья и родственники. Въ своемъ постоянномъ желаніи оправдать учителя-отца, сынъ говоритъ въ автобіографіи, что Джемсъ Милль вовсе не думалъ совершенно исключать изъ его обихода книги легкаго содержанія,—но только самъ Джемсъ ихъ почти не имѣлъ и дозволялъ ихъ своему питомцу въ весьма ограниченномъ количествѣ.

Мальчикъ не только читалъ, — онъ разсказывалъ отцу содержаніе прочитаннаго, составлялъ конспекты, училъ свою сестру, писалъ „сочиненія“ по разнообразнымъ, но всегда труднымъ вопросамъ. Помимо обязательныхъ уроковъ, Милль, страстно любившій исторію и подъ руководствомъ отца вырабатывавшій себѣ надъ ея страницами свои политическія убѣжденія демократа, въ возрастѣ между одиннадцатью и двѣнадцатью годами написалъ даже цѣлую историческую монографію: это была не болѣе, не менѣе какъ исторія римскаго управленія, скомпилированная главнымъ образомъ по Титу Ливію и Діонисію Галикарнасскому. Въ существѣ своемъ эта работа представляла изложеніе борьбы патриціевъ съ плебеями; юный авторъ, не имѣя понятія объ изслѣдованіяхъ Нибура, страстно защищалъ аграрные законы и всей своей дѣтской душою присоединялся къ демократической партіи Рима.

Этими историческими упражненіями Милль занимался съ любовью, отецъ же относился къ нимъ довольно равнодушно. Зато иначе обстояло съ другой работой: къ ней воспитатель побуждалъ, а мальчика она тяготила. Дѣло въ томъ, что Джемсъ Милль заставлялъ своего терпѣливаго и послушнаго сына упражняться въ версификаціи. Это звучитъ какъ-будто бы странно и неожиданно. Во-первыхъ, можно ли принуждать къ поэтическому творчеству и налагать на

крылатаго Пегаса ярмо покорной рабочей лошади?.. Во-вторыхъ, не удивительно ли, что такая прозаическая натура, такой логическій, трезвый умъ, какъ Джемсъ Милль, ввелъ въ свою воспитательскую программу столь легкомысленное занятіе? Къ счастью, нашъ педагогъ имѣлъ хорошую привычку, насколько возможно, объяснять своему сыну основанія предъявляемыхъ къ нему требованій, и мы поэтому знаемъ тѣ характерные мотивы, въ силу которыхъ мальчикъ долженъ былъ сочинять англійскіе стихи. Отецъ говорилъ, что есть вещи, которыя лучше поддаются изображенію въ стихотворной формѣ; кромѣ того, люди вообще придаютъ стихамъ большее значеніе, чѣмъ они заслуживаютъ, и поэтому слѣдуетъ пріобрѣсти извѣстный навыкъ въ версификаціи. Если бы Джемсъ Милль хотѣлъ привить своему сыну полное отвращеніе къ поэзіи, то онъ не могъ бы придумать лучшаго средства, чѣмъ это насиліе надъ внутреннимъ міромъ ребенка; и если результаты оказались все-таки иные и изъ души маленькаго Джона не были съ корнемъ вырваны поэтическіе ростки, то въ этомъ отецъ нисколько не повиненъ.

А такіе ростки зрѣли въ душѣ Джона Стюарта Милля и жаждали внимательнаго ухода. Но его не было. Шекспира давали Джону только въ видѣ иллюстраціи къ исторической хроникѣ, и отецъ предостерегалъ своего сына отъ „идолопоклонства“ передъ великимъ поэтомъ. Мальчикъ самъ искалъ отрады и находилъ ее, въ поэтическихъ твореніяхъ. Онъ увлекался Мильтономъ, Гольдсмитомъ, Бёрнсомъ, Вальтеръ-Скоттомъ. Вообще, Милль былъ воспріимчивъ ко всѣмъ родамъ поэзіи, и хотя самъ онъ не былъ одаренъ художественнымъ творчествомъ, но въ юные годы сочинилъ нѣсколько трагедій. Впослѣдствіи онъ былъ одинъ изъ первыхъ, кто открыто оцѣнилъ поэзію Теннисона, которой не легко досталось признаніе. Онъ любилъ Кар-

лейля исключительно за его художественную кисть; Альфреду де-Виньи посвятилъ онъ тонкій этюдъ.

Въ связи съ этой эмоціональной стороною въ личности Милля необходимо отмѣтить его страстную и нѣжную любовь къ природѣ. Онъ иногда въ защиту луговъ и полей отъ губительнаго нашествія индустріи съ ея копотью и дымомъ говорилъ такія пламенныя рѣчи, которыя напоминаютъ эстетическую проповѣдь Карлейля или Рёскина. „Только природѣ страданья незримыя духа дано врачевать“,—съ этими словами русскаго поэта Милль согласился бы всей душой. Онъ любилъ деревню, горы, много путешествовалъ, собиралъ растенія, и косвенной причиной его смерти послужила состоявшаяся за три дня до его кончины ботаническая экскурсія; красоты Швейцаріи, Тироля, Италіи, которые онъ посѣтилъ въ довольно раннемъ возрастѣ, произвели на него такое впечатлѣніе, что вся остальная жизнь его, по его собственнымъ словамъ, была окрашена и озарена этими благодатными воспоминаніями [1]). Отсюда можно видѣть, какъ неосновательны и нелѣпы обычныя представленія о Миллѣ. Его называли одушевленной счетной машиной, Ницше говорилъ объ его „оскорбительной ясности“, Карлейль видѣлъ въ немъ только „логическую мельницу“, и мало кто понималъ, что его душѣ не чужды были эстетическія ощущенія, безъ которыхъ всякій человѣкъ, даже если онъ представляетъ собою значительную умственную силу, является человѣкомъ лишь наполовину. Правда, любовь къ природѣ имѣла у Милля сантиментальный характеръ, его склонность къ поэзіи зиждилась на моральной основѣ,—оттого и превлекали его больше поэты патетическіе, чѣмъ пѣвцы непосредственнаго и наивнаго чувства; отѣого и былъ его любимцемъ Шиллеръ, кото-

[1]) Ibid., стр 84.

раго онъ горячо защищалъ противъ нападокъ Конта. Несравненный художественный геній великаго Гёте онъ признавалъ вполнѣ и никогда не подходилъ къ нему съ тѣсной мѣркой пуританской морали; но все-таки передъ этическимъ идеаломъ Милля Гёте не могъ устоять, и знаменитый философъ говорилъ, что не находитъ въ его поэтическихъ созданіяхъ той нравственной высоты, на которую поднялся Шиллеръ въ Валленштейнѣ и Теллѣ. Вотъ почему лучшей эстетической культурой Милль признавалъ благоговѣйное удивленіе передъ великими характерами—именно, героями философіи; образъ Сократа, нарисованный Платономъ, и въ особенности личность Кондорсэ — вотъ что служило для него источникомъ величайшаго наслажденія, эстетичность котораго не слабѣла отъ того, что въ немъ были и моральные моменты.

И всѣ эти искры поэтическихъ настроеній въ дѣтскіе годы Милля тлѣли, незамѣтныя для отца, подъ густымъ слоемъ сухой умственной дисциплины и обильныхъ свѣдѣній. Сами должны были онѣ пролагать себѣ дорогу; никто не помогалъ имъ разгорѣться. Въ двѣнадцать лѣтъ мальчикъ обладалъ такими знаніями, которыхъ многіе ученые достигаютъ лишь во второй половинѣ своей жизни и которыхъ многіе совсѣмъ не достигаютъ. Джонъ по образованію опередилъ своихъ сверстниковъ лѣтъ на двадцать пять. Энциклопедистъ-мальчикъ одинаково успѣвалъ и въ гуманитарныхъ, и въ точныхъ наукахъ, и въ математикѣ. Не говоря уже объ элементарныхъ отрасляхъ послѣдней, онъ 9-ти лѣтъ отъ роду былъ свѣдущъ въ сферической тригонометріи и аналитической геометріи, черезъ годъ овладѣлъ элементами астрономіи и механики, занимался по руководству Эйлера анализомъ безконечно-малыхъ и дифференціальнымъ исчисленіемъ. Милль поглощалъ книги по химіи и физикѣ; но только самъ онъ никогда не занимался экспериментальной работой

и не видѣлъ чужихъ экспериментовъ: отецъ направлялъ его умъ на изученіе общихъ принциповъ Нельзя думать, конечно, что Милль все прочитанное понималъ до-тла и глубоко; но все-таки сумма пріобрѣтенныхъ имъ знаній и идей вызываетъ удивленіе: едва ли исторія знаетъ какой-нибудь другой примѣръ столь ранней зрѣлости и всесторонней философской учености. Быть можетъ, намъ придетъ на память имя Лейбница; но вѣдь нѣмецкій мыслитель рано почувствовалъ любознательность, и иниціатива къ занятіямъ исходила отъ него самого. Специфическія способности иныхъ ученыхъ тоже проявлялись сами. Не то однако замѣчается въ судьбѣ Милля. Едва изъ пеленокъ онъ былъ взятъ подъ ферулу, не онъ самъ стремился къ знанію,—онъ былъ только страдательнымъ объектомъ педагогическаго эксперимента, которому подпалъ въ то время, когда еще не видны были въ немъ слѣды какихъ бы то ни было талантовъ или способностей. Отецъ отдавалъ воспитанію сына значительную часть своего рабочаго дня, и въ этомъ отношеніи онъ заслуживаетъ безусловной похвалы. Но какъ бы въ насмѣшку надъ обычными педагогическими теоріями и началомъ постепенности, онъ воспользовался своей patria potestas для того, чтобы порабощать умъ своего ребенка и возлагать на него бремена неудоносимыя. Духомъ кротости и благородства вѣетъ отъ автобіографіи Милля, и трогательны его благодарныя воспоминанія объ отцѣ. Но какъ ни старается сынъ защитить своего безпощаднаго ментора отъ возможныхъ упрековъ, вы чувствуете все-таки затаенную горечь обиды, которая иногда и прорывается у него запоздавшимъ протестомъ,—протестомъ мягкимъ и деликатнымъ,—противъ деспотической воли отца. Джонъ Стюартъ настолько оберегаетъ память Джемса Милля отъ всякихъ нареканій, что вы не можете предъявить послѣднему тяжкихъ обвиненій въ жестокости, — не

имѣете на это права и данныхъ. И все-таки шевелится въ васъ укоризненное чувство противъ этого энергичнаго и упрямаго человѣка, который не подарилъ маленькому Джону ни единой ласки и во всякомъ случаѣ производилъ насиліе надъ своимъ безпомощнымъ и безотвѣтнымъ сыномъ. Холодная жестокость прямолинейнаго экспериментатора, суровая разсудочность и неумолимая требовательность—вотъ черты Джемса Милля какъ воспитателя,—черты, которыя просвѣчиваютъ даже сквозь покровъ, наброшенный на нихъ заботливой рукою сына.

Въ 12 лѣтъ Милль вступилъ въ новую стадію своего образованія, главною цѣлью которой было не приложеніе мысли, а самая мысль. Въ центрѣ этого новаго умственнаго періода была поставлена логика,—мальчикъ погрузился въ *Органонъ* Аристотеля. Впослѣдствіи, въ годы полной сознательности, Джонъ Стюартъ отнесся съ совершеннымъ одобреніемъ къ тому, что отецъ въ системѣ его образованія отвелъ такое значительное мѣсто логикѣ. Разобрать запутанную сѣть неясной и противорѣчивой мысли, придать словамъ и фразамъ ихъ надлежащій смыслъ, это—очень существенное дѣло, и этому научаетъ логика: ея воспитательная роль выше, чѣмъ роль математики. Естественно, что Милль, который навѣки внесъ свое имя въ исторію логическихъ ученій и питалъ къ логикѣ особую симпатію, имѣлъ къ ней особое умственное расположеніе и дарованіе,—естественно, что онъ такъ высоко цѣнилъ ее. Но онъ упустилъ изъ виду, какъ легко подъ вліяніемъ исключительнаго интереса къ логикѣ возникаютъ софистическія и схоластическія привычки мысли.

13-ти лѣтъ отъ роду Милль — все подъ руководствомъ отца—сталъ заниматься политической экономіей. На этомъ кончается то, что онъ называетъ годами своего обученія; потомъ онъ уѣхалъ за гра-

ницу, и когда черезъ годъ вернулся, то непосредственное руководительство отца уже не возобновлялось: наступилъ конецъ воспитанію, началось самовоспитаніе.

Оглядываясь на то, что далъ ему отецъ, Милль часто выражаетъ свое полное сочувствіе его воспитательскому плану, — хотя, какъ мы уже упоминали, выраженіе этого сочувствія иногда смѣняется робкими отзвуками укора и, во всякомъ случаѣ, значительной долей своей обязано не объективной истинѣ и ея сознанію, а просто сыновнему чувству. По словамъ Милля, воспитаніе, которое онъ получилъ, доказываетъ, что древнимъ языкамъ можно научиться безъ особаго труда въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, безъ обычной траты столькихъ драгоцѣнныхъ лѣтъ. Онъ говоритъ о себѣ, что его способности, память и степень энергіи во всякомъ случаѣ не возвышались надъ уровнемъ посредственнаго. Успѣхи, которыхъ онъ достигъ, объясняются только тѣмъ, что отецъ ничего не преподавалъ ему механически, разсчитывалъ не на память своего воспитанника, а на его сообразительность, и требовалъ, чтобы сознаніе предшествовало знанію. Отецъ уберегъ его и отъ тщеславія: онъ сдѣлалъ такъ, что маленькій Джонъ даже и не подозрѣвалъ всей исключительности и богатства своихъ знаній, не сознавалъ своего превосходства передъ сверстниками. И Милль думаетъ, что всякій мальчикъ и всякая дѣвочка среднихъ способностей и хорошаго здоровья могли бы достигнуть той же роскоши знаній и умственнаго развитія, до какой поднялся онъ.

Мы знаемъ, что Милль не правъ. Мы знаемъ, что ему прирождена была ранняя умственная зрѣлость и необыкновенныя дарованія—особенно въ сферѣ логическихъ и философскихъ элементовъ науки. Если онъ придавалъ главное и чрезмѣрное значеніе не своимъ прирожденнымъ способностямъ, а ихъ культурѣ, то его устами говорила, во-первыхъ, столь присущая ему

скромность, а во-вторыхъ, унаслѣдованная отъ XVIII столѣтія вѣра, что люди отъ рожденія всѣ равны между собою и только въ силу общественныхъ условій и воспитанія становятся разными. Однако нельзя и представить себѣ, чтобы сколько-нибудь значительное число отроковъ могло не сломиться подъ тяжестью тѣхъ знаній, какія хранилъ въ своей дѣтской головѣ Джонъ Милль. Опыты, произведенные въ этомъ направленіи, только обогатили бы дома умалишенныхъ и больницы. И судьба самого Милля служитъ убѣдительнымъ аргументомъ противъ восхваляемой имъ педагогической системы. Тѣ припадки нервнаго истощенія, которые начались у него въ 1826 году и затѣмъ неоднократно возвращались, несомнѣнно, имѣютъ своимъ источникомъ злоупотребленіе нервной силой въ ранніе годы. Возможно и то, что слабость памяти Милля на конкретное и частное ведетъ свое начало оттуда же.

Впрочемъ, и самъ онъ отмѣчаетъ нѣкоторые недостатки своего воспитанія: оно пренебрегало физической стороной ребенка, было направлено слишкомъ во внутрь, стремилось выработать въ мальчикѣ не столько умѣніе, сколько свѣдѣнія, было черезъ мѣру отвлеченно въ своемъ методѣ и нерѣдко избѣгало даже поясненій и примѣровъ. Кромѣ того, изъ дѣтства Милля была вычеркнута вся положительная сторона школьной жизни, и не было мальчиковъ, съ которыми бы онъ игралъ, въ общеніи съ которыми развивалось бы у него живое чувство товарищества и дѣйствительности.

Это отсутствіе культуры чувства было вообще самымъ серьезнымъ и роковымъ недостаткомъ въ воспитаніи Милля. И когда четырнадцатилѣтній мальчикъ уѣхалъ во Францію, онъ сразу понялъ, чего недоставало ему въ родительскомъ домѣ. Цѣлый годъ провелъ онъ въ замкѣ Pergigneau въ Провансѣ. Изъ оконъ замка разстилался чудный видъ на долину Гаронны, и юный философъ восторгался этимъ зрѣлищемъ. Но

еще болѣе радовала его духъ та бодрящая атмосфера континентальной жизни, которой не давала ему Англія. Враждебное всякой сантиментальности англійское воспитаніе, въ своей справедливой боязни опошлить и оскорбить чувство его обнаруженіемъ передъ другими, заходитъ иногда такъ далеко, что подавляетъ всякое искреннее движеніе души. Вотъ почему силой контраста такъ восхитили Джона Милля французская обходительность и довѣрчивость, ласковый и непринужденный тонъ окружающихъ.

Мальчикъ умѣлъ глубоко чувствовать, и впослѣдствіи онъ выказалъ себя способнымъ на самую нѣжную привязанность, жаждущимъ любви и дружбы. И вотъ, съ такой душою онъ жилъ въ домѣ отца, гдѣ царили холодная разсудочность и категорическій императивъ. Ему было тѣсно и жутко въ этой безукоризненно-чистой, но гнетущей атмосферѣ. Дружбы съ отцомъ у него не было, и когда въ 1826 году онъ пережилъ тяжкій кризисъ, мучительно разорвалъ со многими изъ своихъ завѣтныхъ убѣжденій, былъ на краю нравственной гибели,—тогда онъ не пришелъ къ отцу, которому былъ обязанъ своимъ умственнымъ міромъ, но который былъ „чуждъ энтузіазма“ и не могъ бы понять своего тоскующаго сына. А сынъ тосковалъ по индивидуальнымъ особенностямъ человѣка, жаждалъ оттѣнковъ, хотѣлъ непосредственныхъ настроеній и сбрасывалъ съ себя оковы анализа и разсудочныхъ ассоціацій. Заглушенное чувство рвалось наружу, искало выхода въ музыкѣ и поэзіи, стремилось какъ бы вознаградить себя за долгій плѣнъ ничѣмъ не согрѣтаго дѣтскаго сердца. Внѣшнее и планомѣрное, чему въ семьѣ Джемса Милля воздавался культъ, Джонъ Стюартъ отгонялъ отъ себя и тяготѣлъ къ внутреннему, ирраціональному, стремился отъ ясности къ иллюзіи, отъ холоднаго свѣта къ манящей тѣни,—умъ, пресыщенный логикой, жаждалъ алогичнаго, таинственнаго, не-

уловимаго. Запросы интеллекта отступили передъ настойчивостью сердца. Облако состоитъ изъ водяныхъ паровъ,—это Милль зналъ, но это перестало его удовлетворять, и ему захотѣлось проникнуться красотою облака, озареннаго заходящимъ солнцемъ [1]). Но трагедія Милля въ этотъ періодъ его жизни въ томъ и заключалась, что онъ искалъ въ себѣ эмоцій—и долго не находилъ ихъ. Естественно, что къ отцу съ этими влеченіями онъ не могъ приближаться. Его исцѣлило другое: онъ случайно прочелъ мемуары Мармонтеля и былъ пораженъ тѣми строками, гдѣ авторъ разсказываетъ о смерти своего отца, о скорби семьи и о внезапной рѣшимости, съ какою онъ, еще ребенокъ, почувствовалъ и далъ понять своимъ осиротѣвшимъ роднымъ, что онъ отнынѣ замѣнитъ для нихъ отца: живая картина этой сцены прошла передъ Миллемъ, и онъ былъ тронутъ до слезъ; съ тѣхъ поръ его душевная тяжесть стала легче.

И въ теченіе всей жизни Милля изъ-подъ холодной работы мыслителя то-и-дѣло пробивался едва не заглушенный родникъ живого и глубокаго чувства. Джемсъ Милль, къ счастью, не довершилъ своего начинанія. И самое тяжкое осужденіе, какое только можно выразить его педагогической системѣ, заключается въ слѣдующемъ признаніи Джона Милля одной женщинѣ-другу: „Я никогда не былъ мальчикомъ, я никогда не игралъ въ крикетъ: лучше предоставить природѣ идти ея собственнымъ путемъ“. Какое горе—никогда не играть въ крикетъ!.. Не въ томъ главная ошибка Джемса Милля, что онъ сталъ рано учить своего замѣчательнаго сына, а въ томъ, что онъ только училъ его, давалъ только его уму и со своей нѣмой душою не былъ чуткъ и ласковъ къ нѣжной душѣ своего кроткаго ребенка.

---

[1]) Ibid., стр. 152.

Викторъ Гюго, какъ поэтъ семьи и дѣтей.

Поэзія Виктора Гюго въ своихъ общихъ очертаніяхъ напоминаетъ грандіозный храмъ поразительно-эффектной архитектуры, великолѣпный Соборъ Парижской Богоматери, въ которомъ раздаются гимны славословій, гнѣвныя рѣчи народнаго трибуна, яркая и блестящая риторика искуснаго жреца. Она исполнена титаническихъ образовъ; ее проникаетъ роскошная фантазія, которая находитъ себѣ содержаніе во всѣхъ странахъ міра, въ исторіи и легендахъ, въ политической злобѣ шумнаго парижскаго дня. Она говоритъ о бурныхъ страстяхъ и ужасающихъ преступленіяхъ, о кротости и любви епископа-праведника и о чудовищныхъ порокахъ Лукреціи Борджіа; она описываетъ послѣдніе часы осужденнаго къ смерти, самоотверженное благородство каторжника и насмѣшливую жестокость Людовика XI; она сливаетъ въ трогательномъ союзѣ красоту Эсмеральды и уродство Квазимодо. Контрасты жизни и души, противоположности настроеній и чувствъ всегда привлекали къ себѣ художественное творчество Гюго, и антитеза сдѣлалась основною и выпуклою чертой всѣхъ его произведеній, излюбленною фигурой его картиннаго языка. Поэтъ какъ бы копировалъ этимъ само мірозданіе. „Богъ,—говоритъ онъ,—создаетъ свои эффекты тѣмъ, что усиливаетъ противоположности. Бѣлое, черное; день, ночь; декабрь, апрѣль; лебедь и воронъ; Маркъ-Аврелій и Коммодъ; грѣхъ, добродѣтель; неистовый бѣгъ и узда; волненіе живыхъ и без-

молвіе мертвецовъ" (*Les quatre vents de l'Esprit* — „Dieu éclaboussé par Zoïle"). „Здѣсь — Сибирь, а тамъ — Сенегалъ, и повсюду—антитеза!" (*L'art d'être grand-père* — „Le poëme du Jardin des Plantes").

Изъ тѣхъ контрастовъ, которыми чрезмѣрно и утомительно-богата литературная сокровищница Гюго, мы отмѣтимъ одинъ,—быть можетъ, самый замѣчательный и отрадный. На-ряду съ потрясающими трагедіями, со сценами кровавой борьбы, несчастья и ненависти, на-ряду съ хаосомъ жизненнаго торжища и героями, изображенными выше человѣческаго роста, знаменитый поэтъ любовно рисовалъ спокойный міръ дѣтей, и послѣ негодующихъ возгласовъ своей сатиры, вслѣдъ за патетическою декламаціей своихъ одъ воспѣвалъ онъ тихую идиллію семейнаго очага. Ни одинъ изъ великихъ писателей не любилъ такъ живописать дѣтей, какъ онъ, и никто не посвящалъ имъ столько вниманія. Они появляются у него почти во всѣхъ романахъ и составляютъ живую тему самыхъ задушевныхъ его стихотвореній. Онъ рисуетъ ихъ и веселыхъ, нарядныхъ, въ уютной обстановкѣ семьи, и голодныхъ, затерянныхъ среди безучастной толпы огромнаго города, и умирающихъ на баррикадѣ. Но все равно, въ средѣ ли довольства и счастья, или въ средѣ нужды и горя— всюду дѣти озарены у Гюго ласкающимъ свѣтомъ, всюду они примирительною гранью входятъ въ окружающую жизнь. Въ его поэтическихъ сборникахъ дѣти выступаютъ какъ плѣнительное продолженіе внѣшней природы, и ихъ не сразу можно отличить отъ цвѣтовъ и птицъ. Дѣтское страданіе всегда вызывало въ немъ горячій и краснорѣчивый протестъ; его волнующая книга о несчастныхъ одною изъ своихъ гуманныхъ цѣлей ставитъ себѣ защиту обездоленнаго ребенка. Дѣтство и дѣтей Викторъ Гюго возвелъ въ настоящій культъ; поклоняясь имъ, онъ нерѣдко впадалъ въ сантиментальность и, какъ это для него обычно, шумѣлъ

словами, но онъ не лицемѣрилъ предъ собою, и то священнодѣйствіе, съ которымъ онъ въ годы старости окружалъ себя своими внуками, всегда было искренне, и больше всего — тогда, когда оно было смѣшно. Слабый психологъ, онъ неясно различалъ индивидуальныя черты каждаго ребенка въ отдѣльности; всѣ дѣти у него похожи, слишкомъ похожи другъ на друга, и передъ нами выясняется только то слишкомъ общее и типическое, что свойственно всѣмъ дѣтямъ и служитъ одинаковымъ фономъ для безчисленныхъ разновидностей дѣтскаго характера. Но зато въ этой ограниченной сферѣ крупныхъ штриховъ, въ этой элементарной философіи дѣтства, Гюго чувствуетъ себя дома. Каждый отецъ и каждая мать найдутъ въ его произведеніяхъ родные и близкіе отзвуки на всѣ событія и мелочи, радости и скорби дѣтской жизни, на всю счастливую и тревожную гамму родительскаго чувства. И, вѣроятно, съ изумленіемъ и признательностью увидятъ они, что прославленный писатель, политическій изгнанникъ и борецъ, духовный сынъ Парижа и „роскошный гражданинъ“ міра больше всего на свѣтѣ дорожилъ тѣмъ благополучіемъ домашняго камелька, которое доступно для всѣхъ. Онъ не стыдился быть мѣщаниномъ.

Не боясь чужой насмѣшки, онъ вводитъ читателя въ свое жилище, гдѣ подъ надзоромъ молодой матери рѣзвятся прелестныя дѣти, и описываетъ свое мирное счастье, свой привѣтливый уголокъ. „О, Боже, — восклицаетъ онъ, — спаси тѣхъ, кого я люблю, братьевъ, родныхъ и друзей, и даже враговъ моихъ, торжествующихъ въ злобѣ, спаси ихъ, Боже, — пусть никогда не видятъ они лѣта безъ алыхъ цвѣтовъ, клѣтку безъ птицъ, улей безъ пчелъ и домъ безъ дѣтей!“ (*Les feuilles d'automne*, XIX).

И его собственный домъ былъ полонъ дѣтскихъ голосовъ. Гюго и его жена,—та жена, которой онъ, по его

словамъ, говорилъ „навсегда!“ и которая отвѣчала ему „повсюду!“,—наслаждались въ этомъ царствѣ дѣтей, и онъ поэтизировалъ свое блаженство и перелагалъ его въ звучные стихи, которымъ никогда не суждено умолкнуть. Въ идиллическихъ краскахъ и тонахъ набрасываетъ онъ передъ нами восхитительныя картины. Юная мать склоняется надъ четырьмя малютками, и въ ея взорѣ сіяютъ лучъ дѣвственности и лучъ материнства. „Если гдѣ-нибудь встрѣтится тебѣ женщина, у которой ясное чело, спокойная поступь и кроткіе глаза и которая ведетъ съ собою четырехъ дѣтей... и при встрѣчѣ съ нищимъ кладетъ скромную лепту въ руки самаго младшаго; если ты услышишь, какъ грязнятъ клеветою честное имя и женщина молча слушаетъ это и потомъ съ тихою укоризной говоритъ: „Не будемъ такъ поспѣшно осуждать, кто изъ насъ безупреченъ?“,— о, кто бы ты ни былъ, благослови ее, — это она! Она, моя сестра, на которую смотрятъ глаза моей безсмертной души, она, моя гордость, моя надежда, мой покровъ и убѣжище, она, охрана моихъ молодыхъ лѣтъ, упованіе моей грядущей старости!“ (*Les chants du Crépuscule* — Date lilia).

„Смотрите. Дѣти усѣлись въ кружокъ, и около нихъ мать съ дѣвственнымъ челомъ, которую можно принять за ихъ старшую сестру. Среди ихъ простодушныхъ игръ съ тревогой чувствуетъ она, какъ передвигаются таинственныя числа въ урнѣ ихъ судебъ. Подлѣ нея рождается ихъ смѣхъ и умираютъ ихъ слезы, и ея сердце такъ чисто и такъ похоже на ихъ сердца... Всегда идетъ она за ними, какъ ангелъ-хранитель,—зоветъ ли ихъ январь къ веселью пылающаго очага, или тихій вѣтерокъ мая, отъ котораго волнуется ручей, шелеститъ надъ ними зеленой листвою... И я, видя ихъ всѣхъ предъ собой, мать и дѣтей, видя, какъ рѣзвятся возлѣ меня мои малютки, подобно пташкамъ на берегу, чувствую, какъ бьется и трепещетъ мое переполненное сердце“ (*Les voix intérieures*, XX).

Дѣти не мѣшали Гюго въ его поэтическихъ занятіяхъ, и онъ проситъ не изгонять ихъ изъ его рабочаго кабинета. „Пусть они останутся здѣсь. Такъ хорошо въ ихъ присутствіи. Ихъ пѣсни, и бѣгъ, и игры, и крики, повѣрьте, не спугнутъ моей музы. Идите сюда, мои дѣти; смѣйтесь, пойте, рѣзвитесь, — ваши глаза озарятъ мнѣ душу золотымъ сіяніемъ, и вашъ голосъ будетъ мнѣ сладокъ; это единственный въ мірѣ голосъ, который не нарушаетъ симфоніи въ сердцѣ поэта. О, меня не страшитъ, когда всѣ эти бѣлокурыя головки появляются среди моихъ мрачныхъ видѣній крови и огня!.. Мои стихи не убѣгутъ отъ дѣтей, какъ разлетаются птички передъ толпою школьниковъ. Нѣтъ, при дѣтяхъ пышнѣе распускаются лепестки моихъ восточныхъ цвѣтовъ (*Les orientales*), и ярче становится баллада, и ода смѣлѣе поднимаетъ къ небесамъ семью своихъ окрыленныхъ строфъ. Друзья мои, вы, чья душа истомлена и поникла! Я говорю вамъ, что смѣющееся дѣтство вдохновляетъ поэзіей наши стихи, подобно тому, какъ заря окропляетъ цвѣты росою. Сюда, мои дѣти! Для васъ и садъ, и дворъ, и лѣстницы; царствуйте неограниченно среди колоннъ и подъ кровлей, и на паркетѣ: начинается ли день, кончается ли день—шалите, рѣзвитесь, жужжите, какъ пчелки на лугахъ“ (*Les feuilles d'automne*, XV). „Когда входитъ дитя, вся семья привѣтствуетъ его веселыми восклицаніями, и отъ блеска его милыхъ глазъ оживляются глаза у всѣхъ, и при видѣ его, невиннаго и радостнаго, расходятся морщины на самомъ озабоченномъ челѣ. Покрываетъ ли іюнь своею зеленью лужайку передъ моимъ жилищемъ, или ноябрь заставляетъ насъ ближе придвигать свои кресла къ зовущему огню камина, — лишь только входитъ дитя, входитъ и радость и освѣщаетъ насъ; мы смѣемся и громко подзываемъ его къ себѣ, и мать трепетно слѣдитъ за неувѣренными шагами его ножекъ. Иногда, при свѣтѣ очага, мы бесѣдуемъ объ

отечествѣ и Богѣ, о поэтахъ и душѣ, которую возноситъ молитва; но входитъ дитя — и прощай, небеса, отечество и священные поэты! Серьезный разговоръ умолкаетъ,—всѣ улыбаются... Оно такъ прелестно, это дитя, со своею очаровательною улыбкой и очаровательною довѣрчивостью, со своимъ голосомъ, который хочетъ все высказать, со своими слезами, которыя скоро высыхаютъ. Дитя смотритъ на міръ удивленнымъ и восхищеннымъ взглядомъ, открывая жизни свою молодую душу и протягивая свои уста для поцѣлуевъ" (*Тамъ же*, XIX). „Въ полутемномъ альковѣ, вблизи скромнаго алтаря, спитъ дитя, и на него падаетъ тѣнь материнскаго ложа. Дитя спитъ, и его глаза, смежившіеся для земли, смотрятъ въ небеса. И видятся ему чудныя грезы. Ему снятся песокъ изъ алмазовъ и прекрасныя дамы, которыя несутъ на своихъ дивныхъ рукахъ человѣческія души, и ручейки съ пѣвучими голосами.., и галлерея, полная розъ и лилій, и красивыя озера, въ которыхъ скользятъ рыбки и которыя ластятся своими волнами къ золотистому тростнику... Спи, дитя мое, спи, любовь моя, въ твоихъ лазурныхъ грезахъ! Спи, пока забота своею холодною рукой, своими сухими ногтями не начертала на твоемъ безгрѣшномъ челѣ: „завтра". Спитъ невинное дитя, и свѣтлые ангелы, которые заранѣе знаютъ участь людей, при видѣ его, безоружнаго, безмятежнаго, со слезами цѣлуютъ его маленькія руки... И дитя, видя, что они плачутъ, зоветъ: Габріель! Но ангелъ прикасается къ нему и, баюкая его колыбель, кладетъ одинъ палецъ ему на уста, а другой поднимаетъ къ небу. Между тѣмъ мать спѣшитъ къ нему и думаетъ, что его душитъ кошмаръ. Гордо любуется она своимъ ребенкомъ, прислушивается къ его лепету и вздохамъ и своимъ поцѣлуемъ заставляетъ его улыбнуться" (*Тамъ же*, XX).

Мы знаемъ, что дѣтямъ снятся гораздо болѣе реальныя вещи, чѣмъ тѣ, о которыхъ говоритъ Гюго. Но его

идеализація ребенка и такъ изящно выраженная антитеза между покойною довѣрчивостью дитяти и тѣмъ, что́ съ печалью видятъ на его жизненномъ пути добрые ангелы, производили бы извѣстное впечатлѣніе даже въ прозаической передачѣ; а въ подлинникѣ эта картинка оправлена еще въ необыкновенно граціозные и мелодичные стихи.

Проза дѣтства для Гюго почти не существовала; она изрѣдка только выглядываетъ изъ-за его восторженныхъ стиховъ и сейчасъ же отступаетъ передъ безграничнымъ добродушіемъ счастливаго отца. „Устаешь, ухаживая даже за розой“,—говоритъ онъ о матери, которая пользуется хорошей привычкой своей маленькой дочери—спать въ срединѣ дня—и сама на это время предается—увы!—недолгому отдыху (*L'art d'être grand père*—La sieste). И у Гюго бывали минуты такого утомленія отъ дѣтскаго шума и шалостей, даже минуты нѣкотораго раздраженія,—но онѣ являлись лишь поводомъ для новыхъ ласкъ и похвалъ. „Дѣти, дѣти, вернитесь! Только-что я, безумецъ, сурово прогналъ васъ изъ своей комнаты и осыпалъ васъ гнѣвной бранью. Что-жъ вы такое сдѣлали, бандиты съ розовыми устами? Разбили ли на тысячу кусковъ японскую вазу? Прокололи старый портретъ? Обогатили фантастическимъ орнаментомъ вашихъ рукъ прекрасный готическій требникъ? Нѣтъ, ничего подобнаго. Вы только, оставшись сегодня утромъ на минуту одни въ моей комнатѣ, изъ кучи бумагъ, которыя украшаетъ мое вдохновеніе, взяли нѣсколько стихотвореній и послѣ недолгихъ переговоровъ между собою бросили ихъ въ огонь, для того чтобы насладиться зрѣлищемъ и видѣть, какъ въ черномъ пеплѣ мелькаютъ свѣтлыя искорки... Вотъ и все. Вы играли и думали, что поступаете хорошо. Эка важность, въ самомъ дѣлѣ! Стоитъ сердиться изъ-за такого пустяка, изъ-за строфы, неудачно зародившейся подъ сладкій шумъ вашихъ игръ!

Другой бы на моемъ мѣстѣ поблагодарилъ васъ за это, за то, что вы отняли добычу у злого критика... А я, я раскричался на васъ. Прелестные карлики, вѣдь вы не хотѣли разсердить Геркулеса; а я испугалъ васъ. Я отшвырнулъ свое кресло къ стѣнѣ и накинулся на васъ съ сердитою бранью и закричалъ: „Убирайтесь вонъ! Оставьте меня одного!“... И вотъ я одинъ. Хороша моя побѣда! Я остался одинъ, надменный, сердитый и наказанный. А вы? Вамъ что? За моимъ кабинетомъ вы нашли свободу, свѣжій воздухъ, прекрасный паркъ, заманчивый газонъ, журчащій фонтанъ, голубое небо, весну, привѣтливую природу, эту книгу птицъ и цыганъ, эту поэму Бога, которая гораздо лучше моихъ и въ которой ребенокъ можетъ сорвать цвѣтокъ—живую строфу, не боясь, что его неожиданно испугаетъ грубый окрикъ. Я одинъ, хорошее настроеніе меня покинуло, я одинъ съ глазу на глазъ съ педантомъ, котораго зовутъ скукой. Ибо скука, этотъ ученый докторъ, родившійся въ Лондонѣ, въ воскресенье, въ декабрѣ, и не любящій васъ, мои бѣдныя малютки,—скука съ утра засѣла въ передней и только ждала вашего ухода, чтобы войти ко мнѣ. И вотъ теперь она вздыхаетъ въ томъ самомъ углу, гдѣ вы играли, и я вижу, какъ она зѣваетъ тамъ, гдѣ вы смѣялись. Когда вы ушли, для меня исчезли и солнце, и радость..., я больше не любуюсь тѣмъ, какъ самый маленькій изъ васъ читаетъ, водя пальчикомъ по книгѣ, и я уже не слышу вашего искренняго, задушевнаго милаго смѣха, который поспѣшно сыплетъ вамъ жемчужины въ уста; я не вижу, какъ вы широко раскрываете свои прекрасные, наивные глаза и восторгаетесь моимъ старымъ севромъ, какъ вы съ жаднымъ любопытствомъ толкаете другъ дружку локтями и шепчете: „Посмотри, посмотри-ка!“... О, милые проказники, спугнутые мною! Вернитесь сюда и пойте, и скачите, и болтайте! Ройтесь въ моихъ толстыхъ

фоліантахъ, подталкивайте мою руку, держащую перо, и пусть въ стихахъ, которые я отдѣлываю, откуда ни возьмись, поднимется кверху острый крючокъ, точно колокольня, которая вдругъ показывается на горизонтѣ равнинъ... Я согласенъ: я былъ неправъ, правы были вы... Но будьте снисходительны: вѣдь мы, взрослые, имѣемъ свои горести, и маленькіе къ большимъ не должны быть слишкомъ строги. Дѣти, каждое утро душа ваша съ любовью открывается для счастья, какъ окно раскрывается для дневныхъ лучей. Судьба покровительствуетъ вашимъ начинаніямъ, и вамъ остается только играть, и вы прелестны. А мы, взрослые, мы раздражительны, угрюмы, злы, потому что, о, мои дорогіе маленькіе люди, мы живемъ и думаемъ... Помиримтесь же, я умоляю васъ! Я все отдамъ въ ваше распоряженіе—карандаши, бумагу, мой старый компасъ безъ стрѣлокъ, мои бездѣлушки, которыя я храню подъ стекломъ, моего пузатенькаго китайца, похожаго на огурецъ,—всѣ эти игрушки взрослыхъ, на которыя зарятся дѣти... Я вамъ съ удовольствіемъ и рѣшимостью дамъ подержать въ рукахъ—о, чудо!—даже мою иллюстрированную Библію, къ которой вы до сихъ поръ прикасались со страхомъ и въ которой Богъ-Отецъ изображенъ въ императорскомъ одѣяніи. И затѣмъ жгите мои стихи, которыми усѣянъ мой столъ. Вся моя поэзія—это вы, и мое вдохновеніе слѣдуетъ за вашей фантазіей. Вы—отблескъ и свѣтъ, которымъ я озаряю мой стихъ, повременамъ такой мрачный. Дѣти, вы, чья жизнь создана изъ надежды, дѣти, вы, чья радость создана изъ невѣдѣнія, вы не страдали и вы не знаете, какую живительную теплоту распространяетъ ваша улыбка и какъ освѣжаетъ она утомленнаго поэта... Вернитесь же, дѣти, вернитесь въ мой темный уголъ, если вы не хотите, чтобы я былъ печаленъ и угрюмъ“ (*Les voix intérieures*, XXII).

Такъ проситъ отецъ прощенія у своихъ дѣтей за

то, что они, маленькіе цензоры, подвергли аутодафе его литературныя произведенія... Эта безпредѣльная снисходительность къ дѣтскимъ проступкамъ не оставляла Гюго всю жизнь и отражается на всемъ его поэтическомъ обликѣ. „Какъ небо обязано быть голубымъ, такъ дѣдушка обязанъ быть добрымъ“,—говоритъ онъ въ одномъ изъ стихотвореній своего сборника *L'art d'être grand-père* („Le syllabus“). И онъ, дѣйствительно, былъ добръ, и какъ отецъ, и какъ дѣдъ,—быть можетъ, болѣе добръ, чѣмъ это нужно для воспитателя и чѣмъ это нужно для того, чтобы не быть приторнымъ. Но, по его словамъ, по его стихотвореніямъ, онъ такъ глубоко вѣрилъ въ чистоту и неиспорченность дѣтской души, онъ такъ горячо молился за своихъ дѣтей и такъ боялся испытаній, которымъ подвергнетъ ихъ строгая жизнь, что самъ не могъ и не хотѣлъ быть строгимъ. На пути, въ океанѣ, любовно думаетъ онъ о своихъ малюткахъ. „Вдали отъ кровли, которая васъ охраняетъ, я мечтаю о васъ, мои дѣти, мои молодыя головки, надежда моего созрѣвшаго лѣта, уже склоняющагося къ закату, мои вѣтви, которыя съ каждымъ годомъ бросаютъ все бо́льшую и бо́льшую тѣнь на стѣну моего дома. О, милыя души, едва открывшіяся дню, еще освѣщенныя утренней зарей бытія! Я мечтаю о двухъ малюткахъ, которыя улыбаются сквозь слезы и, какъ два нѣжныхъ цвѣтка, восхитительно играютъ на крыльцѣ и восхитительно ссорятся между собою. И затѣмъ, тревожный отецъ, я думаю о двухъ старшихъ,—одинъ изъ нихъ уже любознателенъ, другая уже мечтательна... Одинокій и печальный среди пѣсенъ матросовъ, на крутомъ берегу, въ тотъ часъ ночи, когда волны смѣшиваютъ тысячи своихъ морскихъ дыханій съ вѣтромъ небесъ, когда въ воздухѣ слышатся невыразимые отзвуки, которые идутъ отъ земли или которые идутъ отъ моря,—въ этотъ часъ я мечтаю о васъ, мои дѣти, мой домъ,

моя семья, я думаю о веселыхъ застольныхъ бесѣдахъ, о пламени камина, о всѣхъ благочестивыхъ заботахъ, которыя простираютъ на васъ ваша нѣжная мать и вашъ кроткій дѣдушка. И въ то время, какъ у ногъ моихъ стелется покрытый пеленою прозрачный океанъ, это зеркало звѣздъ, и кормчіе переводятъ свои взоры отъ безконечности морей къ безконечности небесъ,— я мечтаю о васъ однихъ, я созерцаю и измѣряю мою любовь къ вамъ, которая живетъ въ моей глубокой душѣ, нѣжную и могучую, и вѣчную любовь,—и въ сравненіи съ нею ничтожно великое море, которое меня окружаетъ" (*Les voix intérieures* XXIII).

Когда онъ смотритъ на свою дочь, которая въ мирныхъ грезахъ утренняго сна не слышитъ пѣнія птицъ, онъ задумчиво вдыхаетъ въ себя прелесть весенней лазури и тихо осыпаетъ колыбель своего ребенка лепестками жасминовъ и гвоздики. Склонившись надъ сомкнутыми рѣсницами дѣвочки, онъ проникновенно молится и грустно думаетъ о томъ, что̀ ждетъ человѣка въ вечеръ его жизни. „И пробьетъ когда-нибудъ часъ, и придетъ моя очередь заснуть. Мое сумрачное ложе будетъ такъ печально и одиноко, и я тоже не буду слышать пѣнія птицъ. И ночь будетъ темна... Тогда ты, моя голубка, отдашь моей могилѣ все то, что я давалъ твоей колыбели,—и слезы, и молитвы, и цвѣты" (*Les quatre vents de l'esprit*—A ma fille Adèle).

Но одной изъ дочерей Виктора Гюго не суждено было оплакивать своего отца. „Изъ каждой колыбели выростаетъ могила", и слово colombe у Гюго часто рифмуетъ съ tombe... Въ февралѣ 1843 года старшая дочь поэта вышла замужъ, а въ сентябрѣ 1843 года она утонула въ Сенѣ, катаясь на лодкѣ. Ея мужъ, Шарль Ваккери, бросился къ ней на помощь, но ему не удалось ея спасти; тогда онъ не захотѣлъ жить безъ нея и сейчасъ же добровольно погрузился въ тѣ самыя волны. Подвигъ своего зятя Гюго прославилъ

въ трогательныхъ стихахъ, а гибель дочери воскресила въ немъ отдаленныя воспоминанія о томъ счастливомъ времени, когда эта дочь была ребенкомъ. И вотъ въ сборникѣ *Les contemplations*, въ группѣ стихотвореній, которыя начинаются словами: „Я едва не лишился разсудка, я хотѣлъ разбить себѣ голову о мостовую“, Гюго опять вводитъ насъ въ мирную обстановку семьи и рисуетъ обаятельный портретъ своей погибшей дочери.

„Когда она была малюткой, у нея была привычка каждое утро входить на нѣсколько минутъ въ мою комнату и освѣщать ее какъ солнечнымъ лучемъ. Она входила и говорила: „Доброе утро, папочка!..“ Затѣмъ она трогала мои перья, раскрывала мои книги, садилась на мою постель, разбрасывала мои бумаги и смѣялась, и внезапно исчезала, какъ птичка. Тогда съ освѣженною душой я опять принимался за прерванную работу и часто находилъ въ своихъ писаніяхъ капризные арабески, начертанные ея рукою, или бѣлыя страницы, измятыя ея пальчиками. И я не знаю—почему, но на этихъ страницахъ всегда выливались у меня мои лучшіе стихи.

„Она любила Бога, цвѣты, звѣзды, зеленые луга, и духъ проснулся въ ней раньше, чѣмъ женщина. Въ ея глазахъ отражалось ясное озеро ея души... О, сколько тихихъ зимнихъ вечеровъ проводили мы, мои четверо дѣтей у моихъ колѣнъ, моя жена, нѣсколько друзей моихъ, бесѣдовавшихъ у камина!.. И я говорилъ, что это значитъ довольствоваться малымъ!.. Нѣтъ, если Богъ не даетъ истины и счастья вмѣстѣ, я отдалъ бы истину за то, чтобы пройти свой жизненный путь, держа за руку ребенка. И теперь она умерла... Боже, помоги мнѣ!.. Я не могъ быть веселымъ, когда она была грустна, и среди самаго шумнаго бала я чувствовалъ тоску, если, уходя изъ дому, видѣлъ тѣнь въ ея глазахъ.

„Она была похожа на блѣдную розу, моя маленькая дѣвочка съ длинными волосами. Она часто спрашивала: „Можно ли?“ и никогда не говорила: „Я хочу“. По вечерамъ она брала мою Библію и по ней учила свою младшую сестру читать по складамъ. Безъ нея крошка не читала бы, и вотъ она, старшая, вмѣстѣ съ нею склоняла свою прелестную головку надъ священной книгой, передъ которой я благоговѣю, и ихъ цѣломудренные глаза смотрѣли въ эту книгу, по которой одна училась читать, а другая—думать. И словно степенная бабушка, она, мое дитя, тихо наставляла малютку. А я, я слушалъ это... О, безконечное счастье—видѣть сестру подлѣ сестры! О, несказанная радость—молча въ умиленіи смотрѣть, какъ ихъ пальчики перебѣгаютъ по книгѣ и останавливаются надъ разсказами о Моисеѣ и о Соломонѣ!..

„Ей было десять лѣтъ, а мнѣ было тридцать, и я для нея былъ весь міръ... Она дѣлала мой трудъ легкимъ и мое небо голубымъ; когда она мнѣ говорила: „Папа!“, сердце мое отвѣчало: „Боже!“... У нея былъ видъ принцессы, когда я ее водилъ за руку. По дорогѣ она искала цвѣтовъ и бѣдныхъ и давала милостыню украдкой, точно отнимала. Она была дитя моей зари, моя утренняя звѣздочка, и такая юная, со своими правдивыми глазами, она была уже властительницей моей судьбы.

„Въ свѣтлые лунные вечера я совершалъ съ нею тихія прогулки. Я творилъ, я слагалъ эту молодую душу, какъ пчела—свой медъ. Она возвращалась домой радостная, кроткій ангелъ съ дѣвственными мыслями! И всего этого нѣтъ, и все это прошло, какъ тѣнь и дуновеніе!.. Гдѣ дѣти, которыя умерли, гдѣ весны, которыя улетѣли?“...

„Когда она была еще совсѣмъ дитя, я слышалъ, какъ она по утрамъ играла подъ моимъ окномъ. Она бѣгала по росистой травѣ, тихо, безъ шума, боясь

разбудить меня. А я боялся растворить свое окно, чтобы она не убѣжала. Ея братья смѣялись. Ясное утро, все пѣло и играло въ природѣ, среди свѣжей листвы—и мои дѣти, и птицы. Я кашлялъ—всѣ умолкали, и она маленькими шагами входила ко мнѣ наверхъ и съ очень серьезнымъ видомъ говорила мнѣ: „Дѣтей я оставила внизу"...

„А по вечерамъ она, какъ старшая, просила меня: „Папа, мы принесемъ тебѣ кресло, ты разскажешь намъ какую-нибудь исторію, не правда ли?" И лучистые глаза моихъ дѣтей сіяли ожиданіемъ. И вотъ я импровизировалъ страшныя сказки и, вглядываясь въ тѣни потолка, сочинялъ глубокомысленныя поэмы. И четыре милыя личика смѣялись, какъ смѣются въ томъ возрастѣ, когда слушаютъ, какъ маленькіе, необыкновенно умные карлики побѣждаютъ огромныхъ, необыкновенно глупыхъ великановъ".

Поэтъ обращается къ Богу съ жалобой. „Видишь ли, Боже, наши дѣти намъ очень нужны. Когда нашу тягостную жизнь озаряетъ появленіе ребенка, маленькаго драгоцѣннаго существа, когда это любимое дитя становится свѣтомъ нашего дома и духа, когда оно остается единственной отрадой, которая насъ не обманула, — тогда,—не правда ли, Боже?—очень тяжело, очень грустно видѣть, какъ оно умираетъ" *(Les contemplations*, II—A Villequier). И только въ томъ, что у него есть еще другія дѣти, „сокровище любви и силы", находитъ Гюго утѣшеніе въ своемъ великомъ горѣ, и этимъ утѣшаетъ онъ свою жену, которую называетъ dolorosa.

То чувство, которымъ питалось вдохновеніе поэта-отца, Гюго сохранилъ и впослѣдствіи, когда онъ сдѣлался дѣдомъ и вокругъ него играли дѣти его дѣтей. Но поэтическая оболочка для этой новой любви,—любви дѣда, уже не отличалась прежнею свѣжестью, и было въ ней еще меньше безъискусственной простоты. Гюго

создаетъ цѣлый канонъ, особое „искусство быть дѣдушкой“, и самъ любуется своей стариковскою ролью. Почти каждое стихотвореніе этого періода представляетъ собою гимнъ дѣтской невинности, который нерѣдко переходитъ въ банальные комплименты, совсѣмъ не нужные дѣтямъ. Зачѣмъ, напримѣръ, говорить, что дѣти больше взрослыхъ нуждаются во снѣ, такъ какъ они пришли съ небесъ и земля кажется имъ такой безобразной, а во снѣ они бесѣдуютъ со своими товарищами, съ Аріелемъ, Херувимомъ, Титаніей? (La Sieste). Вообще, ребенокъ у Гюго никогда просто не спитъ, а непремѣнно разговариваетъ съ ангелами... Но въ общемъ *L'art d'être grand-père*, эта скульптурная группа дѣда и внуковъ, богатая красивыми деталями, меланхолически воспроизводитъ ту пору существованія, когда, по выраженію Ренана, окна жизни заколачиваются съ одной стороны и растворяются съ другой. Гюго съ любовью слѣдитъ за тѣмъ, какъ постепенно созрѣваетъ мысль въ его внукахъ Жоржѣ и Жаннѣ, какъ дѣвочка начинаетъ говорить и къ ея лепету прислушивается Богъ, этотъ „добрый старый дѣдушка“, и какъ „бѣлыя души“ дѣтей умиротворяютъ сумрачную душу поэта.

Онъ восторгается остротами и милыми выходками своей любимицы-внучки; онъ описываетъ, какъ monsieur Жоржъ, которому тридцать мѣсяцевъ отъ роду, съ полнымъ сознаніемъ своего мужского достоинства ухаживаетъ во время прогулки за mademoiselle Жанной, которой пятнадцать мѣсяцевъ; какъ Жанна хочетъ видѣть животныхъ и не довольствуется, когда дѣдушка показываетъ ей муравья,—она хочетъ посмотрѣть большихъ животныхъ, и дѣдушка говоритъ ей: „Я вѣдь не имѣю слона подъ рукою... не хочешь ли чего-нибудь другого?“—и дѣвочка протягиваетъ свою ручку къ лунѣ и проситъ: „Вотъ это дай“. И желаніе ребенка является для Гюго поводомъ къ цѣлому разсужденію,

что дѣвочкѣ, дѣйствительно, слѣдовало бы дать луну и что дѣти достойны небесныхъ высей („La lune“).

Маленькая Жанна—большая кокетка. Внучка Гюго похожа на дочь Майкова:

Она еще едва умѣетъ лепетать,
Чуть бѣгать начала, но въ маленькой плутовкѣ
Кокетства женскаго ужъ видимы уловки.

Трехлѣтняя Жанна наряжается уже въ изумительную шляпку, красные башмачки, красивое платьице; женщина, она показываетъ свои голубыя и зеленыя ленты, свой свѣжій туалетъ, и въ ней видна будущая королева сердецъ. Дѣдушка очень балуетъ ее, и когда ее за шалости сажаютъ на хлѣбъ и воду, онъ тайкомъ приноситъ ей варенье. На него за это очень сердятся родные и говорятъ, что его самого слѣдовало бы наказать за нарушеніе родительскаго авторитета. Жанна слышитъ эти угрозы и успокоительно шепчетъ дѣдушкѣ, что она тоже принесетъ ему лакомства...

Да, всепрощеніе дѣдушки безконечно. Онъ не можетъ не прощать дѣтямъ разныхъ грѣховъ, потому что улыбка Жанны—для него высшее наслажденіе на землѣ. Амнистія въ палатѣ депутатовъ,—говоритъ онъ,—пожалуй, иногда и опасна, но дѣтскія преступленія такъ очаровательны, и дѣти, это—вихрь свѣта и радости, это — созвѣздія ангеловъ въ нашей ночи, это—маленькія ножки, которыя бѣгаютъ по газонамъ... нѣтъ, дѣтей нельзя наказывать. „Что вы со мной подѣлаете?—говоритъ дѣдушка.—Дѣти—мои властелины. Всѣ люди сдѣланы изъ свинца и мѣди, а дѣти—изъ золота... Я царствую надъ Жоржемъ и Жанной и хочу, чтобы моя держава была кротка“.

Каждое происшествіе семейнаго обихода Гюго дѣлаетъ темой особаго стихотворенія, и то, что горничная разбила драгоцѣнную китайскую вазу, а Жанна приняла вину на себя,—это увѣковѣчено въ стихахъ.

Въ прекрасной „Поэмѣ о зоологическомъ садѣ“

(Le poëme du Jardin des Plantes) Гюго эффектно подчеркиваетъ антитезу между дѣтьми и звѣрями; онъ живо изображаетъ восторгъ и страхъ дѣтской публики предъ обитателями африканскихъ пустынь. Малютки нѣсколько пугаются этого обилія грозныхъ, кусающихъ, шипящихъ чудовищъ, но въ концѣ-концовъ подъ эгидой няни развѣ есть что-нибудь страшное на свѣтѣ? И разноцвѣтная толпа бѣлокурыхъ, румяныхъ, голубоглазыхъ дѣтей тѣснится передъ клѣтками львовъ. Это ничего: львы любятъ дѣтей.

Въ остроумной „Эпопеѣ льва“ поэтъ разсказываетъ, какъ царь звѣрей похитилъ королевскаго сына и держалъ его въ своей пещерѣ. Для спасенія мальчика явился въ логовище льва отважный герой и сталъ грозить ему, и вызвалъ его на единоборство. Но левъ съѣлъ героя. Тогда въ пещеру пришелъ благочестивый монахъ. Онъ елейно убѣждалъ льва вернуть ребенка и обѣщалъ ему за это рай и отпущеніе грѣховъ. Но левъ прогналъ монаха. Тогда его пещеру окружили королевскіе воины, и какъ только онъ вышелъ къ нимъ, они издалека, на почтительномъ разстояніи, осыпали его стрѣлами. Но левъ стряхнулъ съ себя стрѣлы и зарычалъ. И всѣ въ ужасѣ разбѣжались. Левъ взошелъ на гору и оттуда громко возвѣстилъ королю, что за низкое нападеніе на его пещеру онъ, левъ, завтра на зарѣ войдетъ въ городъ и съѣстъ королевскаго сына въ королевскомъ дворцѣ. На слѣдующее утро левъ былъ въ городѣ. Улицы были пустынны. Ни одно человѣческое существо не пыталось спасти ребенка, и самъ король спрятался, какъ и другіе. „О, низкій отецъ!—подумалъ левъ.— Хорошо же, я съѣмъ твоего сына“. И со своей добычей вошелъ онъ во дворецъ. Ни души. Левъ изъ одной залы переходилъ въ другую и выбиралъ мѣсто для своего пира. Онъ былъ голоденъ. Въ одной изъ ком-

натъ, близъ цвѣтущаго парка, подъ альковомъ, лежала одинокая, нагая дѣвочка. Это была дочь короля, забытая и покинутая при общемъ бѣгствѣ. Она проснулась и запѣла. И левъ вошелъ въ эту комнату, и надъ столомъ съ игрушками показалась его страшная и величественная голова. У пасти своей онъ держалъ ребенка. Малютка увидѣла это, малютка закричала: „Братъ мой, ахъ, мой братъ!“ И, перегнувшись изъ кроватки, вся озаренная утреннимъ свѣтомъ, она посмотрѣла на льва и погрозила ему своимъ маленькимъ пальчикомъ. Тогда левъ осторожно положилъ ея брата около ея колыбели и сказалъ ей: „Вотъ онъ. На! Не сердись“.

Такими сценками семейнаго жанра и изящной фантазіи наполнена книга о Жаннѣ и Жоржѣ. Въ концѣ-концовъ даже санъ дѣдушки пересталъ удовлетворять поэта, и онъ мечтаетъ о „Жаннѣ своей Жанны“, онъ хочетъ испытать блѣдныя радости прадѣда. Обиліе дѣтскаго въ этомъ сборникѣ не утомляетъ, потому что онъ всегда блещетъ художественной отдѣлкой и по большей части согрѣтъ жизненнымъ теплomъ. Но для того чтобы этотъ добрый дѣдушка былъ вполнѣ хорошъ, ему недостаетъ только непосредственности. Онъ самъ говоритъ о себѣ то, что о немъ должны были бы сказать другіе.

Любовь къ своимъ дѣтямъ и внукамъ Викторъ Гюго перенесъ на дѣтей вообще, и тѣсный кругъ его семьи какъ бы разросся въ одну всечеловѣческую семью. „Я не знаю почему,—говоритъ поэтъ,—но лишь только я сажусь, меня сейчасъ же окружаютъ маленькія дѣти. Они знаютъ, что у насъ общіе вкусы, что я, какъ и они, люблю воздухъ, цвѣты, бабочекъ, что я люблю ихъ самихъ и что въ моемъ присутствіи можно смѣло играть, шумѣть, рѣзвиться. Я участвую въ ихъ спорахъ, смѣюсь вмѣстѣ съ ними, и они, мои милые друзья, знаютъ, что я никогда не сержусь, что

со мною весело, что я умѣю дѣлать разныя вещицы изъ картона и рисовать картинки; наконецъ, они знаютъ, что въ часъ, когда зажигаютъ лампы, я разсказываю много прелестныхъ и страшныхъ исторій и что, несмотря на мою глубокую ученость, я вовсе не гордъ и очень привѣтливъ. Поэтому, какъ только они завидятъ меня, они бѣгутъ ко мнѣ съ громкими криками: „Вотъ онъ! Вотъ онъ!“ и бросаютъ свои игры, мячи и серсо. Они смотрятъ на меня своими прекрасными большими глазами,—этими безоблачными, добрыми глазами дѣтей, которые всегда кажутся голубыми, потому что изъ нихъ выглядываетъ небесная лазурь. Самые маленькіе,—вѣдь малютки очень храбры,—смѣло карабкаются ко мнѣ на колѣни, старшіе держатъ себя болѣе солидно. Они показываютъ мнѣ гнѣзда дроздовъ, альбомы, „настоящіе парижскіе карандаши“, они совѣтуются со мной о тысячѣ вещей, и у каждаго есть неотлагательная потребность поговорить со мной. Болтовня, лепетъ, оживленныя рѣчи и въ особенности смѣхъ... Я восторгаюсь карандашами, альбомами, гнѣздами дроздовъ... Затѣмъ, вдоволь наболтавшись, они умолкаютъ. Старшіе ближе придвигаются къ моему креслу, а младшіе по-прежнему возсѣдаютъ на моихъ колѣняхъ. Молчаніе. Это значитъ: „разскажи намъ что-нибудь“. И я разсказываю. Я говорю имъ обо всемъ, и мои разсказы сѣютъ въ ихъ души или идею, или фактъ. Я говорю имъ о небѣ, о Богѣ, Который тамъ живетъ, о звѣздахъ, которыя тамъ сіяютъ. Они слушаютъ меня даже глазами... Я разсказываю имъ о жизни, я говорю имъ, что надо быть добрыми. что несчастье можетъ опустошить душу, но не въ силахъ сдѣлать ее злой... Я учу ихъ исторіи, я разсказываю имъ о страданіи еврейскаго народа, который проклятъ и который человѣчествомъ будетъ когда-нибудь благословенъ, о Греціи, свѣтъ которой не померкнетъ въ грядущихъ вѣкахъ, о Римѣ, о древнемъ

Египтѣ и его чуждыхъ тѣни равнинахъ, обо всемъ, что есть въ немъ мрачнаго и зловѣщаго *(Les Contemplations,* I—„La vie aux champs“).

Но не однѣ только идиллическія картинки дѣтской жизни выходили изъ-подъ кисти знаменитаго художника. Какъ и Достоевскій, онъ сердцемъ своимъ отзывался на дѣтскія слезы. Страданіе матери и ребенка, насиліе надъ дѣтьми, голодъ нищихъ семей изображены у него въ потрясающихъ краскахъ. Въ сборникѣ его стихотвореній *Les châtiments,* бичующихъ Наполеона III, самымъ горячимъ негодованіемъ проникнуто одно,—то, въ которомъ Гюго описываетъ смерть ребенка, убитаго солдатами вновь зародившейся Второй имперіи; Наполеонъ III хотѣлъ „жить въ Сенъ-Клу, гдѣ такъ душисты розы“, и онъ разстрѣливалъ всѣхъ, кто ему препятствовалъ въ этомъ, и среди разстрѣлянныхъ оказался семилѣтній мальчикъ („Souvenir de la nuit du 4 décembre“).

Мать?—на больничной подушкѣ;
Въ узахъ отецъ на понтонѣ гніетъ;
Голодъ и холодъ въ лачужкѣ;
Вѣтеръ баюкаетъ въ люлькѣ сиротъ...
Кто-жъ имъ остался на свѣтѣ?
Горе вамъ, бѣдныя дѣти!..

вотъ другой мотивъ изъ *Châtiments,* воспроизведенный Меемъ.

Гюго имѣлъ право сказать о себѣ: „Я защищалъ слабыхъ, побѣжденныхъ, бѣдныхъ, дѣтей“ (*Les quatre vents de l'esprit,* XXXVII). Собственнымъ дѣтямъ, жившимъ въ холѣ и нѣгѣ, онъ разсказывалъ не однѣ только занимательныя сказки. Онъ говорилъ имъ про сиротъ, которымъ голодно и холодно, про малютокъ, которыя уже въ колыбели обречены на горе. И дѣти молча слушали и вздыхали. Въ ихъ глазахъ можно было прочесть искренній призывъ: „Придите къ намъ, бѣдныя дѣти; мы непремѣнно постараемся вамъ по-

мочь, и вы тоже будете имѣть кусочекъ нашей мамы“ (*Les chants du crépuscule, XXXVI*). Но добрыя дѣти Гюго не могутъ облегчить страданія своихъ ровесниковъ. А самъ поэтъ призываетъ чужое сочувствіе къ дѣтскимъ мученіямъ и освѣщаетъ одинъ за другимъ мрачные уголки человѣческой жизни.

„Четверо дѣтей плакали, а мать ихъ была мертва... Раньше отецъ ихъ умеръ отъ холеры... Боже, Боже! Зачѣмъ сирота говоритъ: я ѣсть хочу? Развѣ ребенокъ не то же, что птичка? Почему же колыбель не имѣетъ того, что есть въ каждомъ гнѣздѣ?“ (*Les contemplations, I*—„Chose vue un jour le printemps“).

Озлобленные бѣдностью мужъ и жена грубо ссорятся, а „дитя испугано, дитя плачетъ, дитя голодно, дитя наго“ (*Тамъ же*, „Intérieur“).

„О, гнусное рабство, наложенное на дѣтей!“—восклицаетъ поэтъ, описывая, какъ изможденныя лихорадкой дѣти, восьмилѣтнія дѣвочки, идутъ на тяжелую работу и въ теченіе пятнадцати часовъ, отъ зари до вечера, совершаютъ одно и то же равномѣрное движеніе (*Тамъ же*, I—„Melancolia“).

Страшная область дѣтскаго страданія раскрывается въ трагической книгѣ о человѣкѣ, который смѣется. Дѣйствительно ли нѣтъ уже на свѣтѣ описанныхъ тамъ „компрачикосовъ“, которые спеціально занимались тѣмъ, что для разныхъ гнусныхъ цѣлей уродовали дѣтей? Или ихъ наслѣдіе живетъ въ тѣхъ, кто для акробатическихъ аренъ и цирковъ коверкаетъ и ломаетъ дѣтскія тѣла? Отъ знаменитаго романа Гюго вѣетъ современностью, и когда онъ описываетъ одинокаго, обезображеннаго ребенка, покинутаго на скалистомъ берегу, предъ читателемъ встаютъ знакомыя воспоминанія и картины. Этотъ изуродованный мальчикъ на томъ же берегу, на груди замерзшей женщины, нашелъ едва живую дѣвочку. И, самъ голодный и озябшій, Гуинплэнъ снялъ съ себя куртку и

обернулъ въ нее застывавшаго ребенка. „Можетъ быть, мать видѣла съ высотъ небесныхъ, какъ незнакомый мальчикъ раздѣлся, чтобы прикрыть и согрѣть ея малютку".

Среди „Несчастныхъ", которые дали свое имя для заглавія одного изъ самыхъ гуманныхъ и популярныхъ произведеній XIX вѣка, дѣти занимаютъ выдающееся мѣсто... Вотъ удивительная пара каторжника и ребенка, Жанъ-Вальжана и Козеты. Маленькая страдалица, которая въ семьѣ безчеловѣчныхъ Тенардье терпѣла побои и голодъ за то, что она, крошка, „жаворонокъ", трудилась какъ взрослая рабыня, является воплощеніемъ дѣтскаго мученичества. У нея не было ничего свѣтлаго въ жизни, у нея не было куклы, а „маленькая дѣвочка безъ куклы почти такъ же несчастна и почти такъ же немыслима, какъ женщина безъ ребенка". И не уходитъ изъ памяти читателя та сцена, когда Козету едва не прибили за прикосновеніе къ куклѣ хозяйскихъ дочерей и когда Жанъ-Вальжанъ даритъ ей дорогую куклу и дѣвочка робко приближается къ ней, „собственной игрушкѣ", смѣшивая свои лохмотья съ ея роскошнымъ нарядомъ.

Гдѣ страдаютъ дѣти, тамъ страдаетъ и мать. И этотъ образъ матери, правда, такой благодарный, Гюго увѣнчалъ стихами, полными неподдѣльнаго чувства. Свѣтлыя воспоминанія собственнаго „бѣлокураго дѣтства" положили у Гюго начало тому преклоненію передъ женщиной-матерью, которое составляетъ одну изъ симпатичныхъ особенностей его поэзіи. Онъ называетъ свою мать, ma mère aux yeux doux, „ангеломъ, который простиралъ свою любовь на троихъ дѣтей и каждому давалъ часть ея и всѣмъ давалъ ее всю". „У нея было великое сердце, которое теперь спитъ въ могилѣ, и однимъ взглядомъ своимъ она успокаивала мои тревоги... Моя мать была моя мать!"

Когда у матери рождается ребенокъ, она съ восхи-

щеніемъ смотритъ на эту „вазу, которую наполнитъ жизнь“. Но часто дитя является убійцей своей матери, и ея молоко—„амврозія и ядъ, сладкій медъ и горькая влага, которая питаетъ ребенка и убиваетъ его мать“ (*Les rayons et les ombres*—„Fiat voluntas“).

„Дитя пѣло, а мать лежала въ агоніи. Надъ нею витало облако смерти, и я слышалъ ея хрипѣніе, и я слышалъ пѣніе ребенка. Малюткѣ было пять лѣтъ, и она смѣялась и играла возлѣ окна. А мать около этого бѣднаго существа, которое пѣло весь день, кашляла всю ночь. Мать заснула подъ церковной плитою, а дитя продолжало пѣть. Скорбь, это—плодъ, которому Господь не позволяетъ расти на слишкомъ слабой вѣтви“ („L'enfance“).

„О, мать! Ты говоришь: „Ахъ, если бы мои дѣти уже были большія! А то отецъ ихъ работаетъ одинъ“. О, заблужденіе! Потомъ, когда они выростутъ и уйдутъ вмѣстѣ съ отцомъ, ты скажешь со слезами: „Ахъ, если бы они были маленькія!“ (*La légende des siècles* — „Les pauvres gens“).

У матери былъ единственный ребенокъ-сынъ. Его колыбель стояла около ея брачнаго ложа. Это было прелестное дитя, и мать была внѣ себя отъ восторга, когда младенецъ пытался брать въ ротъ свои колѣнки. Ему минуло три года. Это — плѣнительный возрастъ, когда изъ дѣтскихъ устъ уже вылетаетъ слово, подобно молодой птичкѣ со слабыми крылышками. Мать говорила: „Смотрите, какой онъ большой!.. Онъ уже учится, разбираетъ буквы... Представьте себѣ,—каковъ пострѣленокъ!— онъ не хочетъ уже носить платьица и требуетъ, чтобы я его одѣвала по-мужски... О, эти маленькіе мужчины!.. Но, все равно, онъ у меня умница и пойдетъ далеко; мы скоро начнемъ читать по складамъ Евангеліе“. Но крупъ, эта черная болѣзнь, съ которой борются и отъ которой гибнутъ бѣдныя дѣти, схватилъ ребенка за горло и

задушилъ его. Прошли года. Безутѣшная мать почувствовала, что скоро у нея будетъ другое дитя. Но она равнодушно и съ тоскою ждала его, потому что она любила только своего первенца и не могла забыть его. И родился второй ребенокъ, и мать была холодна. Но лишь только она приложила его къ своей груди, онъ тихо шепнулъ ей на-ухо: „Это я! Не говори никому“ (*Les contemplations*—„Le revenant“).

У матери умеръ ребенокъ. Ахъ, она не сказала ему, что, пока мы малы, за нами ухаживаетъ мать, а потомъ, когда она состарится, ей самой нуженъ уходъ ея взрослыхъ дѣтей... Она не сказала ему, что надо оставаться на этой землѣ, для того чтобы въ горестяхъ и тревогахъ жизни женщина была опорой для мужчины и мужчина помогалъ женщинѣ. Ахъ, она ничего не сказала ему, и она оставила клѣтку открытой, и птичка вылетѣла оттуда!.. „Природа, зачѣмъ ты отняла дитя у матери и поразила ея сердце,—это сердце, въ которомъ каждая радость чревата скорбью, эту бездну, которая такъ же глубока, какъ и ты, природа, и нынѣ такъ же пустынна и печальна, какъ ты для ея ребенка“ (*Тамъ же*—„A la mère de l'enfant mort“; „Epitaphe“). И въ мірѣ солнца, сферъ и звѣздъ, въ сапфировыхъ чертогахъ подъ лазурнымъ покровомъ, среди вѣчныхъ игръ съ ангелами, въ этой священной обители,—дитя, вдали отъ улыбки и слезъ твоей матери развѣ ты не чувствуешь себя на небѣ сиротой? (*Odes et Ballades*—„A l'ombre d'un enfant“).

Гюго не только любилъ ребенка, но и уважалъ его. Онъ считалъ его святыней міра и вѣрилъ въ чистоту дѣтской души. Онъ воспѣвалъ непорочное сердце ребенка въ восторженныхъ стихахъ. „Ваши благословенныя маленькія ручки, — говоритъ онъ, обращаясь къ дѣтямъ,—еще не сдѣлали ничего дурного, ваши молодыя стопы еще не касались нашей грязи. Вы среди насъ какъ голубь ковчега; вы смотрите на землю,

дважды дѣвственныя — цѣломудренныя тѣломъ и невинныя душой" (*Les feuilles d'automne*, XIX). Быть можетъ, невинность дѣтей имѣетъ своимъ источникомъ то трагическое невѣдѣніе, въ которомъ пребываетъ человѣкъ: онъ не знаетъ, что эфемерное дѣтство — лучшая пора жизни, чуждая единой капли горечи, возрастъ безсознательнаго счастья (*Les f. d. aut.*, XVI). Что нужно ребенку, что его тѣшитъ? Погремушка, которая звенитъ нѣсколько мгновеній поутру; очень мало нужно ему вечеромъ и ничего не нужно на слѣдующій день (*La légende des siècles* — „La confiance du Marquis Fabrice").

Дитя невинно, и вотъ почему въ его уста вкладываетъ Гюго свою знаменитую молитву за всѣхъ. Только оно имѣетъ право въ вечерній часъ предстательствовать передъ Богомъ за все человѣчество. Въ ту безмолвную пору, когда утомленная природа отдается покою, а люди спѣшатъ къ своимъ страннымъ развлеченіямъ, маленькія дѣти, поднявъ глаза къ небу, благоговѣйно сложивъ свои ручонки, каждый вечеръ повторяютъ слова одного и того же моленья. А затѣмъ дитя засыпаетъ. И рой пестрыхъ видѣній, отзвукъ послѣдняго деннаго шума, посѣщаетъ его сонъ, и они тѣснятся у занавѣсокъ его полога и, какъ пчелки на цвѣты, летятъ къ его устамъ. О, сонъ въ колыбели! О, молитва ребенка! Отрадная, смѣющаяся вѣра, восхитительная прелюдія къ торжественному концерту ночи! Какъ птичка прячетъ свою головку подъ крыло, такъ ребенокъ усыпляетъ молитвой свою юную душу. „Молись, моя дочь! И прежде всего, и горячѣе всего помолись о той, которая столько ночей баюкала твою колыбель, о той, которая испросила у неба твою молодую душу, вдохнула въ тебя жизнь и дала тебѣ всѣ ея радости, а себѣ взяла одну только горечь. Она, какъ и ты, чиста и добра, у нея свѣтлое чело и безмятежное сердце, цѣломудренныя мысли, великое со-

страданіе и ни единой капли зависти... Молись обо мнѣ! Когда твоя молитва взлетаетъ къ небесамъ, я— точно рабъ, отдохнувшій въ долинѣ и сложившій свою ношу на краю дороги. Мнѣ становится легко, ибо твоя молитва уноситъ бремя заблужденій, страданій и грѣховъ, которое я со стономъ влачу за собою. Дитя, отжени твоимъ чистымъ дыханіемъ мои грѣхи: вѣдь ты вѣруешь за тѣхъ, кто вѣры лишенъ. Склони свои колѣни на землю, подъ которой покоится отецъ твоего отца и мать твоей матери,—на землю, подъ которой спитъ въ глубокомъ снѣ все то, что жило. Молись за мертвыхъ! Однимъ твоимъ словомъ, одной твоей любовью ты спугнешь угрызенія совѣсти изъ души умершихъ, и снова повѣютъ на нихъ, усопшихъ, трепетъ жизни и свѣта, дыханіе вѣтра, лѣсовъ и морей... Отъ молитвы ребенка выступятъ слезы на мертвыхъ глазахъ". Дитя должно молиться за всѣхъ страдающихъ и угнетенныхъ, за всѣхъ порочныхъ и злыхъ, и его молитва, какъ ѳиміамъ, вознесется къ небу. Дитя должно молиться и о Богѣ. Ибо, „не правда ли, дочь моя, когда послѣ цѣлаго дня игръ ты и твои братья утомлены, мать по вечерамъ кормитъ и поитъ васъ молокомъ и, стоя на колѣняхъ, моетъ ваши слабыя ножки? Такъ вотъ, въ этомъ мірѣ, гдѣ мы живемъ, Кто-то цѣлый день ходитъ среди людей и помогаетъ имъ, и утѣшаетъ ихъ каждый часъ, въ каждомъ мѣстѣ, словно пастырь, который слѣдуетъ за своей заблудшей овечкой, словно странникъ, который идетъ изъ страны въ страну. Этотъ путникъ, этотъ пастырь, этотъ странникъ, это — Богъ! По вечерамъ Онъ бываетъ очень утомленъ. Для того чтобы Онъ улыбнулся, Ему нужна молитва дѣтской души, ея любовь. О, ты, не умѣющая лгать, вознеси къ Нему въ трепетѣ твое сердце, полное невинности и благоговѣнія, какъ драгоцѣнный сосудъ, изъ котораго да не прольется ни единая капля!" И пока дитя молится, около него стоитъ незримый

ангелъ и ласкаетъ его волосы своими крыльями. „О, дитя, сохрани свою ясность! О, лилія, сохрани свою чистоту!.. А ты, ангелъ-хранитель, другъ моего дитяти, осѣни его твоимъ лазурнымъ крыломъ, бодрствуй надъ этой прозрачной душою, оберегай ее отъ ложныхъ радостей и желаній, отъ страстей и обмана, укрѣпляй это хрупкое человѣческое сердце!“ (*Les feuilles d'automne*—„La prière pour tous“).

Между этими чистыми дѣтьми иногда зарождается любовь, чистая, какъ они. Въ произведеніяхъ Гюго тамъ и здѣсь разбросаны ея изящныя акварели. „Мнѣ было двѣнадцать лѣтъ, а ей было шестнадцать, она была большая, а я былъ маленькій. Она меня любила, я ее любилъ... Я хвастался передъ нею, что учусь по-латыни, я показывалъ ей своего Федра и Вергилія, и я говорилъ ей: „А вѣдь мой отецъ—генералъ!“ Однажды ея цвѣтущій ротикъ коснулся моихъ устъ... О, молодая, давно исчезнувшая любовь, заря сердца!“ („Lise“). Ему было восемь лѣтъ, а ей было шестнадцать. „Не сознавая, что она женщина, она шутила, что выйдетъ за меня замужъ. Она озаряла мнѣ душу своимъ поцѣлуемъ... Во всякомъ возрастѣ, благоразумны мы или пылки, мы научаемся чему-нибудь отъ миѳическаго ребенка, который старше насъ“ (*Les quatre vents de l'esprit*—„Nuits d'hiver“).

Чувствительное уподобленіе дѣтей ангеламъ и чрезмѣрная идеализація ребенка находятъ себѣ у Гюго противовѣсъ въ томъ, что поэтъ все-таки не скрывалъ отъ себя недостатковъ дѣтской души и, съ другой стороны, оправдывалъ свое поклоненіе ребенку краснорѣчивыми фактами жизненной дѣйствительности. Онъ зналъ, что дѣтямъ свойственна жестокость, и описалъ ее реальными красками, хотя и въ снисходительномъ освѣщеніи. „Я былъ малъ, я былъ дитя, я былъ жестокъ,—каждый можетъ начать такими словами исторію своей жизни.—Мы играемъ, намъ весело,

у насъ есть мать, мы драчуны-школьники, насъ любятъ, мы довольны,—что же дѣлать, какъ не мучить какое-нибудь несчастное существо, какую-нибудь жабу? И дѣти смѣясь убиваютъ бѣдное животное, и нѣтъ лучшаго развлеченія для нихъ, бѣлокурыхъ, прекрасныхъ, съ розами на щекахъ". Но рано или поздно эти „невинные злодѣи", эти „жестокіе праведники" слышатъ голосъ съ неба: „Будь добръ!" (*La légende des siècles*— „Le crapaud").

Насколько дѣти слѣдуютъ этому велѣнію, показываютъ многія страницы Виктора Гюго. Мы упоминали уже о мальчикѣ Гуипплэнѣ, который вернулъ къ жизни замерзавшую дѣвочку. Но особенно благородную, геройскую душу ребенка увидѣлъ поэтъ въ уличномъ мальчишкѣ-гаменѣ, въ маленькомъ Гаврошѣ, у котораго „эпическое нахальство" соединялось съ самоотверженіемъ и рѣдкой добротой. Тѣ главы, которыя въ романѣ *Les misérables* посвящены психологіи этого „дѣтища парижской мостовой", написаны Гюго съ безконечной симпатіей и юморомъ. „Гаменъ — существо, которое веселится, потому что оно несчастно". Родители „вытолкали Гавроша въ жизнь пѣшкомъ", и онъ бродитъ по улицамъ Парижа съ голоднымъ желудкомъ, съ улыбкой на плутовскомъ личикѣ, съ циничной или задорной пѣсенкой. Необыкновенно-остроумный, онъ злитъ своими насмѣшками сытыхъ буржуа, ядовито критикуетъ правительство, играетъ выдающуюся роль во всѣхъ перипетіяхъ уличной революціи. Онъ превосходно знаетъ весь запасъ отборныхъ ругательствъ, и печальныя и порочныя страницы жизни теоретически усвоены имъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ его дѣтской души не коснулась порча, и это существо, всегда готовое на иронію и сатиру, полно любви. Онъ бродитъ по улицамъ Парижа и находитъ возможнымъ и должнымъ покровительствовать другимъ людямъ, которые нуждаются больше, а можетъ быть, и меньше его. Когда

онъ сосредоточенно размышлялъ о томъ, какимъ бы способомъ, хотя бы воровскимъ, утолить свой голодъ, онъ нечаянно услышалъ разговоръ г. Мабефа съ г-жей Плутархъ. Это былъ печальный разговоръ: старуха сообщала своему барину, что имъ нечего ѣсть и нечего больше закладывать; старикъ отвѣчалъ, что Богъ, вѣроятно, пошлетъ имъ спасеніе. И дѣйствительно, оно явилось. Провидѣніе, вопреки своей заповѣди, помогло Гаврошу вытащить изъ одного чужого кармана кошелекъ съ деньгами. И Гаврошъ сейчасъ же кинулъ этотъ кошелекъ къ ногамъ Мабефа, а самъ убѣжалъ. Голодный филантропъ идетъ дальше. Онъ видитъ полураздѣтую дѣвочку, дрожащую отъ холода,—дѣвочку въ такомъ возрастѣ, когда уже непристойно быть полураздѣтой. И Гаврошъ снимаетъ съ себя шарфъ и накидываетъ его на ея плечи. Онъ встрѣчаетъ брошенныхъ голодныхъ дѣтей и, самъ въ пятницу съ трудомъ припоминая, что въ послѣдній разъ обѣдалъ во вторникъ, кормитъ малютокъ своимъ единственнымъ кускомъ хлѣба. Потомъ онъ уводитъ ихъ въ свою „квартиру“, во внутренность огромнаго слона, одного изъ полуразрушенныхъ памятниковъ Парижа. „Богъ сдѣлалъ изъ памятника нѣчто болѣе великое: пріютилъ въ немъ ребенка“. И все это Гаврошъ продѣлываетъ весело, насмѣшливо, иронизируя надъ самимъ собою и надъ своими несчастными протеже. Смѣхъ никогда не покидаетъ его даже въ тѣ минуты, когда ему приходится невыносимо-тяжело и онъ заявляетъ Богу, что вынужденъ будетъ „прекратить свой абонементъ на жизнь“, почтительнѣйше вернуть, какъ Иванъ Карамазовъ, свой билетъ... Гаврошъ смѣялся и пѣлъ и тогда, когда, одиннадцатилѣтній революціонеръ, онъ помогалъ строить баррикады и отражать непріятельскія пули. Одна изъ этихъ пуль, намѣренно пущенная, настигла маленькаго героя и прервала на полусловѣ его пѣсенку и покончила съ его абонементомъ...

За то, что Гюго разсмотрѣлъ эту чистую душу сквозь толстую кору наглости и разврата, подмѣтилъ ее въ отребьи парижской толпы и показалъ ее міру,— за это можно простить ему то безцѣльное сравненіе дѣтей съ херувимами, которое такъ часто встрѣчается въ его стихотвореніяхъ и такъ рѣдко оправдывается жизнью.

Любя дѣтей и смотря на нихъ какъ на лучшій цвѣтокъ природы, Гюго утверждалъ, что и учиться дѣти должны только на лонѣ этой природы. Онъ говорилъ, что у него самого въ дѣтствѣ было три учителя — садъ, старый священникъ и мать. Но однажды къ его матери пришелъ педантъ-педагогъ, сухой и недобрый человѣкъ, и сталъ убѣждать ее, что садъ и луга-- дурная обстановка для ученія, что ребенка не слѣдуетъ отдавать его собственнымъ мыслямъ, что его надо поручить закрытой школѣ, гдѣ свѣтъ лампы лучше содѣйствуетъ пониманію Горація, Катулла и Вергилія, чѣмъ солнечные лучи, которые играютъ на листвѣ. Онъ проповѣдовалъ, что дѣти должны заниматься вдали отъ матери, въ суровыхъ условіяхъ принудительнаго труда, въ классахъ, къ которымъ прибиваетъ школьниковъ ржавый гвоздь скуки. Такъ говорилъ педантъ; но садъ, и цвѣты, и деревья шептали матери другое и просили ее оставить съ ними ея дитя, похожее на нихъ. „Мы воспитываемъ, — такъ говорили они,—великіе умы; около насъ, вѣчнаго источника природы, созрѣетъ его духъ; изъ ребенка мы сдѣлаемъ человѣка, изъ человѣка мы сдѣлаемъ поэта; мы покажемъ ему, какъ жизнь наполняетъ собою отъ зари до вечера и цвѣты, и вѣтви, и воздухъ. Оставь намъ твое дитя! Мы сотворимъ ему сердце, которое будетъ понимать женщину; мы воспитаемъ въ немъ душу, далекую отъ насмѣшливости. Его книгой будетъ Богъ, его грамматикой—поля". И мать послушалась природы и воспитала своего сына

вблизи нея и вблизи себя. Она позволяла ему вдоволь гулять по саду, внимать пѣнію птицъ и вдыхать въ себя живые уроки солнца и земли; она освободила его отъ скучной школьной темницы (*Les rayons et les ombres*—„Ce qui se passait aux Feuillantines"). И Гюго думаетъ, что придетъ время, когда такъ учиться будутъ всѣ дѣти и исчезнетъ нынѣшняя враждебная отдаленность ученика отъ суроваго учителя. Наставникъ будетъ привѣтливъ и добръ, онъ будетъ врачемъ невѣжества, священникомъ идеи, апостоломъ дѣтства. Наука будетъ привлекать къ себѣ, а не отпугивать, и когда учитель греческаго и латинскаго языка отречется отъ своей филистерской манеры, отъ своего непогрѣшимаго апломба и педантизма, тогда греческія и латинскія книги озарятся для дѣтей истиннымъ свѣтомъ, и дѣти полюбятъ ихъ и постигнутъ Гомера. Да, надо знать, какъ вырастаютъ орлята, надо осторожно и нѣжно обучать дѣтей („A propos d'Horace"). Гюго возмущаетъ строгая фигура педагога-чиновника, который превращаетъ легкій, подвижный умъ ребенка въ тяжелую схоластическую машину для школьной работы,—фигура учителя, на лицѣ котораго написана таблица наказаній, неизмѣнная такса школы. О, эти наказанія и приказанія! Это требованіе — „переписать тысячу стиховъ"! Другія дѣти играютъ, а бѣдный девятилѣтній Танталъ сидитъ и переписываетъ стихи, „вращаетъ безсмысленную ручку наказанія" (*L'art d'être grand-père*—„Les griffonages de l'écolier").

Но и для труженика-учителя находится у Гюго слово правдивой характеристики и душевнаго привѣта. Эта человѣческая борозда, которую называютъ ребенкомъ, стбитъ учителю многихъ усилій и страданій. Классъ полонъ дѣтей, и каждое дитя —нить, и живымъ узломъ для нихъ служитъ сердце преподователя. Всѣ эти бабочки—свинецъ для крыльевъ его уставшаго духа, и дѣти, восхитительные палачи, терзаютъ

его. Онъ даетъ имъ золото, а самъ не имѣетъ хлѣба (*Les contemplations*—„Le maître d'études").

Это золотое сѣмя падаетъ часто на благодатную почву. Мать не должна тревожиться, если ея сынъ задумчивъ и серьезенъ. Размышленіе—сродни генію, и изъ мечтательнаго ребенка вырастетъ мыслитель. А мысль, это—все. Она показала Мильтону рай и Данте—круги ада. Пусть зрѣетъ это маленькое серьезное существо, и, можетъ быть, нѣкогда его прославленное, крылатое имя будетъ звучать на устахъ у людей (*Les voix intérieures*, XXV).

Таковы, въ нашей прозаической блѣдной передачѣ, эти интимныя страницы въ поэзіи Виктора Гюго. Онѣ далеко не блещутъ оригинальными мыслями и не раскрываютъ новыхъ горизонтовъ,—напротивъ, онѣ расточаютъ общія и красивыя мѣста. Чувства, которыя онѣ возбуждаютъ, знакомы всѣмъ и теплятся у каждаго семейнаго очага. Но достоинство Гюго заключается въ томъ, что домашнее и обыденное онъ не постѣснился „возвести въ перлъ созданія" и въ лепетѣ своихъ дѣтей нашелъ источникъ для своего вдохновенія. „Онъ рисуетъ поэзію семейнаго угла,—говоритъ Брандесъ,—которой пренебрегали почти всѣ великіе поэты. Шекспиръ не имѣлъ такого угла, а его отношенія къ женѣ едва ли стоятъ упоминанія. Шиллеръ и Гёте посвятили своимъ женамъ мало стихотвореній, и ни одно изъ нихъ не говоритъ о домашней жизни. То, что Байронъ сообщилъ о себѣ, мало назидательно". Гиперболы и фантастическіе образы, которыми насыщены книги Гюго, могутъ возбуждать улыбку, и его декламація, его риторическая сантиментальность иногда утомляютъ. Но то искреннее и теплое, что онъ говорилъ о дѣтяхъ, будетъ всегда вызывать благодарность и сочувствіе. Онъ понялъ, по его собственному выраженію,

величіе малыхъ, la grandeur des petits. Въ его „Легендѣ вѣковъ“ есть изображеніе дѣтства міра. „Ничто,—говоритъ онъ,—небыло тогда мало, хотя все было дитя“. И для Гюго ребенокъ не былъ чѣмъ-то малымъ, а былъ цѣлый міръ, у котораго свое солнце и своя красота. И потому въ пышномъ поэтическомъ титулѣ Виктора Гюго никогда не сотрется и это скромное, но рѣдкое наименованіе: пѣвецъ дѣтей.

ПАМЯТИ УШИНСКАГО.

Рѣчь въ засѣданіи Московскаго Педагогическаго Общества, посвященномъ памяти К. Д. Ушинскаго, 3-го февраля 1901 г.

Великая историческая заслуга Константина Дмитріевича Ушинскаго состоитъ въ томъ, что онъ явился создателемъ общественнаго воспитанія на Руси. То, что до него носило ремесленный и механическій характеръ, онъ возвелъ на степень сознательнаго искусства, положивъ фундаментъ научныхъ обобщеній для прежней эмпирической и случайной дѣятельности. То, къ чему большинство относилось равнодушно или въ чемъ видѣло докучную обузу, онъ впервые назвалъ *святымъ* дѣломъ, и если раньше одной изъ самыхъ приниженныхъ, забитыхъ и ничтожныхъ фигуръ нашей жизни былъ учитель, то Ушинскій мощью своего горячаго убѣжденія, энергіей своей теоретической и практической работы навсегда преобразилъ обликъ этого труженика, вернулъ ему чувство самоуваженія, призвалъ къ нему уваженіе другихъ и показалъ въ немъ добрую силу Россіи, ея лучшую надежду, вѣрнаго хранителя ея будущности. Ушинскій—патронъ русской школы; то, что онъ взлелѣялъ въ своемъ умѣ и сердцѣ, нашло и находитъ себѣ въ ней осуществленіе, и съ его именемъ связывается почти каждый шагъ ея развитія. Онъ слилъ, онъ отожествилъ свою жизнь съ жизнью школы, и хотя его личное существованіе, надорванное трудомъ и борьбою, безвременно угасло, но оно идеально продолжается въ его созданіяхъ, и нѣтъ ему конца. Онъ страстно вѣрилъ въ соціальную плодотворность воспитанія. Эта

вѣра, соединенная съ талантомъ и серьезной педагогической эрудиціей, помогла ему вырвать воспитаніе изъ житейской практики, гдѣ оно незамѣтно тонуло въ массѣ другихъ заботъ, считалось и было мелочью среди большихъ интересовъ пошлости и корысти,— помогла ему вырвать его оттуда и перенести въ самостоятельную область, какъ нѣчто важное и достойное, какъ существенную задачу, которая можетъ быть рѣшена только при свѣтѣ науки и всѣмъ напряженіемъ духовныхъ силъ человѣка. Онъ сосредоточился самъ на педагогической работѣ и звалъ къ тому же другихъ: это было ново и это было благотворно. Какъ профессія, педагогія существовала и до Ушинскаго; но какъ призваніе, какъ служеніе, а не какъ служба, она въ значительной степени была вызвана имъ, его примѣромъ и проповѣдью. И это *онъ* въ Россіи нарисовалъ образъ учителя, который съ преподаваніемъ своего спеціальнаго предмета, съ трудомъ сухой дидактики, сочетаетъ облагороживающее вліяніе на внутренній міръ своихъ питомцевъ, — это онъ создалъ образъ наставника-друга, который разумно и любовно формируетъ трепещущій матеріалъ дѣтскихъ душъ, развиваетъ міросозерцаніе, учитъ жизни; это онъ требовалъ, чтобы учительская указка превратилась въ аріаднину нить на извилистой дорогѣ реальности.

Призывая къ обдуманной воспитательской работѣ, онъ ставилъ передъ собою и своими послѣдователями опредѣленную цѣль, онъ дѣлалъ это во имя извѣстной идеи, — во имя той своей излюбленной идеи, что смыслъ и цѣна жизни заключаются въ трудѣ. Всѣ его книги,— и тѣ, которыя написаны для взрослыхъ, и тѣ, которыя предназначены для дѣтей,— всѣ онѣ проникнуты этой мыслью, всѣ онѣ говорятъ, что воспитаніе должно готовить не къ счастью, а къ подвижничеству, что взамѣнъ счастья, которое люди „потеряли за свою грѣховность“, имъ дана внутренняя,

духовная, животворящая сила труда. Его спеціальный очеркъ, посвященный воспитательному и психологическому значенію послѣдняго, представляетъ собою юношески-восторженный гимнъ труду. Я приведу изъ этой статьи нѣсколько пламенныхъ строкъ, которыя ярко характеризуютъ и самый трудъ, и идеалистическое отношеніе къ нему Ушинскаго. „Трудъ, — говоритъ онъ, — есть единственно-доступное человѣку на землѣ и единственно-достойное его счастье. Блѣдный, дрожащій свѣтъ кидаетъ на нашу земную жизнь эта лампада, зажженная Творцомъ съ начала исторіи человѣчества; но потушите ее, и все одѣнется мракомъ. Наслажденія порхаютъ вокругъ нея, какъ золотые мотыльки, привлекаемые свѣтомъ, и чѣмъ ярче горитъ она, тѣмъ больше ихъ толпится; но потушите ее, и эти золотые мотыльки превратятся въ хищныхъ птицъ, которыя мигомъ расхватаютъ всѣ сокровища сердца и оставятъ его на жертву пустотѣ и отчаянію“ (Собраніе педагогическихъ сочиненій К. Д. Ушинскаго, стр. 163).

Ушинскій вообще считалъ пустое и праздное сердце самымъ великимъ зломъ; онъ часто говоритъ о мукѣ ничѣмъ не занятой души; даже самый отдыхъ, покой, является въ его глазахъ опять-таки дѣятельностью, но дѣятельностью любимой и свободной. Вотъ почему его такъ сильно страшитъ опустошающая власть наслажденій, и онъ предостерегаетъ отъ нихъ, отъ этой, по его словамъ, „мишурной пыли съ крыльевъ того неуловимаго призрака, за которымъ упорно гонятся люди“. Въ своемъ безкорыстіи и аскетизмѣ онъ отвергаетъ даже то удовлетвореніе, которое влекутъ за собою подвиги великодушія и любви къ человѣчеству: эти подвиги, — учитъ онъ, — совершаются не для счастья, и кто хочетъ брать съ нихъ „обильную дань наслажденія“, тотъ падаетъ жертвой пошлаго самодовольства. Только въ трудѣ, свободномъ и разумномъ, лежитъ

для Ушинскаго источникъ нравственности. И потому отъ воспитанія онъ прежде всего требуетъ, чтобы оно развивало въ человѣкѣ привычку и любовь къ труду, жажду его, серьезный взглядъ на жизнь,—то, что Гёте называетъ des Lebens ernstes Führen. Вообще, принимать жизнь въ серьезъ, не шутить надъ нею, не играть ею, даже не давать излишней воли юмору и остроумію — этотъ завѣтъ явственно слышится въ произведеніяхъ знаменитаго педагога и воплощенъ въ собственной жизни и дѣятельности его: Ушинскій былъ суровъ, — той благородною суровостью, которая часто является спутницей истинной доброты и которая всегда характеризуетъ борца.

Воспитаніе трудолюбія и жизненной серьезности беретъ на себя достойная школа: въ ней ученіе должно быть ученіемъ, а не игрой, въ ней должна отсутствовать внѣшняя и вредная позолота учебной пилюли, и наставникъ долженъ не столько учить, сколько побуждать учиться. Только такимъ путемъ возможно привить ту любовь къ умственному труду, которая часто бѣжитъ человѣка, — „мечтать легко и пріятно, но думать—трудно“: школа научаетъ думѣ и великому искусству пользоваться временемъ. Ушинскій не разъ сѣтуетъ на обычное стремленіе—„убить время“, точно этого времени данo человѣку слишкомъ много, точно въ концѣ-концовъ оно не убиваетъ насъ самихъ... Чѣмъ обезпеченнѣе въ матеріальномъ отношеніи воспитанникъ, чѣмъ меньше у него экономической необходимости въ трудѣ, тѣмъ сложнѣе становится работа педагога: онъ долженъ такъ образовать своего питомца, чтобы тотъ сумѣлъ отыскать себѣ въ жизни достойный трудъ по сердцу. Школа во всѣхъ воспитываетъ жажду полезнаго труда, но, какъ говоритъ Ушинскій, „бѣдняка трудъ и самъ найдетъ“: для богатаго же существуетъ выборъ, и сдѣлать его такъ, чтобы богатство не заглушило живой души,—въ этомъ педагогъ долженъ помочь.

Эта честная и демократическая атмосфера труда является единственно-желанной и въ школѣ, и въ жизни. Такимъ образомъ, замыселъ воспитанія для Ушинскаго ясно опредѣленъ, и его педагогика никогда не вырождается въ собраніе механическихъ средствъ, забывшихъ о своей цѣли, — она проникнута однимъ этическимъ настроеніемъ, она богата общими идеями, и каждая деталь въ ней имѣетъ внутренній и глубокій смыслъ. Въ самомъ изложеніи автора видна его философская склонность, его стремленіе подниматься надъ частностями. Онъ говоритъ, напримѣръ, о томъ, что дѣтей слѣдуетъ какъ можно меньше занимать безсодержательными побасенками, и сейчасъ же указываетъ для этого педагогическаго совѣта философское основаніе: „цѣль нашей жизни слишкомъ серьезна, слишкомъ велика въ сравненіи съ тѣмъ короткимъ временемъ, которое намъ дано,—чтобы его можно было растрачивать на безполезные пустяки. Время — капиталъ, — говорятъ англичане,—а я скажу болѣе: время, отпущенное намъ здѣсь на землѣ,—тотъ невещественный капиталъ, на который мы покупаемъ себѣ вѣчность“ (Тамъ же, стр. 198).

Воспитаніе — дѣятельность исключительно человѣческаго духа; природа воспитанія не знаетъ. Оно поэтому распространяется въ своемъ конечномъ замыслѣ не на то, что есть, а на то, что должно быть; оно ставитъ себѣ цѣли и, проникнутое жаждой творчества, обогащаетъ міръ новымъ содержаніемъ; педагогика, такимъ образомъ, представляетъ собою *искусство*, такое же благородное, какъ и искусства изящныя. Воспитатель, это—скульпторъ, ваятель человѣческой души; какъ и всякій художникъ, онъ стремится къ совершенству, но здѣсь совершенство выражается не на полотнѣ или въ мраморѣ, а въ духѣ и организмѣ живого существа. Воспитанію предносится извѣстный идеалъ совершеннаго человѣка, и оно, по мѣрѣ своихъ

силъ и поскольку это дозволяютъ самыя условія міра и душевной и тѣлесной природы человѣка, воплощаетъ его въ своей дѣятельности. Но, будучи искусствомъ, педагогика строитъ свое зданіе на базисѣ науки,—именно той широкой науки, которая называется *антропологіей* и въ которую входятъ всѣ организованныя свѣдѣнія о человѣкѣ,—о человѣкѣ какъ предметѣ воспитанія. Все, что содержитъ въ себѣ многогранная область физической и духовной природы людей въ ихъ прошломъ и настоящемъ, особенно все то, что составляетъ разнообразную жизнь человѣческой души въ ея высшихъ и элементарныхъ проявленіяхъ,— все это долженъ знать педагогъ, и его умѣніе, его тактъ, это главнымъ образомъ—тактъ психологическій.

Если та роскошь и обиліе знаній, которыя Ушинскій требовалъ отъ педагога, и рѣдко осуществимы, какъ онъ это и самъ сознавалъ, то во всякомъ случаѣ несомнѣнная истина заключается въ самомъ его призывѣ къ обширному образованію, въ идеѣ педагогическаго универсализма. И кромѣ того, науку о душѣ онъ, въ ея истокахъ, понималъ очень жизненно „всякій человѣкъ, умѣющій заглядывать внутрь самого себя,—говорилъ онъ,—есть уже готовый курсъ психологіи; вся исторія записываетъ только исторію души человѣческой, забывая исторію его тѣла". Психологическій тактъ можетъ быть врожденъ, и его формируетъ сама жизнь, — но къ нему должно присоединяться и научное знакомство съ душою, такъ какъ оно обезпечиваетъ педагогическую власть надъ нею. И вотъ, исходя изъ этой мысли, которая въ наши дни уже далеко не звучитъ новизною, Ушинскій и задумалъ и выполнилъ свой капитальный трудъ „Опытъ педагогической антропологіи". Два тома этой работы,— третьяго онъ не успѣлъ написать, — даютъ очень обстоятельный сводъ психологическихъ знаній того времени. Авторъ сталъ на эмпирическую точку зрѣ-

нія, и хотя не всегда говоритъ онъ точнымъ языкомъ науки, хотя не всегда его знанія укладываются въ стройную систему, но зато его книга представляетъ собою очень страстную и лирически одушевленную попытку глубоко проникнуть въ психику человѣка и, въ особенности, ребенка и показать связь психическихъ состояній съ физіологическими,—ибо „природа своими тайнственными буквами записываетъ въ тѣлѣ человѣка всю исторію его безсмертной души". „Опытъ педагогической антропологіи" даетъ множество полезныхъ указаній для воспитателя и содержитъ немало поучительныхъ уроковъ жизни, и если, повторяю, какъ психологъ въ строгомъ смыслѣ, Ушинскій часто бываетъ въ своемъ произведеніи не на высотѣ задачи, то педагогъ и публицистъ, сказавшійся на этихъ же страницахъ, заслуживаетъ безспорнаго признанія. Цѣнная своимъ тонкимъ вниманіемъ къ человѣку и дитяти, его работа возбудила въ своихъ безчисленныхъ читателяхъ много честныхъ и движущихъ мыслей; она разумно направила воспитательскую дѣятельность и своимъ энтузіазмомъ зажгла не одинъ свѣточъ русскаго учительства, скромнаго и тихаго по своему внѣшнему виду, но плодотворнаго своимъ внутреннимъ смысломъ. Взгляды Ушинскаго на воображеніе и память ребенка, на дѣтскія игры, на психологическую природу страха и лѣни, на роль привычки въ воспитаніи разсѣяли много педагогическихъ жестокостей и предразсудковъ и до сихъ поръ не потеряли своего значенія. Но я не буду останавливаться на этихъ частностяхъ и намѣчу только самые общіе и основные моменты въ теоріяхъ русскаго педагога.

И прежде всего я хотѣлъ бы указать на тотъ внутренній идеализмъ, которымъ свѣтится педагогическое міросозерцаніе Ушинскаго. Онъ часто выражаетъ мысль, что „душа стремится жить, а организмъ—быть", и жизнь онъ ставитъ, конечно, неизмѣримо

выше простого существованія. А жизнь, это преимущество духа предъ матеріей, онъ и понимаетъ въ духовномъ смыслѣ и потому страстно вооружается противъ меркантильнаго направленія своихъ дней, которое, по его словамъ, „проникло не только во всѣ слои общества, во всѣ сферы жизни, но даже въ науку и въ школу". „Такъ-называемыя humaniora, науки философскія и историческія, замѣтно уступаютъ свое мѣсто наукамъ промышленнымъ, имѣющимъ своею цѣлью расширеніе матеріальныхъ потребностей человѣка и отысканіе средствъ къ ихъ удовлетворенію. Философія, еще недавно игравшая такую важную роль въ умственномъ образованіи Европы, сошла съ перваго плана... Зерно человѣческаго существа, безсмертный духъ его, требуетъ иной, не матеріальной пищи и, не находя ея, или томится голодомъ, или покидаетъ человѣка заживо. Только религія, съ одной стороны, сердцемъ человѣка рѣшающая міровые вопросы, и наука, съ другой, въ высшемъ, безкорыстномъ, философскомъ своемъ значеніи—могутъ удовлетворить и на землѣ безсмертный духъ человѣка. Вотъ почему всякая школа, позабывшая изреченіе Христа: „не о хлѣбѣ единомъ живъ будеши" и приготовляющая человѣка только къ матеріальной жизни, какъ бы утончена она ни была и сколько бы ни требовалось для нея познаній, не выполняетъ своего назначенія... Всякая школа прежде всего должна показать человѣку то, что въ немъ есть самаго драгоцѣннаго, заставить его познать себя частицей безсмертнаго и живымъ органомъ мірового, духовнаго развитія человѣчества" (Тамъ же, стр. 169—170).

Все узко-утилитарное имѣетъ въ Ушинскомъ безпощаднаго врага, и онъ не разъ повторяетъ, что наука не должна разсматриваться какъ „билетъ для входа въ общественную жизнь". Въ центрѣ воспитанія онъ ставитъ высшую идею безкорыстія — нравственную

идею христіанства. Вообще, его міросозерцаніе окрашено искренней вѣрой, и тѣ христіанскія молитвы, которыя онъ ввелъ въ „Родное Слово“, были только отзвуками его религіозной души. И эта теплая религіозность, чуждая формализма, свободная и ту же свободу предоставляющая другимъ, враждебная лицемѣрію, которое Ушинскій считалъ хуже атеизма,—она свои впечатлѣнія и силу почерпала изъ дивнаго зрѣлища природы. Въ послѣдней онъ вообще видѣлъ одинъ изъ самыхъ важныхъ воспитательныхъ моментовъ. Вспоминая собственное дѣтство, онъ пишетъ: „А воля, просторъ, а природа, прекрасная окрестность городка, а эти душистые овраги и колыхающіяся поля, а розовая весна и золотистая осень—развѣ не были нашими воспитателями? Зовите меня варваромъ въ педагогикѣ, но я вынесъ изъ впечатлѣній моей жизни глубокое убѣжденіе, что прекрасный ландшафтъ имѣетъ такое огромное воспитательное вліяніе на развитіе молодой души, съ которымъ трудно соперничать вліянію педагога; что день, проведенный ребенкомъ посреди рощъ и полей, когда его головою овладѣваетъ какой-то упоительный туманъ, въ теплой влагѣ котораго раскрывается все его молодое сердце для того, чтобы беззаботно и безсознательно впитывать въ себя мысли и зародыши мыслей, потокомъ льющіеся изъ природы,—что такой день стоитъ многихъ недѣль, проведенныхъ на учебной скамьѣ“ (см. біографію Ушинскаго, составленную М. Л. Песковскимъ). „Природа есть одинъ изъ могущественнѣйшихъ агентовъ въ воспитаніи человѣка, и самое тщательное воспитаніе безъ его участія всегда будетъ отзываться сухостью, односторонностью, непріятною искусственностью. Бѣдное дитя, если оно выросло, не сорвавъ полевого цвѣтка, не помявши на волѣ зеленой травы!“ (стр. 375).

Именно въ силу такой поэтической и горячей любви

къ природѣ Ушинскій, при всемъ гуманитарномъ направленіи своихъ педагогическихъ идеаловъ, не могъ отвергать наукъ о природѣ. Во время знаменитаго спора о преимуществахъ классическаго образованія передъ реальнымъ онъ говорилъ, что этотъ споръ не имѣетъ смысла, что слѣдовало бы осуществить гармоническое соединеніе реализма и классицизма и найти средства для этого соединенія въ душевной природѣ человѣка. Онъ исповѣдовалъ принципъ органической цѣльности знанія: свѣдѣнія и идеи должны сливаться въ одинъ свѣтлый и по возможности широкій взглядъ на міръ и его жизнь. „Каждый классъ, начиная съ самаго младшаго, долженъ имѣть свое округленное міросозерцаніе, доступное возрасту учениковъ, а въ центрѣ этого міра, отразившагося въ дѣтской душѣ, должна блестѣть, какъ солнце, все освѣщая и согрѣвая, нравственная, гуманная, христіанская идея. Съ каждымъ годомъ это міросозерцаніе должно углубляться, расширяться и пополняться: тогда только дитя найдетъ жизнь въ школѣ, а не непонятную букву, ведущую его къ непонятной, отдаленной цѣли; тогда только и школа войдетъ въ жизнь человѣка, а не будетъ неизбѣжной, скучной процедурой дѣтскаго возраста“ (стр. 412).

При такомъ взглядѣ понятно, что humaniora, науки о духѣ, не могутъ быть отдѣлены роковою стѣною отъ наукъ естественныхъ,—между природой и духомъ нѣтъ пропасти. Ушинскій и понималъ humaniora въ самомъ широкомъ смыслѣ: онъ выводилъ ихъ за предѣлы лингвистическаго и историческаго образованія и включалъ въ нихъ самое естествознаніе. Въ особенности дорого было ему убѣжденіе,—которое онъ между прочимъ, отстаивалъ противъ Н. И. Пирогова, — убѣжденіе, что гуманизмъ не ограниченъ тѣсными рамками классическихъ языковъ, что лучшая школа человѣчности—родное слово. Онъ смотрѣлъ на родной языкъ,

какъ на стихію, которую впиваетъ въ себя ребенокъ, воспринимая въ ней „претворенныя творческой силой народнаго духа въ мысль, въ картину и звукъ — небо отчизны, ея воздухъ, ея физическія явленія, ея климатъ, ея поля, горы и долины, ея лѣса и рѣки, ея бури и грозы", ея религію и міросозерцаніе, всю ея зиждительную силу, воплощенную въ словѣ. „Въ сокровищницу родного слова складываетъ одно поколѣніе за другимъ плоды глубокихъ сердечныхъ движеній, плоды историческихъ событій, вѣрованія, воззрѣнія, слѣды прожитаго горя и прожитой радости" (стр. 202). Восторженная хвала слову, какъ самой важной сферѣ развитія внутренняго человѣка, слышится вездѣ у К. Д. Ушинскаго, и она связана съ его глубокимъ убѣжденіемъ, что воспитаніе должно имѣть на себѣ отпечатокъ души и своеобразности даннаго народа. Европеецъ по своему образованію и симпатіямъ, по культурности своихъ воззрѣній, перенявшій идеи западныхъ мыслителей и ученыхъ, Ушинскій въ то же время высоко цѣнилъ самобытную физіономію русскихъ и считалъ отказъ отъ нея историческимъ преступленіемъ. „Народъ безъ народности—тѣло безъ души...; каждому народу суждено играть въ исторіи свою особую роль, и если онъ забылъ эту роль, то долженъ удалиться со сцены: онъ болѣе не нуженъ". И воспитаніе, для того чтобы оно было мощнымъ, должно носить народный характеръ, т.-е. быть не случайной выдумкой и механическимъ средствомъ для внѣшнихъ цѣлей, а глубокимъ порожденіемъ внутреннихъ силъ народнаго организма. Педагогическая дѣятельность должна способствовать національному самосознанію и протекать по руслу общественности. Органически вытекая изъ отличительныхъ чертъ народнаго духа, воспитаніе тѣмъ самымъ неразрывно связано съ общественными убѣжденіями даннаго историческаго момента. „Общественное воспитаніе только тогда оказы-

вается дѣйствительнымъ, когда его вопросы становятся общественными вопросами для всѣхъ и семейными вопросами для каждаго... Возбужденіе общественнаго мнѣнія въ дѣлѣ воспитанія есть единственно-прочная основа всякихъ улучшеній по этой части: гдѣ нѣтъ общественнаго мнѣнія о воспитаніи, тамъ нѣтъ и общественнаго воспитанія, хотя можетъ быть множество общественныхъ учебныхъ заведеній" (стр. 115). Ясное и опредѣленнее *общественное мнѣніе* о воспитаніи—вотъ единственная почва, гдѣ можетъ пустить глубокіе корни педагогическая работа, гдѣ можетъ осуществиться самостоятельное развитіе народа. И благо той странѣ, чья исторія можетъ быть для дѣтей живымъ „нравственнымъ курсомъ", подобно героическому періоду швейцарской исторіи.

Я намѣтилъ въ конспективныхъ и самыхъ общихъ чертахъ основные взгляды Ушинскаго, но я не могъ передать той убѣжденности и увлеченія, съ которыми онъ излагалъ свои мысли, того „дѣтства не старѣющей души", которое онъ считалъ основою самовоспитанія и воспитанія. У него была искра того душевнаго огня, какимъ пламенѣлъ Бѣлинскій, онъ страстно вѣрилъ въ силу педагогики и заражалъ своею вѣрой другихъ. Силенъ и горячъ былъ его протестъ противъ современной ему школьной дѣйствительности, но онъ противопоставлялъ ей не только отрицательную работу,—онъ ярко изобразилъ и свой положительный идеалъ и глубоко вѣрилъ въ его осуществленіе. Помимо личнаго идеализма Ушинскаго, эта вѣра была и созданіемъ той бодрой и радостной эпохи, въ которую совершалось его дѣло. Надо помнить, что онъ сталъ писать тогда, когда еще было крѣпостное право, и на его глазахъ, въ разгарѣ его литературной дѣятельности, это позорное право рухнуло. Онъ видѣлъ и привѣтствовалъ его паденіе, и до сихъ поръ нельзя безъ волненія читать его статьи „5 марта 1861 г.", гдѣ онъ

описываетъ, какъ въ одной изъ петербургскихъ церквей священникъ прочелъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ и какой безмѣрный подъемъ духа испытали всѣ внимавшіе этой желанной вѣсти. Если то, о чемъ многіе такъ долго и пламенно мечтали, что многіе такъ мучительно выстрадали,— если это сбылось и Ушинскій пережилъ такое единственное впечатлѣніе жизни, если онъ своими глазами видѣлъ восходъ русскаго солнца, то естественны его вѣра, его пламенное увлеченіе, его искренняя надежда на полное возрожденіе и обновленіе русскаго общества, на силу разумнаго воспитательскаго слова.

Конечно, общія мысли Ушинскаго взрослому человѣку теперь скажутъ мало новаго, но нельзя забывать, что мы стали умственно взрослыми отчасти благодаря имъ. Ибо не только въ своей отвлеченной формѣ, но и приноровленные къ дѣтскому пониманію въ конкретныхъ и наивныхъ разсказахъ, стихахъ и картинкахъ „Роднаго Слова“ и „Дѣтскаго Міра“, этихъ милыхъ для нашего воспоминанія первыхъ книгъ послѣ азбуки, этихъ начальныхъ ступеней на безконечной лѣстницѣ знанія и развитія, — честные и искренніе принципы Ушинскаго давно проникли въ насъ вмѣстѣ съ первыми впечатлѣніями дѣтскихъ лѣтъ и глубоко запали въ душу. И, перечитывая теперь теоретическія страницы Ушинскаго, мы въ иномъ обликѣ встрѣчаемъ тѣ же поученія, которыя уже когда-то звучали для насъ со страницъ его хрестоматіи, этой первой книги, какую мы, „дѣти младшаго возраста“, прочли въ своей жизни. И передъ свѣтлою памятью нашего общаго наставника и друга, который всѣхъ насъ выучилъ азбукѣ грамоты и азбукѣ добра, мы всѣ и склоняемся въ одномъ чувствѣ глубокой признательности; въ насъ живетъ благодарное сознаніе, что если мы стали теперь учителями, то это потому, что мы—ученики Ушинскаго.

Предисловіе къ русскому переводу книги Эллень Кей „Вѣкъ ребенка“.

Центральная мысль, которую съ горячей убѣжденностью защищаетъ Элленъ Кей въ своей книгѣ, можно формулировать какъ уваженіе къ ребенку.

Почти въ каждой семьѣ ребенка любятъ, но рѣдки тѣ семьи, гдѣ его уважаютъ. Родители часто забываютъ, что дитя, это—существо, въ которомъ надо видѣть не только предметъ нѣжности, баловства или педагогическаго воздѣйстія, но и предметъ уваженія, какое мы воздаемъ всему человѣческому и какое въ особо значительной степени подобаетъ расцвѣтающей человѣческой возможности. Слѣдовало бы охранять ребенка отъ нашего посягательства на его внутренній міръ, отъ нашей склонности опекать его и водить за руку. Лучшій воспитатель—тотъ, кто умѣетъ во-время посторониться и настолько уважаетъ ребенка, что съ довѣріемъ предоставляетъ его собственнымъ силамъ, лишь издалека слѣдя за нимъ и въ нужную минуту оказывая ему свою помощь и участіе.

Не будемъ навязчивы, не будемъ въ комическомъ самообольщеніи думать, что если наши дѣти выростаютъ похожими на насъ, по образу и подобію нашему, то это всегда хорошо. Конечно, есть на землѣ великое старое, есть въ мірѣ вѣчные образцы и примѣры, достойные подражанія, и мы не скроемъ ихъ отъ дѣтей; но прежде сами уподобимся этимъ образцамъ, а во всемъ остальномъ пусть дѣти не столько подражаютъ, сколько творятъ новое — какъ

изъ самихъ себя, такъ и изъ матеріала окружающей жизни. Во имя уваженія къ ребенку не станемъ его воспитывать.

Руссо, къ словамъ котораго присоединяется г-жа Кей, сказалъ, что природа не создаетъ ни родителей воспитателями, ни дѣтей — воспитанниками. Хорошо бы, наконецъ, внять этому указанію естества, подслушанному великимъ любовникомъ природы, и уразумѣть, что глубокая тайна воспитанія заключается въ его отсутствіи. Это значитъ: по крайней мѣрѣ, не показывайте виду, что вы воспитываете. Пусть ребенокъ не замѣчаетъ вашихъ усилій, вашей системы. Культивируйте себя, слѣдите за собою, и пусть ваша собственная душа безсознательно, невольно и непринужденно отпечатлѣвается въ маленькихъ душахъ дѣтей; если хорошъ и цѣненъ оригиналъ, то и духовные слѣпки его будутъ прекрасны. Въ неосязаемой сферѣ вашей личности живутъ ваши дѣти: это и есть воспитаніе. Они дышатъ вами, они пьютъ васъ, они насыщаются вами, — да будетъ же это дыханіе чисто, да примутъ же они изъ вашихъ рукъ не камень, а хлѣбъ истины и любви!

Уважая ребенка, не внушайте ему опредѣленныхъ чувствъ и настроеній. Да ихъ и нельзя внушать, потому что въ результатѣ вы получите одно лицемѣріе. Не требуйте отъ ребенка, чтобы онъ пожалѣлъ кого-нибудь, чтобы ему стало стыдно, чтобы онъ испыталъ благодарность. Приведите его, если можете, на этотъ путь незамѣтно, безъ насилія, но только не отдавайте приказовъ и не дѣлайте заказовъ на то интимное, нѣжное и тонкое, что рождается самопроизвольно и не слушается чужихъ велѣній. Будемъ тактичны по отношенію къ ребенку: онъ много страдалъ отъ безтактности взрослыхъ.

Въ глазахъ Эллены Кей современная педагогія совершаетъ тяжкое преступленіе тѣмъ, что она не оста-

вляетъ дѣтей въ покоѣ. Цѣлый день—этотъ прекрасный долгій день ребенка — взрослые такъ или иначе вторгаются въ душу послѣдняго, задаютъ ему нескромные вопросы, выдаютъ его тайны постороннимъ и грубо расхваливаютъ или бранятъ его въ чужомъ присутствіи. Они постоянно требуютъ, чтобы онъ не трогалъ, не дѣлалъ, не хотѣлъ какъ-разъ того, что онъ трогаетъ и дѣлаетъ, чего онъ хочетъ. Мы злоупотребляемъ важнымъ словомъ „нельзя“, и оно нерѣдко парализуетъ такое дѣйствіе ребенка, которое ничего дурного въ себѣ не заключаетъ и въ крайнемъ случаѣ связано только съ маленькими неудобствами для насъ самихъ.

Каждый ребенокъ — новая душа, которая прежде всего имѣетъ благородное право самостоятельно думать объ окружающемъ мірѣ и черпать изъ него *свои* впечатлѣнія. И вотъ, надо оберегать эту душу отъ всякаго насилія,—между прочимъ и отъ насилія педагогическаго. Новое существо учатъ не красть, не лгать, бережно обходиться со своей одеждой и карманными деньгами, прилежно готовить уроки, слушаться старшихъ и не противорѣчить имъ, читать утреннія и вечернія молитвы; ему позволяютъ иногда, изъ гигіеническихъ соображеній, порѣзвиться,—но его не пускаютъ на собственные пути духовнаго развитія. И потому одно поколѣніе людей слишкомъ похоже на другое; какъ говоритъ Шопенгауэръ, жизненная шарманка, въ которой вертится бездушный валъ, все повторяетъ и повторяетъ свой механическій репертуаръ. Въ безпрестанномъ круговоротѣ опять и опять являются старыя категоріи—„добрые малые“, „прекрасныя дѣвицы“, „честные служаки“: такъ ихъ классифицируетъ Эллень Кей, и она жалуется, что типы новые, запечатлѣнные высшими идеалами, путники невѣдомыхъ путей, мыслители своеобразныхъ мыслей, способные въ исканіи непроторенныхъ и незатоптанныхъ

дорогъ переходить традиціонные предѣлы,—такіе типы рѣдко возникаютъ въ нашей благовоспитанной и одноцвѣтной средѣ.

Воспитаніе дѣйствуетъ по старому шаблону и сглаживаетъ все ярко-индивидуальное, все интересное и своеобразное. Воспитаніе нивелируетъ и полируетъ,—но въ этомъ ли состоитъ его высокая задача? Нѣтъ, то воспитаніе, которое основано на уваженіи къ ребенку, дастъ послѣднему возможно-широкій просторъ и свободу: пусть ребенокъ испытаетъ во всей силѣ результаты своихъ поступковъ,—конечно, если это не грозитъ ему непоправимой опасностью. Только свобода позволитъ ему всецѣло развернуть свитокъ своей личности, и въ этомъ—залогъ того, что не сѣрой пеленою раскинется будущее человѣчество, а проявитъ всю полноту и многообразіе красокъ и оттѣнковъ.

Но именно свобода и не царитъ въ современной педагогіи. Тѣ, кто „испробовалъ Спенсера, но потерпѣлъ крушеніе“, указываютъ, что необходимо научить ребенка прежде всего послушанію и что это, согласно старому правилу, надо дѣлать своевременно, пока дитя, какъ молодое деревцо, легко согнуть въ ту или другую сторону. Да, согнуть! Но по отношенію къ живому существу развѣ это слово не звучитъ позорно и зловѣще, развѣ оно не должно быть вычеркнуто изъ человѣческаго лексикона?

Безъ сомнѣнія, маленькій ребенокъ долженъ слушаться. Но будемъ великодушны и введемъ повиновеніе въ тѣсные предѣлы самой безспорной необходимости. И главное—будемъ добиваться этого повиновенія не такими средствами, не такими наказаніями, которыя хуже дѣтскихъ преступленій. Изъ уваженія не къ ребенку только, но и къ самимъ себѣ, навсегда освободимъ нашу педагогическую работу отъ той безобразной тѣни, какую налагалъ на нее кошмаръ безстыдной розги.

Уваженіе къ ребенку должно царить не только въ семьѣ, но и въ школѣ. Быть можетъ, послѣдняя даже въ особенно сильной степени обязана культивировать свободную индивидуальность своихъ питомцевъ. Вѣдь мы долго не знаемъ самихъ себя, долго самихъ себя ищемъ и бродимъ по жизни, не сознавая, на что мы пригодны и въ чемъ наше истинное назначеніе, наша жизненная спеціальность. Вотъ школа и должна помочь намъ въ этихъ поискахъ, она должна указать намъ ту дорогу изъ множества переплетающихся дорогъ, которая больше всего соотвѣтствуетъ нашимъ духовнымъ задаткамъ.

Школа откроетъ нашу индивидуальность. Для этого она прежде всего дастъ свободу нашимъ запросамъ и вопросамъ. Ребенка съ умственной стороны можно охарактеризовать какъ воплощенный вопросъ, какъ существо спрашивающее. Онъ не знаетъ ничего, онъ хочетъ знать все. И жадно протягиваетъ онъ щупальца своего ума къ разнообразному содержанію дѣйствительности. Его обильные и настойчивые вопросы, его голодная любознательность или любопытство нерѣдко приводятъ родителей въ понятное смущеніе и даже отчаяніе,—но слишкомъ ясно, что вопросъ свидѣтельствуетъ ужъ во всякомъ случаѣ не о вялости ума, и спрашивающаго ребенка надо привѣтствовать: онъ не пассивно идетъ навстрѣчу міру. А по тому, какъ и что онъ спрашиваетъ, можно судить объ его индивидуальности, — онъ даетъ ключъ къ самому себѣ. И школа должна бережно взять этотъ ключъ изъ его рукъ и глубоко заглянуть въ дѣтскій умъ, въ дѣтскую душу, подсмотрѣть и развить ихъ особенности. Уваженіе между прочимъ въ томъ и состоитъ, чтобы оказывать вниманіе индивидуальнымъ склонностямъ даннаго существа.

Ребенокъ спрашиваетъ, и, слѣдуя за путеводной нитью его вопросовъ, школа можетъ дать ему желан-

ное удовлетвореніе. Пусть онъ до нѣкоторой степени самъ вырабатываетъ программу школы или, по крайней мѣрѣ, видоизмѣняетъ и приспособляетъ ее сообразно своимъ личнымъ требованіямъ и интересамъ.

Не всѣ должны въ одинаковой степени учиться всему. Могутъ быть излюбленные, избранные предметы, и не надо мѣшать ребенку отдавать имъ львиную долю своихъ умственныхъ силъ. А у насъ въ малыхъ и непитательныхъ дозахъ даютъ всѣмъ отвѣдывать все, и знаніе, раздѣленное на рубрики, разграфленное какъ тетрадь, строго втискивается въ клѣточки отдѣльныхъ классовъ.

Гораздо больше способствовало бы развитію индивидуальности въ ученикахъ, если бы они могли, раздѣлившись на группы, подолгу сосредоточиваться на какомъ-нибудь одномъ предметѣ и смежныхъ съ нимъ, родственныхъ ему дисциплинахъ, выслушивать соотвѣтственныя лекціи, для того чтобы затѣмъ переходить къ другимъ цикламъ знанія. Это освободило бы школу отъ той пестроты и многопредметности, которою она страдаетъ теперь. Въ школѣ будущаго, какъ она рисуется Элленъ Кей, тотъ, напримѣръ, кто заинтересованъ исторіей, найдетъ время и возможность читать историческія книги, углубиться въ предметъ, не возбуждая этимъ ревности и неудовольствія въ учителѣ математики. А школа нашего времени, состоящая изъ нестройной мозаики кусочковъ, разбросанная по верхушкамъ отдѣльныхъ предметовъ, не создаетъ, правда, спеціалиста, но не создаетъ и вдумчиваго, знающаго человѣка. Современная школа—очагъ разсѣянія, а не той концентраціи и углубленія, безъ которыхъ невозможно истинное знаніе.

И такъ, уваженіе къ маленькой личности ребенка, къ его нравственной и умственной свободѣ должно быть краеугольнымъ камнемъ семьи и школы. Какъ говоритъ Элленъ Кей, мы должны помнить, что у ногъ

нашихъ играетъ сама исторія и въ объятіяхъ своихъ мы держимъ будущее.

О томъ, что кромѣ уваженія должна быть и любовь, упоминать излишне: какъ мы уже замѣтили, любовь къ ребенку есть нѣчто такое, чего не надо внушать, къ чему не надо поощрять, — она имѣетъ характеръ инстинктивный и непосредственный. И воспитателемъ дѣтей, ваятелемъ ихъ душъ можетъ быть только тотъ, кто ихъ любитъ. Для педагога-отца, для педагога-матери ребенокъ, это—ось, вокругъ которой вращается ихъ жизнь.

Условія дѣйствительности въ послѣднее время на долгіе часы отвлекаютъ отъ дома не только отца, но и мать; она часто уходитъ на заработокъ, и дѣти остаются одни, подъ присмотромъ чужого лица. Дѣти остаются одни. Ни отецъ, ни мать не могутъ отдавать имъ всего своего времени. Но, къ счастью, не только временемъ измѣряется наша любовь къ нашимъ дѣтямъ. Ихъ любятъ тѣ изъ насъ, кто, по выраженію Элленъ Кей, съ мыслью о нихъ отходитъ ко сну, съ мыслью о нихъ трудится въ свои будни и отдыхаетъ въ свой праздникъ; ихъ любятъ тѣ, кто дѣлаетъ ихъ душою, тепломъ и свѣтомъ своихъ дней, звѣздою своихъ часто безсонныхъ и многодумныхъ ночей; ихъ любятъ тѣ, кому они незримо сопутствуютъ въ дорогѣ, кто никогда не разстается съ ихъ образами и неизмѣнно слышитъ ихъ нѣжный голосъ въ пестромъ шумѣ жизни. Дитя, это—центръ нашего духа, нравственно-неугасимая лампада, передъ которой мы молимся. А молиться, конечно, можно только тому, кого любишь и кто вызываетъ къ себѣ благоговѣйное уваженіе.

Проникнутая этимъ уваженіемъ, Элленъ Кей зоветъ современную женщину домой. Она горячо возстаетъ противъ того пренебреженія къ семьѣ, которое явилось нежеланнымъ спутникомъ женской эмансипаціи. Женщина уходитъ изъ дому на заработокъ,—

между тѣмъ она такъ нужна дома, въ кругу своихъ дѣтей. И Эллень Кей взываетъ къ такому переустройству соціальной жизни, при которомъ женщина имѣла бы не только право на трудъ, но и право быть женой и матерью, въ великомъ смыслѣ этихъ великихъ словъ. Читатель найдетъ въ ея книгѣ краснорѣчивыя и благородныя страницы, на которыхъ авторъ требуетъ, чтобы въ жизненной борьбѣ мы предоставляли женщинѣ нѣчто большее и нѣчто болѣе справедливое, чѣмъ одно только равенство. Нынѣшняя работа искажаетъ физическій и духовный обликъ женщины, и черезъ это постепенно разрушается семья, гибнетъ человѣческій домъ. Его сметаетъ фабрика. Сиротливыя дѣти вырастаютъ одни, больныя и безпризорныя, жизнь оскудѣваетъ, живое чахнетъ. Не только не поднимается человѣкъ на высшія ступени своей природы, не только чуждо ему и далеко отъ него сверхчеловѣческое, но и въ обычныхъ предѣлахъ своего естества онъ теряетъ благоговѣніе къ жизни, сознаніе ея святости; ему непонятны величіе дѣторожденія, священная гордость прекраснаго тѣла.

Женщина уходитъ изъ дому не только для заработка, для осуществленія своей профессіи,—она проводитъ свой день и свой вечеръ,—драгоцѣнный и отрадный вечеръ матери,—гдѣ-нибудь на сторонѣ, отвлеченная заботой общественнаго характера. И нерѣдко встрѣчаются женщины, которыя занятію со своими дѣтьми, безъ дальнихъ словъ, предпочитаютъ митингъ, засѣданіе, рефератъ,—что угодно, лишь бы оно имѣло привлекательный отпечатокъ соціальности. Увлеченная феминизмомъ, женщина впадаетъ въ глубокое и роковое недоразумѣніе: она не понимаетъ, какое безконечное, поглощающее и благодатное дѣло ожидаетъ ее въ дѣтской. Это очень характерно, что многіе, въ своемъ протестѣ противъ обычныхъ рамокъ женской дѣятельности, ставятъ на одну доску кухню и дѣтскую.

Посвятить себя кухнѣ, дѣйствительно,—задача мало достойная; но уйти въ дѣтскую, лѣпить въ ней податливыя, юныя души, создавать человѣка, раздвигать передъ нимъ все шире и шире стѣны этой комнаты и оттуда вывести его, наконецъ, на вольный свѣтъ Божій,—развѣ можетъ быть задача выше и благороднѣе и развѣ можетъ быть задача болѣе общественная? Надо только понять, что воспитаніе требуетъ отъ матери великаго напряженія физическихъ и нравственныхъ силъ, тонкаго искусства,—требуетъ, чтобы она обладала „человѣческимъ талантомъ“ и была художницей духа. Высшимъ идеаломъ женственнаго, какіе бы успѣхи ни сдѣлалъ феминизмъ, навсегда останется женщина-мать, добрый геній домашняго очага. Domi sedit, lanam fecit,—это звучитъ велико, если женщина подъ кровлей своею ткетъ живую ткань человѣческой души.

Это—печальная необходимость жизни, что, въ силу экономическихъ условій, женщина остается незамужней, не знаетъ дѣтей, не имѣетъ семьи или же покидаетъ ее для работы на сторонѣ. Это—несчастье; зачѣмъ же возводить его въ норму, зачѣмъ проповѣдовать его какъ идеалъ? Элленъ Кей, разумѣется, ни одного камешка не броситъ подъ ноги всякой отдѣльной женщинѣ, которая хочетъ идти своимъ путемъ,—да и кто его броситъ? Но она скорбитъ, что женщина, въ тискахъ неумолимой жизни, все болѣе и болѣе измѣняетъ своему природному назначенію,—и тускнѣетъ образъ жены и матери.

Мы оскорбили бы своихъ читателей, если бы стали пояснять, что Элленъ Кей (и тѣ, кто раздѣляетъ ея мысли) вовсе не является противницей женскаго образованія и женскихъ правъ. Она думаетъ лишь, что материнство, это—солнце женщины, отъ котораго все остальное въ ея жизни получаетъ только отраженный свѣтъ и въ лучахъ котораго только и загораются благодатной радостью и ея знанія, и ея права. Дѣвушка,

мать потенціальная, и женщина, мать дѣйствительная,—за эти естественные предѣлы есть уклончивый выходъ только въ ненормальное и въ несчастное. Все остальное, кромѣ материнства, это для женщины—что-то незавершенное, ненужное, не специфическое, и это даже—трагедія, хотя, быть можетъ, ревниво и застѣнчиво скрывающая отъ чужихъ взоровъ свою мучительную глубину.

Не работу и заработокъ должны мы дать женщинѣ,—мы должны вернуть ей все болѣе и болѣе угасающее право на материнство и возможность его,—мы должны ее возвратить ея прирожденному счастью. Пусть вернется въ нашу сумеречную среду женщина-мать. И съ ребенкомъ на рукахъ, живая эмблема жизни, одушевленная скульптура бытія, да будетъ она для насъ не современной Mater dolorosa, а матерью міра, исполненной радости и умиленія!

Въ связи съ этой преобладающей силой материнства существуетъ однако особое горе,—трагедія матери; и, можетъ быть, Элленъ Кей не должна была бы обходить ея молчаніемъ. Несчастна женщина, которая почему-либо не стала матерью; но есть и затаенное страданіе женщины, которая, исполнивъ свое материнское назначеніе, становится лишней. Это глубоко-печально и глубоко-знаменательно. Старушка-мать около взрослаго сына производитъ впечатлѣніе человѣка, уже отбывшаго свою жизненную повинность и задачу. Она больше не нужна. Человѣческое существо, которое она создала, идетъ уже по собственной дорогѣ и не нуждается въ ея поддержкѣ. Къ ней, этой ненужной, а когда-то незамѣнимой, питаютъ уваженіе,—но въ ней уважаютъ прошлое. Она, сѣдая,—бѣлый памятникъ самой себя. Ее любятъ,—но скоро придетъ другая женщина, которая станетъ матерью собственныхъ дѣтей. И эта другая женщина, и эти свои дѣти отвлекутъ отъ бѣдной старушки очень крупную

долю теплаго сыновняго чувства. Мы больше любимъ то, что мы создали, чѣмъ-то, что создало насъ. Любовь къ нашимъ дѣтямъ вытѣснитъ собою любовь къ нашей матери. И одинокая мать будетъ не жить, а доживать, потому что она все уже сдѣлала, все уже дала. И часто въ эти старые, въ эти ненужные годы она, когда-то дарившая, дававшая такъ много, принуждена робко протягивать свою старую руку и принимать.

Объ этомъ прекрасно говоритъ нѣмецкая поэтесса Фрида Шанцъ:

Die Alte.

Ich gab, ich gab,—ich gab mein junges Blut
Und meinen jungen Leib dem heiszen Gatten,
Gab meinen Kindern süszer Nahrung Fluth,
Gab täglich alle Kraft bis zum Ermatten,
Gab ihnen alles, was ich hab'und bin,
Lieb, Zeit und Fleisz, ihr Leben zu verschönen,
Gab meinen armen kleinen Sparschatz hin
Zum Wohl den Töchtern und den Söhnen.
War wie im Hof der Born: ich gab, ich gab,—
— Und nun zum ersten Mal musz ich mich schämen,
Streck bittend, nun so nah am Grab,
Die harten Hände aus, um anzunehmen.

Да, она нѣкогда отдавала пылкому супругу свою молодую кровь и свое молодое тѣло, она отдавала дѣтямъ молоко своей благословенной груди, она каждый день отдавала свою силу, и каждый вечеръ заставалъ ее обезсиленной; она отдавала все, чѣмъ была, и все, что имѣла, — свою любовь, свои дни и ночи; она красила своимъ трудомъ чужую жизнь, и для того чтобы красна была жизнь ея дочери и ея сына, она отдала имъ все, что сберегала про черный день. Какъ щедрый родникъ, она своей душою поила всѣхъ. Она все отдавала, отдавала... И вотъ теперь, на краю могилы, въ первый разъ, полная стыда, она

протягиваетъ свои натруженныя руки,—протягиваетъ не для того, чтобы дать...

Она теперь не нужна. Когда выросъ ея сынъ, онъ пересталъ ее замѣчать. И въ драмѣ Гофмансталя „Der Thor und der Tod“ сынъ понялъ, чѣмъ была для него мать, лишь тогда, когда къ нему самому пришла смерть и показала ему блѣдный образъ его покойной матери.

На мигъ воскрешенная смертью, является мать и вспоминаетъ свою жизнь, не озаренную ни одной искоркой сыновней благодарности:

Ein Mutterleben, nun, ein Drittheil Schmerzen,
Eins Plage, Sorge eins. Was weiss ein Mann
Davon?
. . . . . Da, das Fenster!
Da stand ich oft und horchte in die Nacht
Hinaus auf seinen Schritt mit solcher Gier,
Wenn mich die Angst im Bett nicht länger litt,
Wenn er nicht kam und schlug doch zwei, und schlug
Dann drei und fing schon blass zu dämmern an...
Wie oft... Doch hat er nie etwas gewusst...
Ich war ja auch bei Tag hübsch viel allein.
Die Hand, die giesst die Blumen, klopft den Staub
Vom Kissen, reibt die Messingklinken blank,
So läuft der Tag: allein der Kopf hat nichts
Zu thun: da geht im Kreis ein dumpfes Rad
Mit Ahnungen und traumbeklommenem
Geheimnissvollem Schmerzgefühle, das
Wohl mit der Mutterschaft umfasslichem
Geheimem Heiligthum zusammenhängt
Und allem tiefsten Weben dieser Welt
Varwandt ist.

Да, мужчина не знаетъ о томъ, что такое жизнь матери, — сочетаніе боли, заботы и скорби... У этого окна стояла нѣкогда мать и жадно прислушивалась къ звукамъ ночи, — не идетъ ли сынъ, не раздаются ли его шаги. Но сынъ не приходилъ. И часы били два

и часы били три, и уже блѣднѣла ночь предразсвѣтной бѣлизною, — но сынъ не приходилъ. И онъ не зналъ, что мать, въ ночной темнотѣ, одиноко поджидаетъ его у окна. И днемъ она тоже была всегда одинока, и только сторожили ее глубокія думы. Поливаешь цвѣты, и надо выбить пыль изъ диванныхъ подушекъ и до сіянія почистить мѣдныя ручки у дверей, — все это дѣлаютъ руки, а голова свободна; и вертится тяжкое колесо задумчивой тревоги, горестныхъ предчувствій, тайной печали,—это святое-святыхъ материнства, все это зрѣющее въ глубочайшихъ нѣдрахъ міровой жизни.

Aber mir ist nicht gegönnt
Der süss beklemmend, schmerzlich nähernden,
Der Luft vergang'nen Lebens mehr zu athmen.
Ich muss ja gehen, gehen...

На мигъ воскрешенная смертью, мать не можетъ больше дышать сладостнымъ и горестнымъ воздухомъ своей прошедшей жизни. Она должна идти дальше, дальше. Она уходитъ, она проходитъ, и теперь напрасно протягиваетъ за нею сынъ умоляющія руки...

Если невозможно, чтобы мать не проходила совсѣмъ, если невозможно, чтобы мать, исполнившая свое назначеніе, не теряла лучшей красоты и высшаго смысла своей жизни,—то, во всякомъ случаѣ, мы должны раздѣлять съ матерью жизненную дорогу какъ можно дальше, какъ можно дольше. И для того, чтобы этого достигнуть, необходимо между прочимъ понимать значеніе и роль матери такъ глубоко, какъ ихъ понимаетъ Элленъ Кей. Тогда убѣдятся и въ томъ, что звать женщину домой, въ дѣтскую, за рабочій столъ ея дѣтей—это не только не реакціонно, но и звучитъ величайшимъ довѣріемъ къ матери, „теплой заступницѣ міра холоднаго".

И оттого книга Элленъ Кей, несмотря на длинноты и несистематичность, принесетъ существенную пользу и матери, и отцу, и дѣтямъ. Проникнутая горячей

вѣрой въ человѣчество и религіознымъ восхищеніемъ передъ das ewig Menschliche и das ewig Weibliche, эта книга сочетаетъ въ себѣ убѣжденный натурализмъ и самыя высокія идеалистическія стремленія. Она сочетаетъ въ себѣ и страстную преданность соціальному укладу жизни съ такой же любовью и чуткимъ вниманіемъ къ отдѣльной личности; она сливаетъ въ одно цѣлое этическіе и эстетическіе моменты и даетъ намъ благородный завѣтъ — претворить свою жизнь въ созданіе художественное, свободное и запечатлѣнное глубокой человѣчностью.

ЧУВСТВО ПОЛА У ДѢТЕЙ.

Въ № 4-мъ „Международнаго Этическаго Журнала“ („International Journal of Ethics“) за 1899 г. напечатана статья E. Lyttelton, посвященная одному изъ самыхъ жгучихъ и трудныхъ вопросовъ моральнаго воспитанія, — вопросу о томъ, слѣдуетъ ли вводить дѣтей въ опасную сферу половой освѣдомленности. Дальнѣйшія строки отчасти воспроизводятъ, отчасти дополняютъ названную статью.

Нигдѣ физическая и моральная личность юнаго существа не подвергается такому риску паденія и безчестья, какъ на той роковой ступени, которая служитъ границей его дѣтства и началомъ его половой зрѣлости. Сколько гибнетъ здѣсь богатыхъ силъ и какъ часто возникаетъ здѣсь источникъ духовной заразы, которая потомъ остается на всю жизнь! Между тѣмъ именно для этого фатальнаго момента воспитатель ничѣмъ не подготовляетъ своего питомца, играетъ пассивную, выжидающую роль и упорно молчитъ о грозящей опасности. Но не молчатъ другіе, не молчатъ школьные товарищи, прислуга, и жадному любопытству дается нездоровая пища нескромныхъ разговоровъ и двусмысленныхъ намековъ; и все это сразу искажаетъ священную тайну мірозданія, одѣваетъ ее въ недостойную и нечистую оболочку.

Но если даже бдительность отца или наставника сумѣетъ удалить отъ ребенка дурное вліяніе, отнять у него откровенный газетный листъ и случайную кни-

гу, окружить его хорошимъ товариществомъ, то и эти заботливые пріемы едва ли вполнѣ достигнутъ своей цѣли, такъ какъ безукоризненность внѣшнихъ впечатлѣній не остановитъ внутренней работы дѣтскаго ума, его пытливыхъ вопросовъ и недоумѣній, которые настойчиво требуютъ отвѣта и найдутъ его въ чемъ-нибудь извращенномъ и ложномъ. И въ лучшемъ случаѣ, если эти вопросы не зародятся и душа останется въ невѣдѣніи, она будетъ похожа только на чисто выметенную, но пустую комнату: изъ нея удалены всѣ докучливыя мысли,—но вѣдь это возможно лишь до поры, до времени, а затѣмъ въ нее хлынутъ неожиданныя открытія, и чѣмъ же она, не защищенная, не подготовленная, оградитъ себя отъ нравственной гибели? Какъ ни важно самостоятельное развитіе дѣтскаго ума и сердца, есть такія явленія жизни, въ которыхъ дѣти не могутъ и не должны ориентироваться безъ чужой и авторитетной помощи. Если отецъ и мать—друзья своихъ дѣтей, они не будутъ равнодушными и пассивными зрителями ихъ приближающейся зрѣлости. Физическій организмъ и его зовущій голосъ, это—страшная сила, ростъ которой долженъ быть поставленъ въ благопріятныя условія. Пробьетъ часъ, когда дитя задумается надъ своимъ тѣломъ и постарается объяснить его себѣ; ребенокъ смутно почувствуетъ, что оно имѣетъ какое-то высшее назначеніе, таинственную функцію. И вотъ объ этой невѣдомой силѣ своего организма онъ не слышитъ ни одного разумнаго и благожелательно-поучающаго слова.

Его учатъ геометріи и географіи, исторіи и языкамъ; въ этой объективной области знанія, гдѣ его личность не заинтересована, онъ находится во власти руководителей. Имъ руководятъ и тогда, когда онъ играетъ со своими сверстниками: ему не даютъ безусловной воли и во имя альтруизма заставляютъ его подчинять свои желанія общему интересу, какимъ-

нибудь строго установленнымъ законамъ школьнаго или домашняго режима. Словомъ, всюду—и въ безличной сферѣ учебныхъ предметовъ, и въ субъективной сферѣ дисциплины и товарищества,—всюду его настигаетъ чужое властное вмѣшательство, вездѣ онъ наталкивается на ограниченіе своей личности. И только въ одномъ уголкѣ своего внутренняго міра, въ самой важной и трудной работѣ своего духа онъ предоставленъ самому себѣ; никто не приходитъ ему на помощь, если не считать непонятныхъ для него по своему смыслу внѣшнихъ профилактическихъ мѣръ. Эта полная нравственная уединенность невольно заставляетъ его — особенно мальчика — думать, что въ кругу половыхъ отношеній онъ имѣетъ право интересоваться только собою, заботиться о себѣ одномъ и ничѣмъ не сдерживать своего животнаго эгоизма, который какъ-разъ тогда, въ эту пору жизни, проявляетъ всю силу напряженія. Задержка отсутствуетъ именно тогда, когда въ ней болѣе всего есть необходимость. Связь личнаго желанія съ великимъ и общимъ закономъ мірового бытія не уясняется, и чувственность возводится на степень могучаго и повелительнаго начала. Забота о другихъ, о чужомъ благосостояніи, о тѣхъ, кто падаетъ жертвами *моего* влеченія, совершенно исчезаетъ, такъ какъ половое чувство взято въ своей грубой изолированности и не приведено въ гармонію съ нравственнымъ и любящимъ воззрѣніемъ на людей. Вотъ почему и царитъ среди юношей такое постыдное равнодушіе къ безчисленнымъ кадрамъ тѣхъ несчастныхъ женщинъ, которыя губятъ свои души и тѣла для мужского здоровья и прихоти. До конца своей жизни многіе не отрѣшаются отъ такого равнодушія и презрѣнія, потому что въ началѣ этой жизни, среди какъ бы одобрительнаго молчанія авторитетныхъ лицъ, они своего учителя половой этики видѣли только въ своихъ физическихъ склонностяхъ.

Эти перспективы испорченности и эгоизма должны предостерегать воспитателей отъ безполезной тактики замалчиванія; она прежде всего не въ силахъ помѣшать накопленію отрывочныхъ и искаженныхъ свѣдѣній, нерѣдко переходящихъ въ навязчивыя идеи, росту которыхъ способствуетъ физіологическое развитіе организма. Приверженцы замалчиванія могутъ только указать на многіе случаи, когда оно не причиняло вреда и не оканчивалось физической и нравственной катастрофой. Но, конечно, эти узко-эмпирическія доказательства не убѣдительны, и намъ слѣдуетъ избрать такой образъ дѣйствій, который заключалъ бы въ себѣ внутреннюю поруку своей успѣшности. И вотъ, намъ кажется, что прежде чѣмъ въ стѣнахъ класса мальчикъ можетъ услыхать отъ просвѣщеннаго товарища слова разврата и порчи, прежде чѣмъ его дѣтская невинность будетъ отуманена вмѣшательствомъ чужихъ и грубыхъ людей, онъ долженъ быть уже подготовленъ и предувѣдомленъ въ кругу своей семьи.

Конечно, практическое осуществленіе этого совѣта встрѣчаетъ серьезныя трудности. Раньше всего надо позаботиться о томъ, чтобы подготовка не оказалась преждевременной и излишней; она должна быть только отвѣтомъ на уже зародившійся вопросъ, на созрѣвшее недоумѣніе ребенка, но она не должна предупреждать его пытливости и безъ всякой нужды вводить въ его свѣтлый кругозоръ такія серьезныя и значительныя явленія. Воспитателю необходимо считаться въ данномъ случаѣ, какъ и всегда, съ индивидуальностью воспитанника. Нельзя дѣйствовать по общему трафарету и, минуя разнообразіе дѣтскихъ натуръ, видѣть во всѣхъ дѣтяхъ одинаковый матеріалъ для педагогической работы. Кто изучилъ ребенка, ввѣреннаго его родительскому или педагогическому попеченію, тотъ пойметъ, когда именно, въ какой моментъ, слѣдуетъ присту-

пить къ его освѣдомленію, и тотъ сдѣлаетъ различіе между мальчикомъ живымъ и флегматичнымъ, между быстрымъ и медленнымъ развитіемъ, между наблюдательностью и апатіей. Но, конечно, намѣтить удобный и своевременный моментъ,—тотъ моментъ, когда ребенокъ молчаливо отвергаетъ миѳы и сказки, въ которые до сихъ поръ облекали фактъ его рожденія, — это только половина дѣла; другая, болѣе щекотливая и трудная, это—самое разъясненіе полового принципа. Какъ преодолѣть естественное смущеніе и въ себѣ, и въ питомцѣ, какъ безъ нарушенія стыдливости, въ ясной и чистой формѣ, усвоить дѣтскому пониманію и чувству біологическій и нравственный смыслъ мірового закона?

Прежде всего отецъ, мать, воспитатель должны сами глубоко проникнуться убѣжденіемъ, что фактъ, о которомъ они намѣрены повѣдать дѣтямъ, самъ по себѣ не есть зло. Аскетическая теорія, которая видѣла въ плоти темницу духа и проклятіе, почти совсѣмъ отжила свой вѣкъ. Но, можетъ быть, на смѣну ей пришло легкомысленное отношеніе къ тѣлу, какая-то неумѣстная шутливость, которая обезцѣниваетъ великій законъ распространенія жизни во вселенной. Необходимо отрѣшиться отъ такого легкомыслія и о серьезномъ думать и говорить серьезно. И вѣрующій христіанинъ, и поклонникъ природы одинаково должны видѣть въ проявленіяхъ этого закона не только нѣчто отрицательно-невинное, но и положительно-прекрасное, положительно-священное. Періодическое чудо любви не можетъ быть только предметомъ игривыхъ шутокъ. Если взрослые поймутъ всю важность любви, они сумѣютъ внушить ее и своимъ дѣтямъ. Ибо, несмотря на ошибки многихъ поколѣній, въ нормально организованной душѣ ребенка нѣтъ такихъ факторовъ, которые препятствовали бы ей воспринять чистое и разумное воззрѣніе на область половыхъ отношеній. Надо

только, чтобы истинное представленіе о нихъ вошло въ эту душу *первымъ*, чтобы оно не натолкнулось на другія, извращенныя и загрязненныя понятія, чтобы оно не застало чужой зловредной работы. На дѣвственную почву молодой и воспріимчивой любознательности глубоко падетъ здоровое сѣмя, и оно послужитъ благотворною защитой противъ дурныхъ вліяній, возможныхъ впослѣдствіи. Оставимъ наше недовѣріе къ ребенку, убѣдимся, наконецъ, что дитя можетъ все понять, если только у него есть потребность понимать. Тамъ, гдѣ поставленъ вопросъ, можетъ быть данъ и отвѣтъ, — иначе не возникъ бы и самый вопросъ. Правда, есть много дѣтей, которыя и неспособны заинтересоваться проблемой пола и рожденія; но такія дѣти по большей части очень слабы въ умственномъ отношеніи, и свою моральную невинность они покупаютъ большей или меньшей цѣною интеллектуальнаго ущерба.

Итакъ, въ умъ ребенка, приспособленный самою природой къ пониманію полового процесса, надо искусною рукой ввести объясненіе этого процесса, которое удовлетворило бы законную пытливость и физическое поставило бы въ неразрывную, внутреннюю связь съ моральнымъ; физіологія и этика должны соединиться между собою, чтобы открыть для дѣтской души вѣрный путь всесторонняго развитія.

Какъ явленіе прежде всего научнаго, интеллектуальнаго порядка, половой фактъ долженъ быть вводимъ въ сознаніе ребенка посредствомъ такихъ же методологическихъ пріемовъ, какіе употребляются въ другихъ областяхъ знанія. И здѣсь необходимо подниматься по ступенямъ восходящей сложности. Первые уроки о способѣ распространенія земной жизни удобнѣе всего показать на растеніяхъ; мысль сразу направляется такимъ путемъ къ сознанію единства мірового закона, и сразу обнимаетъ ее величавая ат-

мосфера космической необходимости. Въ доступныхъ терминахъ, въ понятномъ изложеніи, при свѣтѣ конкретныхъ иллюстрацій, дѣтскому разуму предносится общая картина вселенной и проникающихъ ее началъ. Близкій переходъ отъ растеній къ животнымъ, надъ которыми ребенокъ и безъ того производилъ невольныя наблюденія, еще болѣе уясняетъ дѣло. Все это служитъ, конечно, только прелюдіей,— правда, полной глубокаго смысла,— прелюдіей къ уясненію половой жизни у *людей*.

Въ этомъ уясненіи исходною точкой должна быть избрана функція матери, а не отца. Вѣдь именно материнство прежде всего наводитъ на догадки, между тѣмъ какъ отецъ и его роль остаются въ понятной тѣни. Минуя покамѣстъ значеніе мужского начала, вы излагаете вашему юному слушателю священную миссію его матери, — той самой матери, которую онъ любитъ и уважаетъ болѣе всего на свѣтѣ и съ которой онъ психологически не можетъ соединять представленія о чемъ-нибудь нечистомъ и неприличномъ. Если въ центрѣ разумнаго истолкованія стоитъ мать, то въ школьныхъ разговорахъ будетъ царить скромность, и естественная любовь ребенка къ матери не дастъ про-

отношенію къ ней и къ тому, что связано съ ея жизнью и назначеніемъ. Объ это уваженіе и инстинктивную привязанность къ „мамѣ“ разобьется не одна дурная мысль, не одно дурное побужденіе. И едва ли надо останавливаться на возраженіи тѣхъ поверхностныхъ наблюдателей, которые утверждаютъ, будто знакомство съ материнской функціей можетъ поколебать или ослабить въ ребенкѣ уваженіе къ матери. Не поколеблется и не ослабѣетъ оно, а усилится и найдетъ для себя новое и глубокое основаніе. Возрастъ приблизительно между восемью и одиннадцатью годами достаточно воспріимчивъ для правильнаго уясненія материнства и его духовнаго смысла.

Въ истолкованіи закона, по которому потомство рождается отъ материнскаго тѣла, долженъ быть поставленъ на первый планъ моментъ страданія. Этотъ новый факторъ, о существованіи котораго ребенокъ, можетъ быть, и не думалъ, придастъ въ его глазахъ всему процессу половыхъ отношеній очень желательный характеръ. Торжественная и облагорожывающая сила страданія не позволяетъ связывать съ половымъ процессомъ мысли о чемъ-то пріятномъ и обыденномъ. Душа настраивается на серьезный и сочувствующій ладъ. Не наслажденіе, о которомъ можно безпечно мечтать и говорить, а страшная мука, опасная для жизни и нерѣдко ведущая къ смерти,— вотъ что заполняетъ собою дѣтское сознаніе. Развращающее свойство нескромныхъ разговоровъ и намековъ главнымъ образомъ въ томъ и заключается, что о половыхъ отношеніяхъ дѣти говорятъ какъ о лакомствѣ, — поэтому и грезятъ о нихъ, стремятся къ нимъ и предвкушаютъ ихъ въ услужливомъ воображеніи. Отсюда ясно, какъ необходимо показать другую сторону вопроса, какъ важно сосредоточить вниманіе на материнской боли. Вы говорите ребенку, что его мать страдала изъ-за него, что она родила его въ мученіяхъ и что именно поэтому такъ сильна ея привязанность къ нему. Въ душѣ возникаетъ чувство благодарности и умиленія, и раскрываются отдаленныя перспективы, выясняется связь между физіологическимъ и психологическимъ. И уваженіе къ величайшему закону естества, и признательная любовь къ родителямъ, и серьезное отношеніе къ себѣ, какъ будущему распространителю жизни, — все это оживаетъ, получаетъ новую и яркую окраску, углубляется и растетъ.

Можно описать періодъ беременности, объяснить, что о немъ обыкновенно не говорятъ при чужихъ людяхъ, такъ какъ не слѣдуетъ поминать всуе о та-

комъ великомъ и торжественномъ предметѣ; можно растолковать нѣкоторыя мѣста Библіи, нѣкоторыя фразы молитвенника.

Труднѣе объяснить функцію отца. Между тѣмъ это объясненіе можно на нѣкоторое время отложить, но нельзя совсѣмъ избѣгнуть его, хотя бы потому уже, что необходимо поровну раздѣлить въ ребенкѣ его уваженіе къ родителямъ; усиленная благодарность къ матери не должна вести за собою равнодушія къ отцу. И если понято материнство, должно быть понято и отчество, какъ воплотитель жизни. И понять это слѣдуетъ ребенку до того, какъ онъ подвергнется искусу школьныхъ разговоровъ, — т. е. именно тогда, когда нѣжный возрастъ его вызываетъ у взрослыхъ колебаніе, можно ли приступить къ объясненію такого деликатнаго предмета. И все-таки колебаніе и нерѣшимость должны быть побѣждены. Когда зачатіе въ материнскомъ организмѣ уже выяснилось для вашего питомца, вы можете совершенно свободно прибавить, что сѣмя жизни вложено природой въ отца, который и отдаетъ его своей женѣ; это является съ его стороны актомъ любви, которая и побудила его вступить въ бракъ. Если вы говорите съ дѣвочкой, вы можете въ огромномъ большинствѣ случаевъ на этомъ остановиться и не бояться новыхъ вспышекъ любопытства. А мальчику отецъ просто и деликатно укажетъ, въ болѣе опредѣленныхъ чертахъ, какое участіе современемъ приметъ его организмъ въ распространеніи жизни,—участіе, которымъ онъ долженъ гордиться и котораго не долженъ употреблять во зло.

Воспитательная задача будетъ выполнена успѣшно, если половой вопросъ будетъ уясненъ хотя бы только для мальчиковъ. Если въ нравственной чистотѣ вырастетъ юноша, то этимъ обезпечена и дѣвушка; и, выходя замужъ, она смѣло можетъ переступить порогъ своего новаго жилища.

Дѣтская душа, успокоенная въ своемъ естественномъ любопытствѣ высокими и благотворными понятіями о вѣчной тайнѣ мірозданія, свяжетъ законъ распространенія жизни съ представленіемъ о родительскомъ домѣ, уютномъ и дорогомъ, о ласкахъ матери, о привязанности отца и о любви родителей другъ къ другу. Защищенный отъ дурныхъ вліяній сознаніемъ этой внутренней связи, ребенокъ пойметъ, что грубый взглядъ на явленія половой сферы и грубые разговоры о нихъ служатъ профанаціей сокровенной святыни его сердца. И онъ никому не позволитъ осквернять этотъ завѣтный уголокъ своей души, какъ не позволитъ постороннимъ людямъ всуе произносить имена своей матери или сестры. Все жгучее любопытство, которое заставляетъ другихъ дѣтей нетерпѣливо и жадно выпытывать законы природы въ невѣдѣніи ихъ могущественной важности, глубины и гармоніи, будетъ чуждо ему, такъ какъ онъ уже предупрежденъ объ этихъ законахъ и они представлены ему въ своемъ чистомъ свѣтѣ и торжественномъ значеніи. Онъ получилъ уже первый урокъ религіи любви, и все пошлое и нечистое не будетъ достигать его.

О ЗАСТѢНЧИВОСТИ.

Французскій психологъ Дюга напечаталъ въ журналѣ „Revue Philosophique“ (1896, XII) интересный этюдъ, посвященный застѣнчивости. Его статья является остроумнымъ анализомъ этого страннаго чувства, которое въ большей или меньшей степени тяготѣетъ надъ каждымъ изъ людей и подъ бременемъ котораго иные проходятъ весь свой жизненный путь, отъ дѣтства и до старости. Вокругъ насъ всегда такъ много живыхъ существъ, въ такомъ разнообразіи характеровъ и физіономій является предъ нами человѣкъ, мы всегда его видимъ, слышимъ звуки его рѣчей,—и тѣмъ не менѣе постоянно есть какая-то неуловимая грань, которая отдѣляетъ насъ другъ отъ друга и вызываетъ смущеніе, робость, застѣнчивую боязнь, или угрюмость. Она непрошенной краскою покрываетъ лицо, заставляетъ вибрировать голосъ, охватываетъ дрожью весь организмъ и,—что ужаснѣе всего,—искажаетъ подлинный образъ нашей души. Мы говоримъ совсѣмъ не то, что хотѣли бы сказать, выражаемъ чувства, которыхъ у насъ нѣтъ, невольно прячемъ истинныя движенія сердца, не умѣемъ облечь въ слова наши мысли; мы съ отчаяніемъ видимъ, что нами овладѣваетъ безнадежная тупость, которая сейчасъ же проходитъ, лишь только мы остаемся наединѣ съ собою; въ этомъ одиночествѣ воскресаютъ остроуміе, само-

обладаніе, непринужденность и не исчезаютъ до тѣхъ поръ, пока снова не явятся люди. Въ ненормальномъ зеркалѣ глубокой застѣнчивости все принимаетъ извращенный видъ: и тѣло, и умъ, и воля. Застѣнчивость — полное торжество инстинкта и автоматизма надъ волею и разумомъ: она смѣется надъ нашими сознательными рѣшеніями и вынуждаетъ насъ дѣйствовать наперекоръ имъ.

Это чувство избралъ Дюга темой своей работы. Онъ справедливо видитъ психологическую причину застѣнчивости въ неудовлетворенной жаждѣ симпатіи. Когда мы не умѣемъ приноровить свою душу къ чужой, когда не въ ладъ настроены два сердца, и не совпадаютъ два внутреннихъ міра,—тогда возникаетъ мучительное недовѣріе къ себѣ и другимъ. Говоря метафизически, застѣнчивость, это—острое чувство непроницаемости монадъ. Отдѣльныя особи стремятся одна къ другой, но такъ какъ всякая изъ нихъ являетъ самостоятельный міръ и, по выраженію Лейбница, не имѣетъ оконъ, то въ этомъ стремленіи не всегда достигаютъ онѣ успѣха. Нравственное и умственное неравенство, сознаніе дѣйствительнаго или мнимаго диссонанса между мною и ближнимъ, боязнь, что меня не поймутъ или я не пойму,—все это влечетъ за собою тягостное состояніе застѣнчивости. Она сказывается иногда въ формѣ временныхъ припадковъ, но часто переходитъ и въ длительную болѣзнь, въ неизгладимую черту характера. Достигнувъ рѣзкой и крайней степени, она можетъ парализовать умственное развитіе и произвести существенныя нарушенія въ психической сферѣ. Но если интеллектъ самъ по себѣ силенъ, она порою оказываетъ и благотворное вліяніе: закрывая передъ человѣкомъ пестроту внѣшнихъ впечатлѣній застѣнчивость поселяетъ его въ мірѣ внутреннемъ, дѣлаетъ его идеалистомъ; и такъ какъ въ своемъ уединеніи мало видитъ онъ образцовъ для подражанія,

то онъ невольно становится не копіей, а оригинальною личностью, полною интереса и своеобразной красоты. И если застѣнчивость падаетъ на почву доброты и благородства, то ея жертва, на видъ угрюмая и скрытная, таитъ въ себѣ любовь, и ее глубоко трогаетъ всякое проявленіе чужого участія и симпатіи. Застѣнчивый отшельникъ избѣгаетъ людей, но въ то же время чувствуетъ въ нихъ нравственную потребность, и въ этомъ — источникъ многихъ противорѣчій его сердца и его жизни, источникъ великаго трагизма, который онъ переживаетъ въ тиши своего одиночества.

Какъ извѣстная стадія духовнаго развитія, какъ проявленіе самолюбія, душевнаго цѣломудрія и стыдливости, застѣнчивость характеризуетъ большинство людей въ раннемъ возрастѣ, въ преддверіи жизни. Черезъ нее надо пройти, какъ умъ проходитъ черезъ сомнѣніе; но нельзя остановиться на ней. Отъ сомнѣнія Декартъ пришелъ къ цѣльному міросозерцанію, отъ застѣнчивости нормальный человѣкъ придетъ къ господству надъ собою, къ твердому самообладанію въ своихъ общественныхъ связяхъ и отношеніяхъ. Только ординарные люди никогда не испытываютъ робости и смущенія, и отъ ихъ смѣлости—одинъ шагъ къ вульгарной развязности. Кто слишкомъ увѣренъ въ себѣ, въ того не повѣрятъ другіе.

Свой разборъ застѣнчивости Дюга построилъ исключительно на психологической почвѣ; онъ не коснулся тѣхъ соціальныхъ моментовъ, которые вызываютъ это чувство и которымъ въ смущеніи человѣка передъ человѣкомъ принадлежитъ далеко не послѣдній голосъ.

Кромѣ того, онъ только мимоходомъ и не надолго затронулъ ту роль, которую и въ порожденіи, и въ лѣченіи застѣнчивости играетъ воспитаніе. Между

тѣмъ именно послѣднее можетъ направить застѣнчивость въ такое русло, гдѣ она потеряетъ свои недостатки и сохранитъ свои преимущества.

Застѣнчивый ребенокъ, несомнѣнно, является для воспитательской практики очень сложнымъ и деликатнымъ объектомъ. Слѣдуетъ крайне дорожить тою внутренней сосредоточенностью, тѣмъ углубленіемъ въ себя, которыя служатъ его характерными чертами и обнаруживаютъ въ немъ натуру глубокую, впечатлительную, самолюбивую. И если это изученіе себя, это познаніе своего внутренняго міра, будетъ введено въ нормальныя рамки, если въ концѣ-концовъ ребенокъ дѣйствительно узнаетъ, изучитъ свою душу, то тѣмъ самымъ отпадетъ одна изъ причинъ его застѣнчивости, потому что ему станетъ извѣстна первая изъ величинъ, первый изъ дѣятелей въ жизненныхъ столкновеніяхъ—онъ самъ. Увѣренный въ себѣ, обнадеженный въ своемъ самолюбіи, онъ бодрѣе пойдетъ навстрѣчу дѣйствительности.

Но если въ силахъ воспитателя помочь этому самоизученію ребенка, то въ состояніи ли онъ улучшить дѣйствительность, которая своимъ прикосновеніемъ къ нѣжной душѣ-мимозѣ часто и порождаетъ застѣнчивое чувство? Здѣсь, конечно, вліяніе педагога весьма ограничено. Отъ разнообразія людей, порою грубыхъ и беззастѣнчивыхъ, какъ защититъ онъ своего скромнаго питомца? Но онъ можетъ и долженъ, хотя бы въ предѣлахъ семейной жизни, окружить его только такими лицами, которыя тактично относятся къ чужому внутреннему міру и съ которыми не смѣшна искренность, не обманываетъ дружба. Ледъ застѣнчивости таетъ отъ чужого тепла и участія. Если ребенокъ будетъ видѣть вокругъ себя не безразличныхъ людей, а только такихъ, съ которыми умѣстна откровенность, которые полны такта и вниманія къ своимъ

собесѣдникамъ, то и впослѣдствіи у него будетъ мало „знакомыхъ“, но нѣсколько близкихъ, и въ дружбѣ съ ними испарится вся излишняя застѣнчивость, и отъ нея останется только бережное обращеніе со своею и съ чужой душою.

Изъ мыслей Гете и о Гете.

По поводу книги Hermann Siebeck'a: „Goethe als Denker", 1902.

Въ послѣднее время нѣмецкая литература все чаще и чаще возвращается къ великому образу Гете. Онъ оставилъ намъ такое наслѣдіе поэзіи и мысли, что до сихъ поръ его нельзя исчерпать, — да и вообще геніальныя произведенія не изсякаютъ въ своей глубинѣ, И оттого, когда призываютъ назадъ къ одному изъ нихъ, то въ этомъ кличѣ нѣтъ ничего реакціоннаго; идти назадъ къ великому—это значитъ идти впередъ.

Въ Гете передъ нами — сочетаніе философской и художественной силы. Глубокія идеи, научныя прозрѣнія, дивные стихи—все это, на психологическомъ фонѣ могучей натуры, сливается въ одно сложное и вмѣстѣ съ тѣмъ единое цѣлое. Онъ былъ человѣкъ-міръ. Въ его лицѣ мы имѣемъ какую-то грандіозную реальность, необычайный фактъ,—надо въ немъ разобраться, надо прочесть эту живую книгу во внутренней связи ея разнообразныхъ страницъ.

Конечно, то явленіе, что одна и та же личность представляетъ собою воплощенный синтезъ философіи и поэзіи, въ сущности понятно и естественно. Міръ, который построяетъ отвлеченная мысль философа, и міръ, который блещетъ живыми красками въ образахъ поэта,—одинъ и тотъ же міръ. Сосредоточенное и пытливое созерцаніе ума и чуткая впечатлительность воображенія одинаково проникаютъ въ тайны жизни и природы. Художника осѣняетъ вдохновенная догадка, мыслитель идетъ медленною дорогой своей вдум-

чивой работы,—но оба они стремятся къ одной общей цѣли. Художника интересуетъ частное и наглядное въ своей жизненной теплотѣ и своеобразности, мыслитель думаетъ о мірѣ какъ цѣломъ, — но одинъ и тотъ же смыслъ открывается въ основѣ какъ единаго явленія, такъ и всей міровой совокупности ихъ. Каждый истинный художникъ безсознательно таитъ въ себѣ свою философію,—не облеченную въ логическія формы, не поддающуюся строгому разбору и подернутую дымкой индивидуальнаго настроенія. Если вы знаете его творчество, вы знаете и то, какъ онъ смотритъ на сущность міра и смыслъ жизни. Съ другой стороны, законченная философская система всегда имѣетъ въ себѣ элементы прекраснаго, эстетическаго, а иногда, какъ у Платона и Джордано Бруно, у Лейбница и Шопенгауэра, въ самой архитектоникѣ своей достигаетъ изумительной красоты и сливается съ поэзіей.

Въ Гете поразительны только степень и характеръ, этого естественнаго содружества между истиной и красотой, между философіей и поэзіей. О степени говорить не приходится, — кто не знаетъ, что его прекрасные стихи глубокомысленны, что его глубокія мысли органически заключены въ прекрасное? Кто не знаетъ, что въ его лучшихъ созданіяхъ, — напримѣръ, въ „Фаустѣ“, — нельзя провести границы между философскими откровеніями и чарующей силой художественныхъ образовъ? Тѣмъ Гете и великъ, что онъ больше и проникновеннѣе всѣхъ писателей сростилъ въ себѣ пониманіе міра и его пластическое воспроизведеніе. Что же касается характера, которымъ запечатлѣно у него это сліяніе философскаго и поэтическаго даровъ, то здѣсь необыченъ моментъ сознательности. Не только въ часы поэтическаго творчества, невольно и стихійно, вкладывалъ Гете общія мысли въ красоту своихъ стиховъ, но онъ и сознательно вырабатывалъ себѣ міросозерцаніе,

зналъ исторію философіи, сочиненія философовъ и, въ противоположность другимъ поэтамъ, думалъ не только объ единичныхъ фактахъ жизни, но и о мірѣ въ его цѣломъ. У него были вполнѣ опредѣленныя и вполнѣ ясныя идеи о вселенной, о міровыхъ законахъ, о силахъ природы. Даже если бы онъ не былъ поэтомъ, онъ записалъ бы свое имя на страницы исторіи какъ философъ, какъ ученый съ глубокой и обобщающей мыслью. Оттого его поэзія, въ своихъ слабѣйшихъ образцахъ, даже представляетъ собою только опоэтизированное глубокомысліе и чужда плѣнительной непосредственности и интуитивности, которая отличаетъ нашего Пушкина,—виденъ ученый, виденъ философъ въ его нежелательной раздѣльности отъ художника. Но зато лучшіе и наиболѣе характерные образцы этой же поэзіи неразрывно сочетаютъ въ себѣ вдохновеніе и философскую мысль. Не то, чтобы Гете намѣренно обрамлялъ въ эти лучшія свои созданія какое-нибудь обобщеніе,—напримѣръ, идею эволюціи, постоянно жившую въ его сознаніи; не то, чтобы онъ разсудочно вводилъ въ свои строфы какой-нибудь отвлеченный принципъ,—нѣтъ, философская мысль сама вытекала изъ поэтическихъ строфъ, рождалась одновременно съ ними въ общемъ восторгѣ и порывѣ духовнаго творчества. И вотъ оказывалось, что продукты безсознательнаго вдохновенія совпадали у Гете съ выводами его размышленій и научно-философскихъ знаній. Его поэзія и его философія—одно и то же; двумя путями приходилъ онъ въ единый Римъ всеобщей истины и красоты. Надо было бы знать всѣ глубокіе тайники человѣческаго творчества, для того чтобы опредѣленно рѣшить, какой элементъ — сознательный или безсознательный—игралъ здѣсь главную роль и въ какомъ соотношеніи они находились между собою. Нѣтъ сомнѣнія, что именно безсознательные порывы и пред-

расположенія духа склоняли Гете въ сторону тѣхъ философскихъ теорій, которыя онъ потомъ сознательно усвоялъ себѣ. Но безспорно и то, что эти философскія и научныя теоріи въ свою очередь вдохновляли его на поэтическія творенія. Во всякомъ случаѣ, онъ не былъ бы тѣмъ, что онъ есть, онъ не былъ бы великій поэтъ, если бы мы неизмѣнно замѣчали ту грань, которая отдѣляла въ немъ сознательно-философское отъ безсознательно-поэтическаго. Но, надо еще разъ сказать, въ томъ, что̀ есть у него безсмертнаго, мы этой грани не видимъ. И очень знаменательно, что онъ самъ не усматривалъ ея. Онъ не ставилъ себя на высоты сознательнаго отношенія къ міру, т.-е. онъ не считалъ себя философомъ. Ему казалось, что онъ не поднимается надъ уровнемъ обыкновеннаго человѣческаго смысла. Но эта самооцѣнка невѣрна, и болѣе правъ Эмерсонъ, который видитъ въ немъ стихійное тяготѣніе къ истинѣ и называетъ его философомъ многообразной дѣйствительности: „Гете умѣлъ разбираться въ пестромъ и шумномъ потокѣ фактовъ и впечатлѣній, и передъ его глубокимъ взоромъ прошлое, настоящее, ихъ религіи, наука и политика—все разрѣшалось въ общіе типы и вѣчные образцы“.

Живое сочетаніе философской мысли и художественнаго проникновенія въ міръ имѣло свои корни въ самой природѣ Гете. Извѣстно, какъ онъ говорилъ о томъ, что̀ ему оставили въ наслѣдство отецъ и мать:

Vom Vater hab'ich die Statur, des Lebens ernstes Führen,
Vom Mütterchen die Frohnatur und Lust zu fabuliren.

Серьезный взглядъ на жизнь—отъ отца; бодрое и ясное настроеніе, любовь къ поэзіи—отъ матери; вотъ два главные дара, которые завѣщали Гете его родители. Въ теченіе слишкомъ восьмидесяти лѣтъ счастливо и славно проходилъ онъ жизненную дорогу, и все это время, все это долгое время сливались въ его душѣ два теченія—серьезность отца и душевная

граціозность матери. Вдумчивое отношеніе къ жизни, углубленное созерцаніе ея, пытливое размышленіе надъ нею—и непосредственное воспріятіе ея многообразнаго содержанія, поэтическое восхищеніе ея красотой, упоеніе сказками, которыя ему когда-то разсказывала Frau Aia и которыя онъ повторилъ вслѣдъ за нею въ такой чудной формѣ. Разсудокъ, вѣское наслѣдіе благоразумнаго отца, сдерживалъ безпечную фантазію и не позволялъ легко порхать по жизни; но фантазія, нѣжный подарокъ матери, все-таки налагала на жизнь свои радужныя краски и смягчала суровую трудность бытія. Какъ-будто призванные и благословенные матерью, сопутствовали Гете прекрасные женскіе образы и проводили его до поздней старости, до самой могилы; какъ-будто призванные отцомъ, духовно сопровождали его Спиноза и Кантъ и всѣ, кто плугомъ своей мысли глубоко и строго забиралъ дѣйствительность. И оттого идеи серьезныя и всеобъемлющія, откровенія важныя о самыхъ таинственныхъ сторонахъ души и жизни, всѣ дерзновенія Прометея и Фауста чередовались у Гете съ жалобой пастуха, съ тоской Миньоны по той странѣ, гдѣ зрѣетъ померанецъ, съ пѣсенкой о Ѳульскомъ королѣ, которую безмятежно распѣвала за прялкой уже отмѣченная рокомъ бѣлокурая дѣвушка.

Смотря на вещи, онъ проникалъ въ ихъ глубину, читалъ ихъ сущность. Въ нѣдрахъ міра чуялъ онъ „великихъ матерей“, но и обыденные предметы раскрывали передъ нимъ свое внутреннее содержаніе, разсказывали ему свое прошлое. Онъ замѣчаетъ старое кресло въ комнатѣ Маргариты,—и вотъ сейчасъ же возстаетъ передъ нимъ цѣлая картина: дѣдъ сидитъ въ этомъ креслѣ, на семейномъ тронѣ, и вокругъ него рѣзвится веселая толпа дѣтей, и маленькая румяная Гретхенъ бережно цѣлуетъ сморщенную руку старика. Быть можетъ, такое проникновеніе въ каждую вещь

совсѣмъ не является даромъ желаннымъ: если во всякую минуту прозрѣвать орлиными глазами общее въ любой частности, если въ отличіе отъ другихъ людей никогда не оставаться на поверхности явленій, если вмѣсто смѣющейся зеленой лужайки непремѣнно видѣть скрытую вулканическую работу подземныхъ силъ, то не покроется ли жизнь тягостной дымкой, не сдѣлается ли она бременемъ для несчастнаго своею дальнозоркостью наблюдателя? Такъ было бы и съ Гете, если бы не прекрасное наслѣдство матери — способность къ непосредственному наслажденію міромъ, чарующая наивность и полнота впечатлѣній. И Гете, человѣкъ безконечныхъ горизонтовъ, сознавалъ, что сѣра теорія и вѣчно зеленѣетъ золотое дерево жизни.

Выше было уже сказано, что Гете сроднился съ идеей эволюціи, идеей генетическаго развитія міра. Въ нѣмецкой поэзіи второй половины XVIII вѣка этотъ основной пунктъ новаго міровоззрѣнія былъ выраженъ болѣе ярко, нежели въ самой философіи. У Декарта и Спинозы міръ еще представляетъ собою вытекающую изъ божественной первоосновы покойную систему неопредѣленно-большого числа взаимно обусловленныхъ силъ. У Лейбница больше движенія, и міровое цѣлое сочетается и развивается для него изъ живыхъ единствъ, или монадъ; но въ его заключительной мысли о предустановленной гармоніи таится скорѣе моментъ заранѣе пріуготовленнаго результата, чѣмъ планомѣрной и прогрессирующей дѣйственности. Кантъ хотѣлъ примирить дуализмъ эмпирически даннаго содержанія и апріорныхъ формъ и функцій разума, дуализмъ природы и свободы; но самый вопросъ о возможности генетическаго развитія духа онъ переносилъ изъ конкретнаго бытія въ сферу трансцендентную. Между тѣмъ писатели, какъ Лессингъ и Гердеръ, были проникнуты мыслью о поступательномъ движеніи и развитіи вселенной изъ ея собственныхъ нѣдръ

и силъ, и жизнь рисовалась имъ какъ безпрерывное воспитаніе природы и человѣчества.

Гете былъ какъ бы олицетвореніемъ этихъ мыслей, живымъ фокусомъ для нихъ. И, кромѣ того, онъ художественно углубилъ ихъ, наложилъ на нихъ отпечатокъ своей гармоничной природы. Къ адэкватному и чистообъективному воспріятію умозрительныхъ теорій онъ не имѣлъ способности и даже на свой, геніальный ладъ не понималъ ихъ; но, какъ художникъ, онъ постигъ все величіе идеи развитія въ ея неразрывномъ союзѣ съ идеей мірового единства. Въ своихъ поэтическихъ созерцаніяхъ онъ больше, чѣмъ кто-либо другой, чувствовалъ связь микрокосма съ макрокосмомъ, и онъ думалъ, что задача философіи состоитъ именно въ томъ, чтобы углубить въ насъ сознаніе нашего единства съ природой. Эта цѣль достигается совмѣстными усиліями нашего физическаго и духовнаго зрѣнія. Смотрите на природу, смотрите на себя, отдайтесь непрерывности вашей тѣлесной и умственной жизни, пользуйтесь логической мыслью какъ мостомъ отъ чувственнаго къ духовному созерцанію,—и вы будете философомъ, т.-е. вы поймете природу, какъ единое, вы поймете взаимную связь всѣхъ ея явленій. Подлиннымъ органомъ истины служитъ та высшая, третья ступень познанія, которая у Спинозы называется интуиціей. Она раскрываетъ передъ нами категоріи жизни и всякій единичный фактъ возноситъ на высоту общей идеи. Философія именно постольку и важна, поскольку она ведетъ къ этому обобщенію и синтезу; она болѣе привлекательна и плодотворна своей соединяющей, нежели своей раздѣляющей функціей. Впрочемъ, эти философскія операціи ума неотдѣлимы одна отъ другой, потому что въ раздѣленіи единаго и въ соединеніи раздѣльнаго заключается жизнь самой природы, и міръ, это—вѣчное сокращеніе и расширеніе, безпрерывное вдыханіе и выдыханіе.

Къ вершинамъ философской типизаціи жизни можно прійти, отправляясь отъ какого-нибудь одного предмета. Надо только углубиться въ него и по возможности исчерпать его своею мыслью. Именно въ томъ случаѣ, если мы войдемъ въ глубину объекта, онъ покажетъ намъ и свое прошлое, и свое потенціальное будущее; именно въ этомъ случаѣ мы удовлетворимъ требованіямъ генетическаго метода. Для геніальнаго созерцателя *одной* вещи, какимъ былъ самъ Гете, непосредственное воспріятіе настоящаго, историческое воспоминаніе о прошломъ и предвидѣніе будущаго—все сливается въ стройное цѣлое, и на единичной вещи мы изучаемъ міръ. Общее, это — единичный случай; частное, это — милліоны случаевъ. Все фактическое, это—одновременно уже и теорія. Лазурь неба сама по себѣ раскрываетъ передъ нами основной законъ хроматизма. Эстетическое проникновеніе въ жизнь, т.-е. гармоничное сліяніе съ нею всѣми гранями нашего существа,—вотъ путь къ сердцевинѣ міра. Но при этомъ надо помнить, что въ объясненіи всякаго отдѣльнаго явленія должна участвовать всякая наука, должны участвовать всѣ науки. Спеціализація противорѣчитъ самому существу человѣчески-разумнаго знанія и его объекта—міровой дѣйствительности. Ученый даже въ своей сферѣ не долженъ ограничиваться своей спеціальностью. Кто желаетъ постигнуть безконечное, тотъ долженъ во всѣхъ направленіяхъ изслѣдовать конечное. Правда, какъ бы далеко мы ни проникли въ міровые предметы, въ нихъ всегда останется что-то загадочное, необъяснимое, ирраціональное. Между идеей природы и ея реальностью, между существомъ и явленіями всегда есть нѣкоторое зіяніе, и люди стараются наполнить его умомъ, воображеніемъ, вѣрой, чувствомъ, мечтой или нелѣпицей. Начала и концы для насъ сокрыты, и возможно только приближеніе къ нимъ. Но оно возможно. Идея не растворяется сполна въ явленіи, но все-таки

явленіе—не только внѣшняя оболочка. Его наглядная форма даетъ намъ *символъ* идеи, и въ этомъ смыслѣ явленіе адэкватно идеѣ, оно не есть тѣнь и сонъ. Если для Канта вещь въ себѣ, или сущность, всегда остается скрытой, какъ бы далеко въ сферѣ опыта ни заходило познаніе, то для Гете символическое познаніе міра имѣетъ безконечно много степеней, и эти степени могутъ быть очень высоки и совершенны; сущность, идея предъ нами не явится, „великія матери“ во-вѣки незримы,—но все-таки чѣмъ дальше мы идемъ въ явленіе, тѣмъ ближе и глубже мы идемъ къ сущности. Въ природѣ нѣтъ скорлупы и ядра, все во всемъ дается сразу; сущность и явленіе, бытіе и знаніе соотносительны. Отказъ отъ исчерпывающаго знанія, интеллектуальная резигнація должны наступать на самыхъ границахъ человѣчества, а не въ предѣлахъ гипотетической ограниченности моего индивидуальнаго существа. Психологическая граница познанія, это—изумленіе; фактическая граница, это—Urphänomen, явленіе, разгаданное въ своей послѣдней простотѣ и общности. Для Канта вещь въ себѣ непостижима по существу, для Гете—только по степени, и Hebel und Schrauben Фауста глубоко помогаютъ уразумѣнію символическаго облика, а черезъ него и сущности міра. Окраска апріорныхъ формъ познанія, роковая въ глазахъ Канта, не такова для Гете. Въ связи съ этимъ различіемъ, если для Канта и Шиллера сущее и совершенное непосредственно раскрывается только въ этическомъ и къ нему они стремятся изъ міра явленій, то Гете въ этомъ особенномъ напряженіи силъ не нуждается: для него дѣйствительное и есть совершенное, которое надо только открыть подъ множествомъ наружныхъ оболочекъ, и его живитъ сознаніе: Die unbegreiflich hohen Werke sind herrlich wie am ersten Tag.

Благодаря синтезу всѣхъ психическихъ силъ лич-

ности возможно достаточное познаніе міра въ его нормѣ и типѣ. Между личностью и вещами существуетъ внутренняя связь. Именно это глубокое родство субъекта и объектовъ, человѣческой души и того, что ее питаетъ,—оно служитъ порукой нашего конечнаго проникновенія въ дѣйствительность. Мы сами—то, что мы познаемъ, и оттого мы познаемъ въ пластичныхъ образахъ и категоріи человѣческихъ отношеній, и природу, и божество. Мы никогда не могли бы видѣть солнца, если бы глазъ нашъ не обладалъ солнечной природой:

Wär nicht das Auge sonnenhaft,
Die Sonne könnt'es nie erblicken;
Läg nicht in uns des Gottes eig'ne Kraft,
Wie könnt'uns Göttliches entzücken?

Вѣнцомъ движенія и развитія космоса служитъ этотъ родственный солнцу и Богу человѣкъ, и потому именно въ его сердцѣ сходятся нити всей природы, именно къ нему протягиваются живыя щупальца изо всѣхъ областей міросданія. Но сердце человѣка — въ то же время обитель всякихъ оцѣнокъ, идеаловъ и всякой качественности. Оттого на вселенную, узелъ которой находится въ нашемъ внутреннемъ мірѣ, нельзя смотрѣть только съ количественной точки зрѣнія. Вселенная представляетъ собою нѣчто качественное, и по своему существу она тожественна съ душой человѣка. Между личною жизнью послѣдняго и полнотою жизни міровой есть сокровенная связь. Человѣкъ не стоитъ особнякомъ въ природѣ. Задача философіи въ томъ и заключается, чтобы увидѣть природу какъ единое, увидѣть взаимную связь всѣхъ ея явленій. Эту связь вы непосредственно чувствуете, и ваше настроеніе созвучно отвѣчаетъ настроенію природы; когда горныя вершины спятъ во тьмѣ ночной и тихія долины полны свѣжей мглой,—подожди немного: отдохнешь и ты, не отдѣляй себя отъ міра, живи съ міромъ въ

мирѣ. Ибо все высокое, что есть въ немъ, произошло изъ низшаго, и на каждомъ существѣ покоится отпечатокъ одной и той же великой творческой руки. Разнообразіе формъ имѣетъ въ своемъ источникѣ единство. Черезъ міръ проходитъ грандіозная метаморфоза, осуществляя единый планъ, стремясь къ единой осмысленной цѣли. Матерія, въ которой отъ вѣка живетъ зиждущая сила, создаетъ изъ себя отдѣльныя вещи, и онѣ восходятъ все выше и выше по скалѣ мірозданія. Въ каждой вещи таятся полярныя начала (цвѣтъ, напримѣръ, представляетъ собою извѣстную степень противоположности между свѣтомъ и тьмой); не одинакова въ предметахъ та степень, съ которой напряжены въ нихъ противоположныя начала, и чѣмъ эта напряженность сильнѣе, чѣмъ ярче она выражена, тѣмъ предметъ совершеннѣе.

Поступательное движеніе природы совершается однако не мирно, — въ ней происходитъ глухая трагедія. И когда ее сознаетъ человѣкъ, какъ это было, напримѣръ, съ Вертеромъ, то и онъ переживаетъ глубоко-трагическое настроеніе. Въ природѣ царитъ губительная сила, и каждый изъ насъ въ каждую минуту подвергается разрушенію и,— что, быть можетъ, еще страшнѣе,—самъ разрушаетъ другое. Отсюда—меланхолія Вертера. „Всякое мгновеніе,—говоритъ онъ,— подтачиваетъ тебя самого и другихъ, во всякое мгновеніе ты являешься разрушителемъ, ты долженъ быть этимъ разрушителемъ: самая невинная прогулка приноситъ смерть тысячѣ насѣкомымъ, одно движеніе ноги разоряетъ тщательныя постройки муравьевъ и превращаетъ цѣлый маленькій міръ въ жалкую могилу. Меня не трогаютъ великія чрезвычайныя міровыя бѣдствія, — эти наводненія, которыя смываютъ села, эти землетрясенія, которыя поглощаютъ города,— но сердце мое уязвляется самой *силой разрушенія*, которая присуща всей природѣ; она ничего не можетъ

создать, не разрушая. И вотъ я мечусь, исполненный тревоги. И небо, и земля, и всѣ міровыя силы сливаются для меня въ одно пожирающее чудовище".

Гдѣ созиданіе, тамъ и разрушеніе,—но зато созиданіе безконечно. Все завершенное, все законченное переходитъ въ другое, болѣе совершенное,—въ болѣе высокую форму и типъ бытія. Соловей въ иныхъ своихъ трелякъ — еще только птица; но онъ уже замыкаетъ собою циклъ птичьяго царства и предвосхищаетъ пѣніе человѣческое. И даже самъ человѣкъ, прекрасный конечный продуктъ возрастающаго творчества природы, является преддверіемъ къ высшему типу — сверхчеловѣка (именно Гете принадлежитъ и это понятіе, и это слово). И каждый изъ насъ имѣетъ передъ собой такую возможность претворенія въ сверхчеловѣческое существо. Вообще, мы пока—только возможности, и каждому изъ насъ предстоитъ задача реализовать себя. Весь міръ составленъ изъ живыхъ душъ, или монадъ; центры дѣятельныхъ силъ, духовныя единицы развиваютъ себя, какъ бы вращаются кругомъ своей орбиты, и въ этомъ состоитъ жизнь вселенной.

Конечно, наиболѣе замѣчательна и богата монада души человѣческой. Небесный горизонтъ усѣянъ звѣздами и планетами; различнымъ блескомъ сіяютъ эти звѣзды, — такъ отличаются между собою и души людей. Яркіе таланты, высокіе дары ума и сердца горятъ на тѣхъ же небесахъ, гдѣ скромно и застѣнчиво мерцаютъ помыслы обыкновенные, чувства заурядныя. Вспыхиваютъ и гаснутъ огни и огоньки, проносятся кровавые метеоры, мгновеннымъ блескомъ загораются падучія звѣзды, и не различишь отдѣльныхъ свѣтилъ въ безбрежности млечнаго пути,—все это происходитъ и въ мірѣ человѣческомъ. Но при всемъ разнообразіи въ степени яркости каждая душа являетъ особую драгоцѣнную планету, которая безъ торопливости, но и

безъ отдыха, вращается кругомъ своей оси, неуклонно осуществляя самое себя. Ибо въ каждый данный моментъ никто изъ насъ еще не готовъ, не законченъ, — никто еще не сдѣлался тѣмъ, что онъ представляетъ собою въ возможности. Безконечный свитокъ нашей личности еще не развернулся. Психическая жизнь — вѣчное движеніе, perpetuum mobile; мы безпрерывно растемъ и обновляемся, богатѣемъ въ своемъ внутреннемъ содержаніи; одно душевное состояніе не похоже на другое, и всякое изъ нихъ—обновка для насъ. Оттого и нельзя опредѣлить человѣка разъ навсегда; въ каждый данный моментъ никто еще не сказалъ своего послѣдняго слова и никто его никогда не скажетъ. Тѣ слова, которыя мы произносимъ въ свои предсмертныя мгновенія, только кажутся послѣдними,—таковы они для несовершеннаго человѣческаго слуха. Намъ умереть нельзя, потому что нѣтъ конца работѣ, которую мы должны совершить. Работа, созиданіе самого себя—вотъ задача жизни.

Великій геній созерцанія, мыслитель и художникъ, Гете превыше всего ставилъ однако не мысль, а именно дѣло: Im Anfang war *die That*,—сказалъ онъ устами Фауста. Горе человѣку, если онъ не претворяетъ своихъ идей въ реальное движеніе, если онѣ сиротливо и одиноко бродятъ среди другихъ мыслей, которыя успѣли облечься въ плоть и кровь, перейти въ дѣло! Надо работать, творить свою душу, творить міръ, и тогда міръ не окажется неблагодаренъ по отношенію къ намъ. Въ постоянной дѣятельности заключается нормальная жизнь, и все лежитъ для человѣка въ настоящемъ. Горькія воспоминанія о прошломъ, сладостная тоска по немъ, упованія на лучшее будущее — это мѣшаетъ жизненному дѣлу и отвлекаетъ насъ отъ истинной цѣли. Надо идти впередъ,—пусть не останавливаетъ насъ никакая исторія! Преградой для человѣка дѣйствующаго является даже раская

ніе,—надо отбросить гнетущее сознаніе ошибки и безъ раздумья передѣлать дурно сдѣланное дѣло. Безостановочно движется планета человѣческой души,—пусть же не замедляютъ ея всяческая рефлексія и сомнѣніе! И въ этомъ смыслѣ можно сказать, что кто дѣйствуетъ, тотъ не имѣетъ совѣсти; она есть только у того, кто размышляетъ.

Въ такомъ пренебреженіи ко всякой препонѣ, въ такой гордости и довѣріи къ самому себѣ есть нѣчто царственно-безпечное; въ этомъ слышится та божественная свобода духа, которая и отличала Гете. Вѣдь и природа не имѣетъ памяти. Какъ говоритъ Тютчевъ, весна не знаетъ, что были до нея другія весны, что будутъ послѣ нея другія весны,—она свѣтла и „блаженно-равнодушна, какъ подобаетъ божествамъ".

Свѣтлый и блаженно-равнодушный, не оглядываясь назадъ, шелъ Гете по своей жизненной дорогѣ. Онъ смотрѣлъ на міръ какъ на огромную каменоломню, изъ которой всякій долженъ извлекать матеріалъ для своей работы. Въ душѣ каждаго живетъ образецъ того нравственнаго зданія, которое мы должны воздвигнуть съ наибольшею гармоніей и цѣлесообразностью.

Назначеніе человѣческой личности — принимать участіе въ полнотѣ жизни съ ея благами и обязанностями. И мы должны посылать отъ себя животворные лучи, которые бы во всѣхъ областяхъ міра, въ самыхъ темныхъ уголкахъ его, пробуждали жизнь. Каждый изъ насъ—центръ вселенной, но отъ центра идутъ радіусы, и вселенная проходитъ черезъ наше сердце.

Человѣческая личность—самое высокое, что̀ есть на свѣтѣ, ни съ чѣмъ несравнимая драгоцѣнность. И она должна быть неприкосновенной. Ея нельзя совлекать съ пути, который ей предначертала ея же внутренняя природа. Вся человѣческая исторія — дѣло великихъ личностей. Онѣ служатъ предтечами одна для другой, онѣ въ міровомъ пространствѣ, на про-

тяженіи столѣтій, какъ бы перекликаются между собою, и мы внемлемъ этой грандіозной перекличкѣ великихъ умовъ, и всѣ наши разговоры представляютъ собою только блѣдное отраженіе этой глубокой бесѣды. Міръ не могъ бы существовать, если бы умолкли ея отзвуки. Но избранные богами великіе люди избраны не для счастья: какъ высокіе шпили громоотвода, они на себя принимаютъ огненный гнѣвъстихіи; они выдерживаютъ первый натискъ борьбы и страдаютъ за міръ. Они страдаютъ, потому что они не довлѣютъ себѣ. Нѣтъ ничего драгоцѣннѣе личности, но вѣдь и міръ представляетъ собою могучій индивидуумъ, безсмертное *я*. И потому надо служить міру, содѣйствовать его духовному строю и красотѣ.

Гете понималъ величіе титановъ, гордость Прометея. Но въ титанахъ онъ видѣлъ не только тяготѣніе къ власти и мощи, какъ Фридрихъ Ницше: именно въ сильной личности замѣчалъ онъ и нѣчто, желающее служить. Человѣкъ долженъ быть цѣлью. Но человѣкъ хочетъ быть и средствомъ. Будь цѣлью, но будь въ то же время и органомъ бо́льшаго, чѣмъ ты, организма,—такъ учитъ непосредственный голосъ совѣсти, этого внутренняго солнца, которое свѣтитъ нашей душѣ. Въ основѣ мы всѣ—коллективныя существа, и не враздробь протекаетъ жизнь людей; за что бы мы ни взялись, отдѣльной личности будетъ недостаточно. Поэтому и дѣтей надо воспитывать такъ, чтобы въ нихъ росло и крѣпло уваженіе, — уваженіе къ другому,—чтобы они предметомъ своего благоговѣнія имѣли нѣчто внѣ себя. Надо вообще выйти изъ себя,—выйти на соединеніе съ міромъ; быть можетъ, надо и сжечь себя, для того чтобы пламенемъ своего существа освѣтить и согрѣть окружающую среду. Такъ индивидуальное добровольно уступаетъ общественному; такъ человѣкъ сливается съ міромъ.

Безконечно возвышался Гете надъ другими людь-

ми, и онъ былъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ избранниковъ природы, которыхъ она, по выраженію Шопенгауэра, создаетъ въ лучшія и вдохновенныя минуты своего творчества; онъ былъ одинъ изъ разсѣянныхъ въ міровой пучинѣ немногихъ пловцовъ—rari nantes in gurgite vasto. И тѣмъ знаменательнѣе, что это великое исключеніе было противъ исключительности. Гете высоко цѣнилъ личность,—но все-же онъ подчинялъ ее обще-міровому. Свободный и гордый, баловень природы и жизни, онъ говорилъ о служеніи человѣчеству. Это является незамѣнимой поправкой къ тѣмъ особенностямъ его личнаго характера, которыя присвоили ему нечеловѣческій титулъ безстрастнаго олимпійца. „Великій язычникъ", онъ не зналъ надъ собою оковъ, онъ считалъ нормальное выше моральнаго, онъ не презиралъ чувственности и думалъ, что именно въ ней человѣкъ возвращается къ природѣ, отъ которой его отдѣлило было нравственное сознаніе. Но какъ художественная натура гармонически удерживала его въ границахъ страсти и чувства, такъ сознавалъ онъ и внутреннюю связь между человѣкомъ, какъ частью, и человѣчествомъ, какъ цѣлымъ.

Гете былъ спокоенъ,—нашъ міръ не таковъ, чтобы въ немъ можно было и должно было оставаться спокойнымъ. Вокругъ Гете волновались народы и страны,—онъ ничего не замѣчалъ; онъ не понялъ и не почувствовалъ французской революціи; онъ въ ея водоворотѣ увидѣлъ только идиллическія фигуры Германа и Доротеи,—онъ былъ спокоенъ. Человѣческому духу ближе и дороже безпокойные. И потому Гете никогда не будетъ интимнымъ другомъ сердца. Легко объяснить его замкнутость и невозмутимый покой: онъ былъ плѣнникъ самого себя. Слишкомъ богатъ и великъ былъ его внутренній домъ, слишкомъ много обителей было въ этомъ домѣ, для того чтобы Гете

имѣлъ потребность выходить изъ него въ даль,—какъ при первыхъ лучахъ весенняго солнца вышли въ поле изъ тѣснаго средневѣковаго города бѣдные герои его же Фауста. И онъ оставался на Олимпѣ своего духа, и у ногъ его проходили событія исторіи, тревоги жизни. Это было не по-человѣчески величаво. Но его произведенія возмѣщаютъ то, чего не было въ его біографіи. Вѣдь это онъ разсказалъ, какъ богъ Махадева простилъ грѣшную баядеру и, вопреки жестокому суду людей, поднялъ ее вмѣстѣ съ собою изъ „пламеннаго зѣва“ и вознесъ ее къ себѣ въ небеса.

Заблудшихъ дѣтей огневыми руками
Благіе возносятъ къ чертогамъ своимъ.

Дѣти земли и ея заботы близки богамъ,—этому училъ тотъ самый Гете, который парилъ, какъ богъ, высоко надъ землею. Повѣримъ же его словамъ, такъ какъ самъ онъ умеръ, а слова его безсмертны.

ВЛАДИМІРЪ СОЛОВЬЕВЪ.

Текстъ къ его портрету.

То, что Соловьевъ былъ натурой геніальной, сказалось очень рано. И это легко было замѣтить его окружающимъ, потому что и они представляли собою людей высокой умственной и нравственной организаціи. Онъ былъ сынъ знаменитаго историка, Сергѣя Михайловича, и въ домѣ отца получилъ воспитаніе, достойное своего духа. Онъ родился въ Москвѣ 16-го января 1853 года. Необыкновенно впечатлительный, воспріимчивый, Соловьевъ поражалъ своимъ развитіемъ. Уже въ дѣтствѣ пережилъ онъ тотъ моральный переломъ, который большинство людей испытываютъ гораздо позднѣе: на почвѣ глубоко-религіозной зародились вдругъ страстное невѣріе и безпощадный матеріализмъ. Будущій вселенскій христіанинъ кощунствовалъ съ упоеніемъ, будущій поклонникъ Пушкина рвалъ и металъ противъ его поэзіи и клялся Писаревымъ, будущій спиритуалистъ убѣжденно отрицалъ въ мірѣ всякое духовное начало. Но въ отроческіе годы это возникло, тогда же оно и улеглось, и контуры новаго Соловьева проступили совершенно явственно. Шестнадцати лѣтъ онъ кончилъ съ золотою медалью курсъ 5-й московской гимназіи, поступилъ на физико-математическій факультетъ московскаго университета, по отдѣленію естественныхъ наукъ, съ III курса перешелъ въ вольнослушатели историко-филологическаго факультета, въ 1873 г. сдалъ кандидатскій экзаменъ и послѣ этого одинъ учебный годъ

провелъ вольнослушателемъ въ московской духовной академіи. Въ 1874 году онъ защитилъ въ Петербургѣ магистерскую диссертацію „Кризисъ западной философіи“. Юноша-диссертантъ произвелъ на всю аудиторію глубокое впечатлѣніе, и историкъ Бестужевъ-Рюминъ, очарованный свидѣтель диспута, въ письмѣ къ знакомой выразился, что Россію можно поздравить съ геніальнымъ человѣкомъ. Затѣмъ Соловьевъ читалъ лекціи въ московскомъ университетѣ, въ 1875—76 гг. совершилъ богатое переживаніями путешествіе въ Англію, Францію, Италію, Египетъ. Въ 1877 году онъ переѣхалъ въ Петербургъ и былъ назначенъ членомъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія. Въ 1880 г. онъ защитилъ докторскую диссертацію „Критика отвлеченныхъ началъ“ и послѣ этого сталъ читать лекціи въ петербургскомъ университетѣ и на высшихъ женскихъ курсахъ. Знаменательный и страшный 1881 годъ имѣлъ рѣшающее значеніе и для его жизни: въ мартѣ этого года Соловьевъ, въ видѣ заключенія къ публичнымъ лекціямъ о литературномъ движеніи XIX в., неожиданно произнесъ горячую рѣчь противъ смертной казни. Послѣ этого онъ долженъ былъ оставить государственную службу и всю дальнѣйшую жизнь провелъ какъ литературный труженикъ. Онъ долго, до конца 90-хъ годовъ, не имѣлъ возможности выступать передъ публикой въ качествѣ лектора; цензура подвергала гоненію также и книги его. Неутомимая работа и всяческое пренебреженіе элементарными удобствами и даже потребностями подорвали его организмъ, и Соловьевъ безвременно умеръ 31-го іюля 1900 г. въ селѣ Узкомъ Московской губ. Какъ это часто бываетъ, только смерть его открыла русскому обществу глаза на то, что́ она имѣла и что́ потеряла въ немъ. И многіе поняли тогда, что каждый день сознательной жизни, который бы онъ прожилъ еще на землѣ, породилъ бы лишнее вдохновеніе

или творческую мысль, могъ бы заронить лишнее зерно въ скудную почву родной культуры...

В. С. Соловьевъ, безспорно,—одна изъ самыхъ оригинальныхъ и замѣчательныхъ фигуръ нашей исторіи. Онъ былъ не похожъ на другихъ уже своею внѣшностью. Голова пророка, рано посѣдѣвшіе длинные волосы, глубокій взглядъ задумчивыхъ глазъ, грудной бархатный голосъ, тонкій и дѣтски-звенящій смѣхъ,—„слегка раздвоена брада". Высокій и худощавый, скромно одѣтый, очень близорукій. Онъ сразу заставлялъ угадывать подъ этой оболочкой душу необыкновенную, помыслы о вѣчномъ. На его личности и жизни лежалъ такой отпечатокъ, словно въ шумѣ трудовъ и дней съ отрадой вспоминалъ онъ какой-то дивный образъ, нѣкогда его осѣнившій, словно и въ будущемъ мечталъ онъ увидѣть его опять. Какъ пушкинскій рыцарь бѣдный,

Онъ имѣлъ одно видѣнье,
Непостижное уму,—
И глубоко впечатлѣнье
Въ сердце врѣзалось ему.

Для того чтобы жить въ мірѣ, надо не подавлять въ себѣ инстинкта самосохраненія, надо заботиться о своемъ пропитаніи, о своемъ кровѣ, о тысячѣ важныхъ мелочей. Соловьевъ этого не дѣлалъ. Одинокій, непрактичный, какъ дитя безпомощный въ жизни, онъ точно весь ушелъ въ духъ и духомъ поддерживалъ блѣдный огонекъ своего физическаго существованія. Работникъ мысли и пера, онъ все, что зарабатывалъ, сейчасъ же тратилъ—больше на другихъ, чѣмъ на себя. Онъ отдавалъ деньги всякому, кто просилъ ихъ у него,—а просили у него многіе. И, раздавъ свой заработокъ, онъ вновь оставался нищимъ и этой нищетой не тяготился. Для него не существовало никакихъ матеріальныхъ узъ и путъ. Въ его жизни никакой роли не играли вещи, обстановка,—онъ не былъ рабомъ

своего имущества или своей осѣдлости, потому что онъ былъ неимущъ и неосѣдлъ. У него не было дома, опредѣленнаго угла, и хорошо сказалъ про него поэтъ Жемчужниковъ: „онъ на землѣ былъ не жилецъ, а въ даль стремившійся прохожій". Этотъ прохожій могъ подолгу не ѣсть, не спать, и даже когда онъ спалъ, ему грезились основныя мысли его философскихъ работъ или художественные образы. Его сердце было похоже на чуткій инструментъ съ драгоцѣнными струнами-нервами, и эти нервы у него постоянно трепетали. Когда онъ лежалъ на смертномъ одрѣ, врачи удивлялись не тому, что онъ безвременно умираетъ а тому, что онъ могъ жить, и притомъ жить въ высокомъ напряженіи творчества. Какъ-будто онъ тѣло считалъ досадной и случайной темницей духа и стремился сдѣлать ее возможно прозрачнѣе, легче, незамѣтнѣе. И это ему удавалось,—удавалось... пока онъ не умеръ, пока не достигъ своей цѣли, своей дали. Среди людей, искусно соединяющихъ умственные интересы съ настойчивой заботой о внѣшнемъ благополучіи, среди людей, преданныхъ въ той или другой формѣ усердному стяжанію, этотъ блѣдный, хрупкій и странный человѣкъ, идеальный братъ не Марѳы, а только Маріи, былъ антиподомъ всякихъ дѣловыхъ умѣній и знаній, и въ шумномъ морѣ будничныхъ волненій, злобъ и тревогъ онъ словно жилъ на одинокомъ островѣ своей духовной исключительности.

Его духу, въ самомъ дѣлѣ, нужна была возможно бо́льшая свобода отъ всего физическаго и внѣшняго, потому что онъ подолгу и часто пребывалъ на крайнихъ высотахъ мысли и чувства. Міровая жизнь разстилалась передъ нимъ въ обликѣ вѣчности, sub specie aeternitatis, и онъ вдумывался въ нее глубоко, какъ глубока она сама. Правда, серьезность испытующей мысли сочеталась у Соловьева съ неизмѣннымъ остроумiемъ; оно служило ему великую службу въ его публи-

цистической борьбѣ, въ его полемикѣ вообще, но оно же нерѣдко ослабляло впечатлѣніе отъ его философіи, даже отъ его личности, и порою какъ-то чуждо и непріятно было слышать изъ его устъ каламбуры или встрѣчать хотя бы и тонкую змѣйку остроты на страницѣ, достойной одного только чистаго паѳоса. Но это—деталь. Существенное же въ Соловьевѣ было проникновеніе серьезнымъ, и это серьезное заключалось въ религіозной христіанской идеѣ. Она была центромъ его внутренняго міра и его міросозерцанія; тъ нея лучами исходили и къ ней возвращались, всѣ его взгляды на космическую, общественную, индивидуальную жизнь.

Онъ былъ философъ, поэтъ, богословъ, критикъ историкъ, публицистъ. Онъ искрился умомъ, сверкалъ талантомъ, дышалъ міровой душою. Онъ былъ универсаленъ, и потому его сравнивали съ Пушкинымъ,—художественная форма его произведеній дѣлала это сравненіе еще болѣе законнымъ. Необыкновенная память, цѣпко державшая все содержаніе безчисленныхъ прочитанныхъ книгъ, умъ свѣтлый въ своей бездонности, тонко діалектическій и логическій, яркое и образное слово—все это сливалось въ одно поражающее явленіе.

Онъ училъ, что все матеріальное неизбѣжно коренится въ духѣ, и нѣтъ на свѣтѣ ничего мертваго и коснаго. Міръ имѣетъ душу, и душа человѣка непрерывно общается съ нею въ повседневности жизненныхъ явленій. Кругомъ насъ рѣютъ конкретныя духовныя силы. Безконечный, абсолютный духъ создалъ всѣ вещи, и это онъ — благой источникъ ихъ разнообразнаго бытія. Божество едино, но въ Немъ—творческая сила всего, и на все распространяетъ Оно Свое единство. Божество любовью сотворило свѣтъ, какъ Свой образъ и подобіе. И оттого теперешній міръ разлада и борьбы, какъ онъ рисуется нашему взору,

фатально прикованному къ тѣснымъ ограниченіямъ пространства и времени,—этотъ міръ въ своей основѣ и глубинѣ скрываетъ въ себѣ высшее благо, высшую истину, высшую красоту. Надо ихъ реализовать, и вселенная ждетъ ихъ воплощенія. Смыслъ мірового движенія, природы и исторіи именно въ томъ и заключается, чтобы постепенно одолѣть темныя стихійныя начала и явить космосъ въ его божественной сущности, въ его совершенствѣ. Это произойдетъ тогда, когда послѣднее звено мірового процесса, человѣкъ, свободно возвысится надъ чувственными влеченіями и своею волей совпадетъ съ волей Бога. Тогда онъ сдѣлается Богочеловѣкомъ. Однажды въ мірѣ это уже совершилось: Богочеловѣкомъ былъ Христосъ, и оттого Христосъ являетъ собою средоточіе всемірной исторіи. Христосъ воскресъ. Но воскресеніе, побѣда надъ смертью, надъ темною силой стихій, Богочеловѣчество, должно быть конечнымъ удѣлсмъ не отдѣльной личности, но и всего рода людского. И этого идеала можно достигнуть только въ собирательной жизни людей. Общество — организованная нравственность, и когда эта организація освятится и воплотитъ въ себѣ божественную мощь, когда она станетъ свободной теократіей и добро найдетъ себѣ безусловное оправданіе, тогда вся природа сдѣлается иной, и вселенная будетъ царствомъ чистыхъ духовъ въ лонѣ единаго духа—Абсолютнаго (см. подробнѣе въ статьѣ Л. М. Лопатина, 56-я книга „Вопросовъ Философіи и Психологіи“).

Онъ училъ такимъ образомъ, что не только мы способны, въ мистическомъ озареніи, владѣть истиной, но и что истина и добро владѣютъ нами. И красота была для него только осязательной формой истины и добра. Въ собственныхъ поэтическихъ произведеніяхъ онъ рѣдко возвышался до этой осязательности; проникновенная мысль не находила себѣ въ его стихахъ легкаго и непосредственно-художественнаго воплоще-

нія, и она оставалась мыслью. Соловьевъ больше поэтъ въ своей прозѣ, чѣмъ въ своихъ стихотвореніяхъ, — но онъ поэтъ настоящій, поэтъ духа. Онъ удивительно тонко цѣнилъ чужую поэзію, онъ весь былъ озаренъ геніемъ своего любимаго Пушкина; родныя были для него музы Тютчева, Фета, Мицкевича, и вообще онъ носилъ въ себѣ цѣлыя сокровища поэтическаго слова, внутреннюю музыку стиховъ.

За пестрой тканью временныхъ явленій чувствовалъ онъ вѣчную основу, и онъ хотѣлъ, чтобы эта основа сдѣлалась для всѣхъ одинаково понятной, для всѣхъ единой. Его завѣтной мечтою было соединеніе церквей, вселенское христіанство.

Умъ его постоянно витalъ на грани таинственнаго. Но если исторія знаетъ, что мистическія вѣрованія часто соединялись съ темной враждою къ свѣту, съ борьбой противъ свободной мысли и гражданственности, то у Соловьева высота философскаго полета совпадала съ высотою общественныхъ взглядовъ; его идеалистическая философія служила ему также и незыблемой основой для его прогрессивныхъ гражданскихъ убѣжденій. Свобода, равенство, братство — это были для него не только слова, и много онъ сдѣлалъ, и много онъ пострадалъ, чтобы и для другихъ это были не только слова. Его борьба съ „поддѣлками христіанства“, съ исключительностью національнизма, съ Іудушками русской жизни навсегда останется одной изъ лучшихъ заслугъ нашей публицистики. Близкій къ небу, онъ отзывался и на „скучныя пѣсни земли“,— особенно родной земли; и когда онъ ушелъ съ нея, то стало меньше одной человѣческой связью между земнымъ и небеснымъ, одной живой ступенью на лѣствицѣ Іакова...

Очеркъ этическихъ воззрѣній Н. Я. Грота.

Рѣчь въ публичномъ засѣданіи Московскаго Психологическаго Общества 6-го ноября 1899 г.

Духовныя поминки, совершаемыя нынѣ Психологическимъ Обществомъ, посвящены человѣку, съ именемъ котораго не связана какая-нибудь одна, вполнѣ законченная и глубокая философская система, но мысль котораго, нервная и страстная, находилась въ постоянномъ движеніи и развитіи, въ упорномъ исканіи теоретической истины. Для него философія была не только отвлеченнымъ построеніемъ обобщающаго ума,— онъ точно олицетворялъ ее и любилъ какъ живое существо, онъ чувствовалъ философію и всегда придавалъ ей даже излишне-яркую эмоціональную окраску. Съ увлеченіемъ и порывомъ создавалъ онъ свои теоріи и гипотезы, и на каждой изъ нихъ легко замѣтить привлекательный отпечатокъ еще неостывшаго настроенія, въ которомъ онѣ впервые возникали, легко замѣтить психологическій слѣдъ того момента душевной жизни, который сообщилъ имъ непосредственность и теплоту. Не многіе изъ философскихъ писателей такъ ясно воплотили въ своихъ произведеніяхъ свою живую личность, какъ Николай Яковлевичъ Гротъ; каждый изъ его научныхъ трудовъ въ значительной степени представляетъ собою страницу его внутренней автобіографіи.

Конечно, такое впечатлительное и субъективное отношеніе къ задачамъ философіи иногда нарушало логическую цѣльность работы, и пытливому автору нерѣдко приходилось отказываться отъ своихъ преж

нихъ воззрѣній, самому обнаруживать въ нихъ недостатки и неполноту и откровенно склоняться къ инымъ, подчасъ даже противоположнымъ взглядамъ. Но каждая стадія его философскаго міросозерцанія сама по себѣ имѣла выдающійся интересъ и невольно подкупала своею искренностью и жизненнымъ колоритомъ.

И, кромѣ того, при всѣхъ колебаніяхъ его отвлеченной мысли, при всемъ динамизмѣ его философіи всегда оставался неизмѣннымъ и внятнымъ одинъ основной тонъ, одинъ пребывающій мотивъ: это—рѣшеніе нравственной проблемы. Умственной подпочвой всѣхъ теорій Грота было воззрѣніе на міръ какъ на явленіе этическаго порядка. И чѣмъ глубже объяснялъ онъ себѣ и другимъ это явленіе, чѣмъ шире и свѣтлѣе становилось его моральное исповѣданіе,—тѣмъ дальше подвигался онъ въ своемъ общемъ философскомъ развитіи, тѣмъ сложнѣе дѣлалось его міропониманіе. Коренной переломъ въ его интеллектуальной жизни, его разрывъ съ позитивизмомъ имѣлъ своей причиной не только соображенія чисто-логическаго характера, но и, главнымъ образомъ, требованія этики. Нельзя было оставаться вполнѣ послѣдовательнымъ сторонникомъ позитивной философіи и въ то же время заявлять, какъ это дѣлалъ Гротъ, что философія всецѣло отождествляется съ нравственнымъ ученіемъ о мірѣ [1]). Его отталкивала мысль, что „живучія понятія“ совѣсти и объективнаго добра, высокіе идеалы и самоотверженныя стремленія—однѣ только иллюзіи, красивыя и громкія слова. И онъ постепенно перешелъ къ той философіи, которая въ эти слова влагаетъ вѣчный и реальный смыслъ. Для него былъ, конечно, открытъ и другой выходъ, которымъ пользуются и на которомъ успокаиваются очень многіе: онъ могъ бы раздвоиться между двумя міровоззрѣніями и одно изъ нихъ, научное и „показ-

[1]) „О направленіи и задачахъ моей философіи“. Стр. 18.

ное", освободить отъ всякихъ элементовъ идеализма, а другое, традиціонное и тайное, проникнутое вѣрой, исповѣдовать въ завѣтной глубинѣ духа, въ интимномъ уголкѣ своего внутренняго міра. Но для такого разлада, для этой, по извѣстному выраженію Фохта, двойной бухгалеріи души, онъ былъ слишкомъ искренній, прямой и чувствующій мыслитель, и слишкомъ близка, даже неразрывна была связь между его задушевными вѣрованіями и его теоретическимъ ученіемъ. Именно въ борьбѣ съ раздвоенностью духа видѣлъ онъ главную цѣль современной философіи: вернуть человѣчеству потерянную цѣльность и прежнее единство общаго міросозерцанія,—таково было, въ его глазахъ, высшее назначеніе критики понятій, т.-е. метафизики. Печальной ошибкой и тягостнымъ наслѣдіемъ Канта считалъ онъ произвольное отдѣленіе чистаго разума отъ практическаго, и онъ не признавалъ, что существуетъ рѣзкая пограничная черта между знаніемъ и вѣрой. И его собственная философская дѣятельность, одушевленная этическимъ интересомъ, всегда была направлена на то, чтобы разрушить искусственныя границы теоретической мысли и нравственнаго поведенія.

Однако этой цѣли онъ совершенно не могъ достигнуть въ тотъ ранній періодъ своего научнаго развитія, когда онъ впервые высказался о важномъ моментѣ своей философіи — именно о роли чувства какъ оцѣнки и критерія истины. Тогда онъ видѣлъ въ чувствѣ только относительное и шаткое начало, при свѣтѣ котораго вещи получаютъ для каждой личности субъективную окраску и узко-индивидуальное значеніе. И какъ-разъ суду и выбору этого мѣняющагося и невѣрнаго мѣрила отдавалъ онъ въ то время философію, т. е., другими словами, онъ скептически обезцѣнивалъ ее, отнималъ у нея общій и для всѣхъ обязательный характеръ, и она превращалась въ раздробленное до-

стояніе, изъ котораго всякій человѣкъ могъ брать то, что соотвѣтствовало его произволу и вкусу, то, что подсказывало ему капризное чувство, но могъ и совсѣмъ ничего не брать, такъ какъ, въ противоположность строгой и закономѣрной силѣ спеціальныхъ наукъ, общая картина міра, единая философія, не имѣетъ дѣйствительнаго существованія внѣ эмоціональной сферы отдѣльнаго лица. Естественно, что при такомъ взглядѣ, на этой зыбкой почвѣ субъективнаго чувства нельзя было построить властной этики, которая возвышалась бы надъ разнообразіемъ человѣческихъ настроеній и подчиняла бы себѣ всѣхъ людей. Н. Я. Гротъ не могъ тогда отвѣтить на вопросъ, который онъ впослѣдствіи выразилъ въ такой яркой формѣ: „Одно и то же солнце,—говорилъ онъ,—оживотворяетъ растенія и сушитъ ихъ, одинъ и тотъ же дождь увеличиваетъ плодородіе земли и заливаетъ поля, унося съ нихъ зачатки жизни, одна и та же молнія освѣжаетъ душную атмосферу и разсѣкаетъ на части вѣковой, полный красы дубъ. Во имя добра дѣлается много зла, а все-таки добро есть добро, а зло есть зло. Гдѣ же добро, гдѣ зло, откуда совѣсть, откуда въ насъ нравственное сознаніе?“ [1]).

И Н. Я. Гротъ долженъ былъ отклониться отъ своего прежняго воззрѣнія. Но для него очень характерно, что для исправленія своей ошибки онъ не отказался совсѣмъ отъ роли чувства въ познаніи истины,— онъ только углубилъ его природу и взглянулъ на него гораздо шире. Чувство потеряло въ его глазахъ свою относительность и субъективность и поднялось на высокую ступень такого момента, который непосредственно ставитъ человѣка передъ сокровенной проблемой бытія и даетъ ему отвѣтъ на нее. Побуди-

[1]) „О нравственной отвѣтственности и юридической вмѣняемости“. Стр. 8.

тельная причина и рычагъ науки, интеллектуальной дѣятельности, это — присущее намъ чувство истины, или умственной гармоніи. Пусть чувство является достояніемъ личности, но вѣдь личность, это—отраженіе міра и его законовъ, это — микрокосмъ, и потому ея субъективная оцѣнка вселенной можетъ и должна находиться въ близкомъ соотвѣтствіи съ дѣйствительнымъ смысломъ и цѣною мірозданія. Въ каждомъ изъ насъ, кромѣ индивидуальнаго и относительнаго субъекта, живетъ еще субъектъ общій, неизмѣнный, міровой, подчиненный объективнымъ законамъ, и оттого мы познаемъ „себя въ мірѣ и міръ въ себѣ“. Чувство служитъ надежнымъ методомъ этого познанія и изъ субъективной области нашего индивидуальнаго духа переноситъ насъ къ объективнымъ и универсальнымъ началамъ жизни. Въ мірѣ разлита гармонія, и ея отблескомъ въ насъ является наше чувство—достовѣрный показатель и отраженіе всеобщихъ законовъ. Поэтому чувству добра есть внѣ насъ реальное соотвѣтствіе; есть въ природѣ объективное добро, какъ ея законъ, какъ ея гармонія, которую мы постигаемъ тожественною съ ней гармоніей нашей личности. Наше эстетическое волненіе отвѣчаетъ дѣйствительной, независимо отъ насъ пребывающей красотѣ, наше этическое чувство—только отзвукъ объективной міровой нравственности, неоспоримый и отрадный признакъ гармоніи во внутреннемъ существѣ и носителѣ вещей, въ ихъ вселенскомъ субъектѣ, или волѣ. Міръ прекрасенъ и міръ добръ,—объ этомъ говоритъ намъ чувство и тогда, когда оно непосредственно, и тогда, когда мы подвергаемъ его метафизической переработкѣ въ понятіяхъ и идеяхъ нашего разума.

Живущій во всѣхъ насъ единый міровой субъектъ, который придаетъ всеобщее и положительное значеніе нашимъ личнымъ эмоціямъ, находитъ себѣ самое полное и глубокое воплощеніе въ великомъ чувствѣ

любви. Оно знаменуетъ собою универсальный союзъ всѣхъ живыхъ элементовъ міра и всѣхъ его вещей, оно въ торжествѣ всеобъемлющей гармоніи, въ пафосѣ платоновскаго Эроса, уничтожаетъ различіе между субъектомъ и объектомъ и приближаетъ вселенную къ идеальному единству и нерушимому согласію.

Такъ въ новой стадіи философіи Грота чувство было освобождено отъ узкихъ рамокъ относительности и возведено на объективную высоту истины. Но еще не въ свѣтѣ этого углубленнаго воззрѣнія покойный мыслитель разсматривалъ раньше и осудилъ систему именно того геніальнаго философа, подъ сильнымъ вліяніемъ котораго онъ создавалъ свою теорію мірового субъекта и чья художественная метафизика его плѣняла, хотя и не поработила его ума: я говорю о Шопенгауэрѣ и пессимизмѣ. Н. Я. Гротъ признавалъ пессимизмъ, а также и противоположный, оптимистическій взглядъ на міръ, только временнымъ настроеніемъ, которое выражаетъ собою оцѣнку „конкретно данной дѣйствительности“ [1]) въ ея отношеніяхъ къ спеціальнымъ запросамъ и требованіямъ отдѣльнаго лица, общественной группы людей, даже всего человѣчества; но пессимизмъ не можетъ быть научной доктриной. Въ его основѣ лежатъ чувства удовольствія и страданія, ощущенія счастья и несчастья, а отъ нихъ, относительныхъ и субъективныхъ, нельзя заключать къ дѣйствительной сущности и качеству мірового бытія, нельзя опредѣлять объективнаго и абсолютнаго достоинства вещей въ ихъ внутренней природѣ, чуждой и далекой отъ произвольной требовательности человѣка. Такого осужденія пессимизму Гротъ не могъ бы высказать впослѣдствіи, когда въ субъективномъ чувствѣ онъ усматривалъ поруку истины. Онъ и тогда,

[1]) „О научномъ значеніи пессимизма и оптимизма какъ міровоззрѣній“. Стр. 27.

въ этотъ позднѣйшій періодъ своей научной работы, энергично выступалъ противъ пессимистическаго міровоззрѣнія одушевленный, полный силъ и вѣры, но его аргументы измѣнились; и тогда, въ соотвѣтствіе со своимъ новымъ пониманіемъ чувства, онъ видѣлъ задачу міросозерцанія и философскаго творчества не въ томъ, чтобы непремѣнно устранять изъ воспріятій все субъективное и заглушать всякую эмоцію, а въ томъ, чтобы и воспріятіе, и чувство освобождать только отъ случайной и мгновенной примѣси, отъ недолговѣчныхъ элементовъ и наслоеній: послѣ такого испытанія и въ идеѣ, и въ чувствѣ останется одно лишь цѣнное, непреходящее и обязательное для всѣхъ людей. Подобнаго искуса пессимизмъ не выдержитъ.

Вѣра въ силу и правду чувства, въ свободную волю, въ объективное добро побуждали Грота придавать ученію о нравственности возвышенный и плодотворный смыслъ. Въ своемъ увлеченіи, въ своемъ довѣріи къ наукѣ, онъ приписывалъ этикѣ нормативный, законодательный характеръ: она для него не только объясняетъ нравственность, но и создаетъ ее. Смотря по тому, какая изъ этическихъ теорій въ концѣ-концовъ будетъ признана справедливой, сообразно съ этимъ получитъ свой видъ и содержаніе также и картина нравственной практики. Не безразлично для нашего поведенія то, какъ объяснитъ его природу и сущность философія; на дѣйствіи отразится его истолкованіе, — таково было глубокое убѣжденіе покойнаго, и вотъ почему онъ съ такимъ огнемъ и чуткостью отзывался на этическіе вопросы и разрабатывалъ ихъ съ любовью и вниманіемъ въ спеціальныхъ этюдахъ, касался той или другой ихъ стороны почти во всѣхъ своихъ трудахъ. Нравственныя проблемы имѣли для него далеко не исключительный интеллектуальный интересъ.

Рѣшеніе этихъ проблемъ не сразу вылилось у него въ законченную форму. Сначала онъ полагалъ, что прирожденная организація человѣка, основанная на инстинктѣ самосохраненія всей природы, заставляетъ его предпочитать общее благо, счастье рода личному удовлетворенію, благу отдѣльнаго существа. Онъ скоро разстался съ этой теоріей, но нѣкоторые слѣды ея сохранились и впослѣдствіи, именно тогда, когда онъ считалъ всѣ этическія ученія только различными видами эвдемонизма. Ему казалось безнадежнымъ и безполезнымъ стараніе совершенно удалить изъ этики принципъ блаженства, потому что никакая дѣятельность человѣка, а слѣдовательно и нравственная, не можетъ, въ конечномъ счетѣ, имѣть другого мотива, кромѣ тяготѣнія къ пріятному и страха передъ страданіемъ. Такъ какъ внутренней санкціей нашего поведенія служитъ чувство, то мы невольно и повинуемся его голосу, а этотъ голосъ, естественно, побуждаетъ насъ избѣгать боли, печали, страданія и жаждать радости и наслажденія. Но въ такомъ наивномъ и непосредственномъ стремленіи къ удовольствію гдѣ же зерно нравственности и въ чемъ его различіе отъ откровеннаго эгоизма? На это Гротъ отвѣчалъ своимъ ученіемъ о двойственности природы человѣка. Одна изъ ея граней — низшая, неразумная, узко-индивидуальная, другая — высшая, разумная, общая. То, что кажется счастьемъ для первой, отвергаетъ вторая, и между ними происходитъ постоянная борьба, которая проявляется и въ мысли, и въ волѣ, и въ чувствѣ. Въ области разума индивидуальныя, скованныя пространствомъ и временемъ воспріятія, представленія и понятія встрѣчаютъ противоположный потокъ общихъ свободныхъ и вѣчныхъ идей и идеаловъ. Въ области воли личныя, временныя и скоропреходящія влеченія борются съ неизмѣнными и общечеловѣческими порывами къ истинѣ и красотѣ, къ

добру и свободѣ. Въ области чувства мгновенныя наслажденія, связанныя съ матеріальнымъ существомъ человѣка, находятъ свою противоположность въ духовномъ восторгѣ умственной, эстетической и этической радости. Нравственное заключается въ торжествѣ высшей природы, въ обузданіи чувственныхъ инстинктовъ, въ безпрерывномъ усиленіи тѣхъ свѣтлыхъ эмоцій, которыя дѣлаютъ для насъ блаженнымъ „созерцаніе и воплощеніе въ жизни“ вѣчныхъ и неизмѣнныхъ началъ нашего собственнаго и обще-мірового бытія. Счастье—цѣль и основа нравственной дѣятельности, но это счастье—идеальное, духовное; оно возвышаетъ насъ надъ интересами личной жизни и побѣждаетъ всѣ ограниченія пространства и времени. Такое воззрѣніе на нравственность — эвдемонизмъ, но эвдемонизмъ идеальный; онъ враждебно относится ко всякому преобладанію матеріи надъ духомъ, ко всякому избытку физическаго удовольствія, потому что оно подавляетъ и затемняетъ высшую отраду просвѣтленной мысли и одухотвореннаго чувства. Оригинальной особенностью такого эвдемонизма, какой исповѣдовалъ Гротъ, является то, что, въ разрѣзъ и противорѣчіе другимъ теоріямъ чисто-утилитарнаго характера, онъ совмѣщался съ вѣрой въ субстанціальный духъ, въ самостоятельную личность. Гротъ былъ глубоко убѣжденъ, что наша индивидуальность — только временная и случайная форма того всеобщаго начала, которое дѣлаетъ каждаго изъ насъ особою личностью. Два понятія — индивидуальность и личность—не совпадали для него: какъ-разъ въ томъ и заключается нравственный героизмъ, чтобы во имя духовной личности отрѣшаться отъ индивидуальныхъ условій животнаго, или физическаго существованія и даже совсѣмъ жертвовать этой индивидуальной жизнью. Такимъ образомъ, въ его эвдемонизмѣ счастье мало чѣмъ отличается отъ мученичества. „Настоящее благо

личности,—говоритъ Н. Я. Гротъ,—въ ея отреченіи отъ своей животной обособленности, въ сознаніи себя звеномъ и воплощеніемъ общаго, цѣлаго, вѣчнаго". Это самоотреченіе заставляетъ насъ въ духовной радости нашего подвига переживать вѣчность, и будущее, загробное блаженство уже не сулитъ намъ иной награды, иного счастья. Ожидаетъ насъ это загробное продолженіе или нѣтъ,—это вопросъ вѣры, и какъ онъ будетъ рѣшенъ, для нравственнаго дѣятеля безразлично. Ибо „человѣкъ теперь умираетъ за добро и за братьевъ своихъ, переживаетъ то, выше чего уже ничего и не можетъ быть, переживаетъ вѣчную вѣчность, въ одномъ моментѣ своего бытія испытываетъ удовлетвореніе того абсолютнаго и всеобщаго самочувствія міра, которое въ немъ теперь *совершенно* воплотилось... Вся награда для него — чувствовать въ себѣ теперь Бога, чувствовать себя внутреннимъ средоточіемъ всѣхъ вещей, сознавать ясно, что его внѣшняя животная природа—случайный придатокъ. Что будетъ за предѣлами временнаго, онъ не знаетъ. Но чѣмъ можно соблазнить и обольстить его, когда онъ чувствуетъ въ себѣ *все*,—то высшее, общее и вѣчное, что есть и въ насъ, и вездѣ, и во всемъ?"

На такихъ высотахъ эвдемонизмъ, конечно, теряетъ всякій оттѣнокъ себялюбія, и такъ естественно перейти отъ нихъ къ тому объясненію нравственности, которое выдвигаетъ моментъ полнаго безкорыстія и совершенно устраняетъ мотивъ даже духовнаго счастья. И Гротъ сдѣлалъ этотъ переходъ, и послѣднимъ словомъ его этическаго ученія была теорія *міровой любви*. Онъ отказался отъ эвдемонизма: не только свое, но и чужое, но и общее счастье онъ призналъ невѣрной основой и недостойной цѣлью нравственнаго поведенія. Нельзя уничтожить дилеммы долга и счастья, и между нравственнымъ и счастливымъ нѣтъ внутренней связи. Устои нравственной жизни

находятся не внѣ человѣка, а въ немъ самомъ, въ его свободной волѣ, которая именно потому и свободна отъ физическихъ условій нашей индивидуальной организаціи, что она — міровое и творческое начало. Эта универсальная воля дышитъ въ каждомъ изъ насъ, и каждаго изъ насъ влечетъ она къ бытію, къ созиданію и усовершенствованію жизни въ мірѣ. „Любить, жалѣть, холить, сохранять и спасать отъ смерти все живое"—вотъ ея общая заповѣдь. Но это живое должно подняться надъ чисто-біологической ступенью, должно быть идейнымъ и психическимъ расцвѣтомъ жизни, а не однимъ только проявленіемъ ея матеріальныхъ силъ. Одухотворять вселенную, усиливать пульсъ ея идеальнаго бытія, оживлять міровое сердце, всѣмъ напряженіемъ мысли и чувства содѣйствовать торжеству разума—вотъ требованіе міровой воли, которая въ своемъ нравственномъ моментѣ есть и міровая любовь. Она выражается не только въ состраданіи и благоволеніи къ конкретнымъ существамъ, она проявляетъ себя въ самоотверженномъ служеніи идеямъ — наукѣ, искусству, философіи, религіи; она—въ каждой дѣятельности и въ каждомъ дѣятелѣ, которые имѣютъ своею сознательной цѣлью безконечное духовное совершенство міра, высокое развитіе психизма.

Такъ объяснялъ себѣ Гротъ сущность нравственнаго. И когда съ этимъ критеріемъ онъ подошелъ къ двумъ типичнымъ явленіямъ этической проповѣди XIX вѣка, когда ему надо было высказаться о духовномъ богатырѣ Толстомъ и о потухшей мысли Фридриха Ницше, онъ не могъ долго колебаться въ своемъ выборѣ и оцѣнкѣ. Дѣйствительно, съ *этой* точки зрѣнія, что же онъ увидѣлъ предъ собой?

Толстой говоритъ о любви и самымъ фактомъ своего желаннаго существованія творитъ ея подвигъ, а Ницше устами Заратустры сознается, что онъ усталъ отъ жалости, что онъ больше не хочетъ сострадать,—

между тѣмъ какъ любовь никогда не устаетъ. Для Толстого любовь, это—завершающій куполъ мірозданія; Ницше учитъ, что она изнѣживаетъ сердце и лишаетъ мужества. Ницше мечталъ подняться надъ противоположностью добра и зла, Толстой исповѣдуетъ религію вѣчнаго добра. Увлеченный далекой перспективой сверхчеловѣка, Ницше отдался безполезной перечеканкѣ міровыхъ монетъ и, безсильный Самсонъ, хотѣлъ потрясти величавую твердыню старыхъ, но не старѣющихъ идеаловъ; Толстой вѣщаетъ намъ тѣ самыя рѣчи, которыя давно звучали міру, и его образъ можетъ быть перенесенъ въ любую историческую обстановку, и вездѣ онъ будетъ необходимъ, и дорогъ, и понятенъ, и вездѣ будутъ внимать его проникновенному слову. Ницше много смѣется и насмѣхается, разсыпаетъ блестящія изреченія, играетъ и сверкаетъ идеями, заботливо отдѣлываетъ свои литературныя игрушки, иногда любуется экзотической тонкостью своихъ мыслей и ощущеній, и насъ опьяняетъ искрящаяся пѣна его ума; Толстой, суровый пророкъ, ищетъ одной только истины и говоритъ о ней безъ улыбки, серьезно и просто, въ стихійной мощи своего драгоцѣнно-неотдѣланнаго языка.

И Гротъ долженъ былъ вынести Ницше отрицательный приговоръ. Онъ цѣнилъ остроту его оригинальной мысли, его защиту личности, его безпощадную критику разслабленнаго альтруизма нашихъ дней,—который однако совсѣмъ не похожъ на христіанскую дѣятельную любовь; онъ сочувствовалъ пережитой имъ „трагедіи невѣрія и отрицанія“, склонялся передъ мучительной искренностью его философской исповѣди. Но онъ отвергалъ его язычество и культъ самоудовлетворенной мощи, и, если Ницше брезгливо отворачивался отъ ближняго, то Гротъ считалъ любовь къ послѣднему единственнымъ и вѣчнымъ началомъ нравственности и стремился отъ этого центра отки-

нуть далекіе радіусы духа къ идеѣ вселенной, Бога и бытія—предмета той „интеллектуальной любви“, которая своимъ живымъ дыханіемъ согрѣваетъ геометрическія построенія Спинозы. Николай Яковлевичъ зналъ, что послѣ пережитыхъ человѣчествомъ и переживаемыхъ человѣкомъ безчисленныхъ разочарованій накопилось въ мірѣ много иронiи и недовѣрія, потускнѣли идеалы, и люди стали смѣяться надъ тѣмъ, передъ чѣмъ они раньше благоговѣли. Но онъ вѣрилъ, что этотъ скептицизмъ—только временное явленіе, что надъ сложнымъ, изломаннымъ и утонченнымъ міровоззрѣніемъ ницшеанства безконечно возвышается великое простое Ясной Поляны, что къ вѣрной пристани любви и состраданія вернутся всѣ искатели иныхъ догматовъ, иныхъ цѣнностей, всѣ мореплаватели духа.

Николай Яковлевичъ не былъ, конечно, слѣпымъ прозелитомъ Толстого: онъ упрекалъ его въ рѣшительномъ пренебреженіи къ историческимъ формамъ жизни, онъ не раздѣлялъ его осужденія внѣшней культуры, не соглашался съ его обще-философскими взглядами на природу человѣка и съ его отношеніемъ къ метафизической сторонѣ христіанства. Для будущей нравственности міръ возьметъ у Толстого далеко не всѣ элементы его ученія, и въ грядущій синтезъ несходныхъ идеаловъ нашъ старый геній внесетъ только часть,—но эта часть будетъ велика и благотворна. У него много противорѣчій и спорныхъ теорій; но выше этихъ противорѣчій, снимаетъ ихъ, выше частныхъ недостатковъ тотъ общій духъ любви, тотъ глубокій смыслъ человѣческой правды, который влечетъ къ нему, великому сердцевѣдцу, многія сердца. Почтенный личной симпатіей Толстого, Николай Яковлевичъ воспринялъ его могучее вліяніе и высоко цѣнилъ въ немъ не только геніальную силу художественнаго творчества, но и своеобразную мысль, часто

упрямую и рѣзкую, но всегда выстраданную и честную. Онъ *чувствовалъ* Толстого, любилъ его недостатки и недоумѣнія; онъ зналъ, что его не трудно критиковать, но трудно не склоняться передъ этимъ самородкомъ таланта и души.

Такъ мыслилъ, въ сферѣ этическихъ вопросовъ, Николай Яковлевичъ Гротъ. То, что я намѣтилъ въ слабыхъ очертаніяхъ, ярко изложено въ его книгахъ и статьяхъ, и общимъ достояніемъ служатъ его воззрѣнія. Ихъ можно опровергать, имъ должно отказать въ оригинальности, но дорого то, что они были его психологической собственностью, что онъ претворилъ ихъ въ себя и органически съ ними сроднился. И у строкъ его трудовъ каждый увидитъ проникающее ихъ чувство и трепетъ молодого увлеченія. А тѣ, кто зналъ его близко и лично, знаютъ и то, что съ увлеченіемъ и чувствомъ относился онъ не только къ идеямъ, но и къ людямъ. Они знаютъ, какъ довѣрчивъ и свѣтелъ былъ его взглядъ на человѣка, какъ уважалъ онъ чужую личность, какъ своею мыслью зажигалъ онъ чужую мысль и своей душою шелъ навстрѣчу другой душѣ. Онъ былъ воплощенной жизнью и страстностью, весь—порывъ, энергія и бодрость.

Есть люди, къ которымъ смерть приходитъ тогда, когда они и безъ того уже мертвы,—Николай Яковлевичъ умеръ живымъ. Оттого насъ всѣхъ и поразила такою горькой и жгучей обидой эта безвременная кончина мыслителя, который не досказалъ своихъ мыслей, прервалъ свой любимый трудъ и въ раннюю могилу унесъ неосуществленныя возможности, незавершенныя стремленія; оттого мы и не можемъ привыкнуть къ его отсутствію, и какъ-то странно намъ и больно безъ него...



ОПЄЧАТКИ.

Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
На стран. 60-й, 6-я стр. сверху	
жестокостъ	*жесткостъ.*
На стран. 99-й, 3-я стр. сверху	
небыло	*не было.*
На стран. 119-й, 1-я стр. сверху	
Центральная	*Центральную.*

Того же автора:

Силуэты русскихъ писателей.

Выпускъ I.

Его содержаніе: *Батюшковъ, Крыловъ, Грибоѣдовъ, Рылѣевъ, Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ, Тютчевъ, Баратынскій, С. Аксаковъ, Огаревъ, Плещеевъ, Помяловскій, Гончаровъ, Глѣбъ Успенскій, Гаршинъ, Короленко, Чеховъ.*

Съ 18-ю фототипіями.

Изданіе 2-е, 1908 г., М., стр. 371. Цѣна 2 р. 10 к.

Выпускъ II.

Его содержаніе: *Кольцовъ, Некрасовъ, Майковъ, Щербина, Фетъ, Полонскій, Алексѣй Толстой, Достоевскій, Левъ Толстой, Тургеневъ, Островскій, Слѣпцовъ.*

Приложеніе: Дѣти у Чехова.

Съ 12-ю фототипіями.

Изданіе 2-е, 1909 г., М., стр. 200. Цѣна 1 р. 25 к.

ПУШКИНЪ.

(Извлеченіе изъ „Силуэтовъ русскихъ писателей“) 1908 г., М., стр. 142. Цѣна **80** к.

Изданія „Научнаго Слова“ (Москва, Нѣмецкая ул., домъ и квартира Г. К. Рахманова).

ПЕЧАТАЕТСЯ

III вып. „Силуэтовъ русскихъ писателей“

(*Козловъ, Веневитиновъ, Полежаевъ, Александръ Одоевскій, Языковъ, Бенедиктовъ, Левитовъ, Максимъ Горькій, Леонидъ Андреевъ, Валерій Брюсовъ, Иванъ Бунинъ, Ѳедоръ Сологубъ, Борисъ Зайцевъ*).

Книгоиздательство „ЗАРЯ“
(Москва, кн. маг. „Сотрудникъ Провинціи“, уг. Тверск. бульв. и Мал. Бронной, д. № 1. Тел. 27-96).

П. КОГАНЪ.

„Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы“.

СОВРЕМЕННИКИ.

Томъ III, вып. I.

Арцыбашевъ, Купринъ, Сологубъ, Юшкевичъ и др.

Цѣна 1 руб.

Томъ III, вып. II.

Андреевъ, Бальмонтъ, Брюсовъ и др.

Цѣна 1 р. 25 к.

КРИТИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

№ 1. Ю. Айхенвальдъ.—**Валерій Брюсовъ.** Ц. 20 к.
№ 2. С. Рамеръ.—**Августъ Стриндбергъ.** Ц. 30 к.
№ 3. Н. Я. Абрамовичъ.—**Кнутъ Гамсунъ.** Ц. 20 к.
№ 4. Н. Я. Абрамовичъ.—**Фридрихъ Ницше.** Ц. 20 к.
№ 5. Н. Минскій.—**I. Толстой и реформація. II. Идеи „Саломеи“.** Ц. 20 к.

Въ слѣдующихъ выпускахъ будутъ помѣщены очерки **Зин. Венгеровой, І. Шлафа, Г. Брандеса** и др.

„Критическіе Альманахи“

Книга I.

СТАТЬИ и ОЧЕРКИ

Ю. Айхенвальда, П. Когана, Н. Абрамовича, В. Высоцкаго, Георга Брандеса и др.

о М. Метерлинкѣ, К. Гамсунѣ, О. Уайльдѣ, Габр. д'Аннунціо, Ж. Роденбахѣ, Арт. Шницлерѣ и др.

Цѣна 1 р.

Книга II.

СТАТЬИ и ОЧЕРКИ

Ю. Айхенвальда, П. Когана, Г. Брандеса, В. Фельдмана, Г. Сенкевича и др.

о Ш. Бодлерѣ, А. Стриндбергѣ, Г. Ибсенѣ, Э. Зола, Ст. Пшибышевскомъ и др.

Цѣна 1 р.